ISSN: 2713-1637

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Научный дайджест ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД России

№ 3 (33) 2026

г. Иркутск

Научный дайджест ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД России

№ 3 (33) 2026

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Электронное периодическое издание создано при использовании программного обеспечения:
Microsoft Word, Adobe Acrobat Reader
Дата подписания к использованию: 25.09.2026
Объем издания: 20 МБ
Комплектация издания: 1 компакт-диск
Тираж: 500 компакт-дисков

Регистрационный номер Эл № ФС77-76663 от 26.08.2019
Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Издаётся с октября 2019 г.
Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074.
Тел. (3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953.
E-mail: daidjest_esiirk@mail.ru

© ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2026

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

Е. З. Сидорова, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России.

Заместитель главного редактора журнала:
С. Н. Грошев, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России.

Члены редакционной коллегии:
Е. С. Иванченко, кандидат педагогических наук, начальник кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД России;
О. В. Ивушкина, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России;
С. Л. Курас, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры основ российской государственности и цивилистики Восточно-Сибирского института МВД России;
Д. В. Михаэлис, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России;
А. В. Прокопьева, кандидат экономических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России;
А. А. Сысоев, кандидат исторических наук, доцент, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Восточно-Сибирского института МВД России;
Т. А. Сливинская, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и культуры речи Восточно-Сибирского института МВД России;
О. В. Трубкина, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России;
П. М. Фидель, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Восточно-Сибирского института МВД России;
А. А. Шеков, кандидат химических наук, доцент, начальник кафедры судебно-экспертной деятельности Восточно-Сибирского института МВД России;
Е. А. Шацкая, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России;
Ю. В. Шелегов, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России.

Ответственный секретарь:
Д. А. Кузнецова, научный сотрудник научно-исследовательского отдела Восточно-Сибирского института МВД России.

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии.
Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях.
Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.
Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.
Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России: электронное периодическое издание / Восточно-Сибирский институт МВД России. — Электронные текстовые данные (20 МБ). — Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2026. — 1 компакт-диск.

Минимальные системные требования: процессор Intel с частотой не менее 1,3 ГГц; ОЗУ 512 Мб; операционная система семейства Windows; Adobe Reader v. 4.0. и выше; дисковод; мышь.

Электронное периодическое издание
© ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2026

Scientific digest of EAST-SIBERIAN INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 3 (33) 2026

The founder of the journal is Federal State Public Educational Establishment of Higher Training "East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".
SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

The electronic periodical was created using the software:
Microsoft Word, Adobe Acrobat Reader Date of signing for use: 25.09.2026
Publication size: 20 MB
Edition complete set: 1 CD
Edition: 500 CD

PI No. FS 77-76663 dated 26 August, 2019
Registration: The Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR)

Since October, 2019
The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontov St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
факс: (3952) 411-953,
E-mail: daidjest_esiirk@mail.ru

© East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2026

Editors

Chief Editor:

E. Z. Sidorova, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology at the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Deputy Chief Editor:

S. N. Groshev, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Editorial team:

E. S. Ivanchenko, Candidate of Law, Head of the Department of Physical Training East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

O. V. Ivushkina, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

S. L. Kuras, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Fundamentals of Russian Statehood and Civics of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

D. V. Michaelis, Candidate of History, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

A.V. Prokopyeva, Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

A. A. Sysoev, Candidate of History, Associate Professor, Lecturer at the Department of Tactical and Special Training of the East Siberian Institute The Ministry of Internal Affairs of Russia;

T. A. Slivinskaya, Candidate of Pedagogical sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Foreign Languages and Speech Culture of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

O. V. Trubkina, Candidate of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Criminalistics of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

P. M. Fidel, Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies;

A. A. Shekov, candidate of chemical sciences, Associate Professor, Head of the Department of Forensic Activities at the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

E. A. Shatskaya, candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines at the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yu. V. Shelegov, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure at the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Executive Secretary:

D. A. Kuznetsova, Researcher at the Research Department of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia., East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.
Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.
The republication is allowed after the Editorial board permission only. Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia: electronic periodical / East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — Electr. text data (20 MB). — Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026. — 1 CD.

Minimum system requirements: Intel processor with a frequency of at least 1.3 GHz; RAM 512 MB; operating system: Windows; Adobe Reader v. 4.0. and higher; drive; mouse.

Text electronic periodical

Содержание

Юридические науки

Агафонов А. С., Цырендылыкова Н. Б.
Противодействие дропперству в условиях цифровизации 9
Власова Е. Л., Дворников Н. Д. Шубин Н. С.
Применение огнестрельного оружия сотрудником полиции: проблема разграничения крайней необходимости и профессионального риска..... 17
Власова Е. Л., Ситников А. Н., Багдуев Д. Е.
Проблема доказывания по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, фиксируемых техническими средствами (камерами) 25
Грошев С. Н. Объём полномочий и пределы ответственности мужчин в брачно-семейном праве досоветской России 32
Демидова В. Н. Роль социальных сетей и мобильных приложений в формировании жертвы кибермошенничества 39
Дрозд В. А, Чердакова Л. А.
«Потребительский экстремизм» в медицине: понятие, формы и правовые последствия..... 45
Калабин Р. А., Бахтеева Е. И.
Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних..... 52
Мареев П. Г., Баланс прав и обязанностей: особенности правового статуса обучающихся в системе МВД России 58
Миронов А. О. Проблемы выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершенных с использованием современных средств обмена информации 66
Унжакова С. В. К вопросу о классификации способов (приемов) противодействия расследованию преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений 72
Хасанова З. И. Сравнительно-правовая характеристика составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за публичное распространение ложной информации в законодательстве России и Республике Узбекистан 81
Чепурных Н. К., Антоненко О. С. Методы исследования изоляционных материалов при расследовании пожаров 90
Шмаленко С. А., Бархатова Е. Н.
Уголовно-правовая квалификация деятельности нелегальных спортивных организаций по статье 239 УК РФ: проблемы и пути совершенствования правоприменения 97

Исторические науки

Степаненко Ю. А., Михаэлис Д. В.
Правовой аспект деятельности мировых судов в Российской империи ... 106
Сысоев А. А.
Первые криминалисты Восточной Сибири: исторический экскурс 113
Хамзин Д. И., Прокопьева А. В.
«Привыкание к суровой земле»: культурная адаптация
и хозяйственное обустройство крестьян-переселенцев
в Иркутской губернии в начале XX века 122
Черных В. В., Лустова С. В. Развитие криминалистики как науки
в контексте истории органов внутренних дел в начале 20 века 128

Социология

Ворожцов А. М., Пахорукова Д. М.
Англицизмы в повседневной речи российской молодежи:
мода или современный инструмент общения 136
Свиридов И. С., Прокопьева А. В.
Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве 146
Шацкая Е. А., Дымбрылова И. Б., Баирова Т. В.
Социологические и психологические механизмы вовлечения
несовершеннолетних в криминальную деятельность 151
Шацкая Е. А. Шемякина П. Р.
Социально-психологические особенности организации деятельности
сотрудников исправительных учреждений 158

Педагогические науки

Бондарь А. Я.
Влияние аэробной тренировки на физическую подготовку курсантов
и слушателей образовательных организаций МВД России..... 166
Новолодская Н. С. Влияние культуры речи преподавателя вуза
на качество усвоения учебного материала 172
Прудникова А. Ю., Белых А. В., Мещеряков, А. Н.
Об опыте взаимодействия ведомственных образовательных организаций
Российской Федерации и Китайской Народной Республики 178
Терещенко С. А. Интеграция высокоинтенсивного
функционального тренинга (кроссфит) в процесс физической подготовки
курсантов образовательных организаций МВД России
как фактор повышения профессиональной работоспособности..... 184
Третьякова Е. И., Шеков А. А. Международное сотрудничество
между Восточно-Сибирским институтом МВД России
и государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь:
основные направления и перспективы развития 190

Content

Legal science

Agafonov A. S., Tsyrendylykova N. B.
Countering dropshipping in the digital age 9
Vlasova E. L., Dvornikov N. D., Shubin N. S.
Use of firearms by a police officer: the problem of distinguishing
between extreme necessity and professional risk 17
Vlasova E. L., Sitnikov A. N., Bagduev D. I.
The Problem of Proving cases of Administrative Offenses
in the field of Traffic Recorded by Technical means (cameras)..... 25
Groshev S.N. The scope of powers and limits of men's responsibility
in marriage and family law in pre-soviet Russia..... 32
Demidova V. N. The role of social networks and mobile applications
in the formation of cyber fraud victims..... 39
Drozd V. A., Cherdakova L. A. «Consumer extremism» in medicine:
concept, forms and legal consequences 45
Kalabin R. A., Bahteeva E. I. Current issues of criminal liability
for crimes against sexual integrity of minors..... 52
Mareev, P. G., Balance of rights and responsibilities:
characteristics of the legal status of students
in the system of the ministry of internal affairs of Russia 58
Mironov A. O. Challenges in detecting, solving,
and investigating drug trafficking offenses committed
using modern information exchange technologies..... 66
Unzhakova S. V. On the issue of classification of methods (techniques)
of obstruction of the investigation of crimes
related to illegal logging of forest plantations 72
Khasanova Z. I. Comparative legal characteristics
of the corpus delicti providing for criminal liability
for the public dissemination of false information
in the legislation of Russia and the Republic of Uzbekistan..... 81
Chepurnykh N. Ch., Antonenko O. S.
Methods of research of insulating materials in the investigation of fires 90
Shmalenko S. A., Barkhatova E. N. Criminal-legal qualification
of the activities of illegal sports organizations under Article 239
of the Criminal Code of the Russian Federation:
problems and ways to improve law enforcement..... 97

Historical science

Stepanenko Yu. A., Mikhaelis D. V. The legal aspect of the activity
of magistrates' courts in the Russian Empire 106

Sysoev A. A.
The first criminologists of Eastern Siberia: a historical digression 113
Khamzin D. H., Prokopyeva A. V.
«Adjusting to the harsh land»: cultural adaptation and economic arrangement of peasant settlers in the irkutsk province in the early 20th century 122
Chernykh V. V., Lustova S. V. The development of criminalistics as a science in the context of the history of internal affairs bodies in the early 20th century 128

Sociology

Vorozhtsov A. M., Pakhorukova D. M.
Anglicisms in the Speech of Young People: Fashion Statement or Means of Communication 136
Sviridov I. S., Prokopyeva A. V.
Accusatory bias in criminal proceedings 146
Shatskaya, E. A., Dymbrylova, I. B., Bairova, T. V.
Sociological and psychological mechanisms of involvement of minors in criminal activity 151
Shatskaya E. A., Shemyakina P. R. Socio-psychological features of the organization of correctional officers' activities 158

Pedagogical science

Bondar A. Ya. The Impact of Aerobic Training on the Physical Fitness of Cadets and Students of Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia 166
Novolodskaya N. S.
The influence of teacher's speech on the quality of education 172
Prudnikova A. Yu., Belykh A. V., Meshcheryakov A. N.
On the experience of cooperation between departmental educational institutions of the Russian Federation and the people's republic of China 178
Tereshchenko S. A. Integration of High-intensity functional training (crossfit) into the process of physical training of Cadets of Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a factor in improving professional performance 184
Tretyakova E. I., Shekov A. A. International cooperation between East Siberian institute of the ministry of internal affairs of Russia and the state committee of forensic examinations of the Republic of Belarus: main directions and prospects of development 190

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 9–16
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 9–16

Юридические науки

Научная статья
УДК 343.2/.7:004

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДРОППЕРСТВУ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Артем Сергеевич Агафонов [1], Номина Баировна Цырендылыкова [2]
[1, 2] Иркутский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В условиях цифровой трансформации финансового сектора дропперство превратилось в одну из наиболее масштабных угроз экономической безопасности личности, общества и государства. Это обстоятельство постоянно поддерживает горячую дискуссию на предмет совершенствования уголовно-правовых и регуляторных мер противодействия данному явлению в России. Предлагаем рассмотреть ключевые изменения законодательства, в частности новеллы ст. 187 УК РФ 2025 года, проблемные вопросы квалификации преступлений с участием дропперов, методы банковского контроля, криминологический портрет подставных лиц, а также актуальные меры профилактики, обосновывая необходимость комплексного подхода к решению проблемы.

Ключевые слова: дропперство, финансовая безопасность, уголовная ответственность, ст. 187 УК РФ, киберпреступность, профилактика

Для цитирования: Агафонов, А. С., Цырендылыкова, Н. Б. Противодействие дропперству в условиях цифровизации // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 9–16.

Legal science

Original article

COUNTERING DROPSHIPPING IN THE DIGITAL AGE

Artem S. Agafonov [1], Nomina B. Tsyrendylykova [2]
[1] Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

© Агафонов А. С., Цырендылыкова Н. Б., 2026

Abstract. In the context of the digital transformation of the financial sector, dropshipping has become one of the most significant threats to the economic security of individuals, society, and the state. This has led to a constant discussion about improving criminal and regulatory measures to combat this phenomenon in Russia. We propose to consider key changes in legislation (in particular, the novelties of Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation of 2025), problematic issues of qualifying crimes involving droppers, methods of banking control, the criminological profile of frontmen, as well as current preventive measures, justifying the need for a comprehensive approach to solving the problem.

Keywords: dropshipping, financial security, criminal liability, Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, cybercrime, prevention

For citation: Agafonov, A. S., Tsyremdylykova, N. B. Protivodeystvie dropperstvu v usloviyah tsifrovizatsii [Countering dropshipping in the digital age]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 9–16.

Цифровая трансформация финансового сектора, обеспечивая доступность и скорость платежей, одновременно породила новые вызовы для системы финансовой безопасности. Одним из наиболее динамично развивающихся феноменов последних лет стало дропперство – использование платежных инструментов третьих лиц (дропперов или дропов) для вывода, транзита и легализации преступных доходов [1, с. 137]. Актуальность исследования подтверждается масштабами явления. По данным МВД России, в 2024 году более трети всех зарегистрированных преступлений составляли деяния, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [2, с. 126]. Общий ущерб от дистанционных хищений в 2024 году превысил 197,5 млрд рублей, при этом, по оценкам экспертов, до 80% обналичивания похищенных денег проходит через дропперов[1]. Количество вовлеченных в схемы лиц достигло, по разным оценкам, от 700 тысяч до 2 миллионов человек [3, с. 37], а около 10 млн россиян переводили средства на дропперские карты [4, с. 96].

В юридической науке и правоприменительной практике отсутствует единое легальное определение дропперства. В научной литературе под дропперами (от англ. Drop – бросать) понимаются лица, которые задействованы в нелегальных схемах по выводу и обналичиванию денежных средств, полученных преступным путем с использованием своих банковских карт, счетов или персональных данных [1, с. 138]. Методические

[1] Подработка или преступление: что говорит новый закон о дропперах // РБК. – URL : https://companies.rbc.ru/ (дата обращения: 28.02.2026).

© Агафонов А. С., Цырендылыкова Н. Б., 2026

рекомендации Банка России определяют дропперство как действия, направленные на вовлечение граждан в деятельность по выводу и обналичиванию денежных средств, полученных преступным путем [3, с. 38]. В зарубежной практике аналогом выступает термин «money mule» (денежный мул), введенный ФБР США еще в 2009 году [5, с. 288]. Дропперство представляет собой многоуровневую угрозу экономической безопасности личности. Оно включает экономический аспект (потеря средств, блокировка счетов), правовой (уголовная ответственность), технологический (использование цифровых инструментов) и психологический (социальная инженерия) [6, с. 12].

Анализ научных источников позволяет выделить развернутую классификацию дропперов. По функциональной роли в схеме выделяются: «заливщики» – получают наличные деньги от организаторов или других дропов и вносят их на свои банковские счета для последующего перевода [1, с. 140]; «транзитники» – промежуточное звено, принимающее средства на свой счет и переводящее их дальше по цепочке на реквизиты, указанные организатором [7, с. 202]; «обнальщики» самостоятельно обналичивают денежные средства, поступившие на их карты, и передают их организаторам [8, с. 108]. По степени осведомленности о противоправном характере деятельности выделяются «неразводные» (осознанные), которые действуют добровольно и умышленно, и «разводные» (неосознанные) – эти не понимают, что участвуют в незаконной схеме, будучи вовлеченными путем обмана или социальной инженерии [9, с. 1]. По социально-демографическим характеристикам исследователи выделяют наиболее уязвимые категории: несовершеннолетние и студенты (16-25 лет), пенсионеры (старше 60-75 лет), мигранты, лица без официальной занятости и люди, находящиеся в трудном материальном положении [10, с. 770–771].

Ключевым событием в сфере уголовно-правового противодействия стало принятие Федерального закона от 24.06.2025 № 176-ФЗ[1], которым были внесены существенные изменения в статью 187 УК РФ («Неправомерный оборот средств платежей») [2] . Законодатель криминализировал действия ключевых участников организованной преступной деятельности, устранив существовавшие правовые пробелы. Новая редакция ст. 187 УК РФ предусматривает дифференцированную

[1] Федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 26. – Ст. 3987.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/(дата обращения: 28.02.2026).

© Агафонов А. С., Цырендылыкова Н. Б., 2026

ответственность. Часть 3 ст. 187 УК РФ устанавливает ответственность для рядового дроппера за передачу из корыстной заинтересованности электронного средства платежа и (или) доступа к нему другому лицу для осуществления неправомерных операций, наказание – вплоть до лишения свободы на срок до 3 лет. Часть 5 ст. 187 УК РФ устанавливает ответственность для дропповода за приобретение электронного средства платежа и (или) доступа к нему для последующей передачи другому лицу из корыстной заинтересованности (организация сбора карт), наказание – до 6 лет лишения свободы со штрафом [4, с. 40]. Часть 6 ст. 187 УК РФ устанавливает ответственность для операциониста за осуществление неправомерных операций с использованием электронного средства платежа лицом, не являющимся стороной договора банковского счета [2, с. 128].

Несмотря на прогрессивность изменений, исследователи указывают на ряд проблем. Прежде всего, это проблема субъективной стороны и риск объективного вменения. Новеллы создают риск привлечения к ответственности лиц, не осознающих противоправный характер своих действий, что нарушает принцип вины (ст. 5 УК РФ). Правоприменители могут использовать конструкцию «должен был осознавать», что граничит с объективным вменением [2, с. 130]. Для минимизации рисков предлагается закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда объективные критерии осведомленности (завышенное вознаграждение, инструкции по конспирации и т. д.) [2, с. 131].

Другой важной проблемой является проблема квалификации хищения с банковского счета. В судебной практике возникла тенденция признавать потерпевшими по делам о краже не владельцев счетов (дропперов), а лиц, фактически использовавших эти счета («клиентов»), когда дропперы похищали средства со своих собственных счетов. А. В. Архипов убедительно доказывает несостоятельность такого подхода, поскольку в соответствии с ч. 4 ст. 845 ГК РФ права на денежные средства принадлежат владельцу счета (дропперу). Передача карты клиенту не влечет перехода прав на средства, а противозаконное соглашение между ними не может быть основанием для возникновения прав собственности у клиента [11, с. 40]. Данный подход стимулирует развитие дропперства, создавая гарантии для «клиентов».

Также важна квалификация по совокупности преступлений: ст. 187 УК РФ выполняет функцию предикатного состава по отношению к хищениям (ст. 158, 159 УК РФ). Действия дроппера, осознанно участвующего в схеме, должны квалифицироваться по совокупности: по ст. 187 УК РФ и как соучастие (пособничество) в хищении [2, с. 129]. Отмечается также, что лишь около 10% дропов привлекаются к ответственности, а ст. 159.6 УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации) практически не работает, так как деяния часто квалифицируются как кража или простое мошенничество [4, с. 99].

© Агафонов А. С., Цырендылыкова Н. Б., 2026

Параллельно с уголовно-правовыми мерами Банк России реализует комплекс регуляторных мер, эволюционирующих от процедурных требований к созданию централизованных систем контроля [3, с. 38]. Создана база данных о случаях и попытках переводов без согласия клиента, и с 25 июля 2024 года банки обязаны приостанавливать на два дня переводы, если информация о получателе денег содержится в этой базе [9, с. 2]. Развивается платформа «Знай своего клиента» и ведется разработка единой информационной платформы о дропперах совместно с Росфинмониторингом для обмена данными между всеми кредитными организациями [7, с. 205]. С 15 мая 2025 года введены ограничения на размер безналичных переводов для лиц с высоким уровнем риска [3, с. 39]. Кроме того, с 1 июня 2025 года Росфинмониторинг вправе приостанавливать операции граждан на срок до 10 дней при подозрении на отмывание доходов [3, с. 40].

Крупнейшие банки разрабатывают и внедряют системы дроп-мониторинга на основе искусственного интеллекта и анализа больших данных. Система «Т-Банка» анализирует поведение клиентов для выявления признаков дропперства еще до поступления преступных доходов, что позволило снизить количество дропов в 2 раза. «Альфа-Банк» использует антифрод-систему, проверяющую каждую транзакцию за доли секунды с возможностью возврата похищенных средств со счетов злоумышленников [7, с. 203]. «ВТБ» разработал систему выявления новых схем (например, аренда карт дропов вместо покупки) и в 2023 году заблокировал более 1 млрд рублей на счетах дропов. «Сбербанк» разработал собственную СУБД для ускорения анализа транзакций, что позволило в 10-12 раз сократить количество дропперов, использующих его инструменты. «Газпромбанк» применяет гибкий подход, проводя детальный анализ подозрительных счетов перед блокировкой для минимизации ложных срабатываний [7, с. 204].

Криминологический анализ позволяет составить обобщенный социальный портрет дроппера. Возрастные группы включают молодежь (16-25 лет) и пенсионеров (старше 60 лет). Образование и занятость характеризуются общим или средним профессиональным образованием, отсутствием постоянной занятости или неполной занятость. Доходы низкие или отсутствует стабильный доход [10, с. 771]. Психологические характеристики включают стремление к легкому заработку, низкий уровень финансовой и правовой грамотности, доверчивость [10, с. 773]. Основные способы вербовки включают найм на работу через фиктивные объявления в соцсетях (Telegram, VK) о «легком заработке»; сайты знакомств; вовлечение через друзей и знакомых («сарафанное радио»); использование жертв телефонного мошенничества (им предлагают «работу» для «спасения» денег) [1, с. 141].

© Агафонов А. С., Цырендылыкова Н. Б., 2026

Проведенные в 2024–2025 годах опросы студентов и школьников [11, с. 773-776] выявляют тревожные тенденции. Низкая осведомленность: от 60% до 70% опрошенных школьников и студентов не знакомы с понятием «дропперство» [10, с. 776]. Готовность к риску: около 20–25% молодых людей потенциально готовы предоставить свой счет за вознаграждение, считая это безопасным заработком [10, с. 774]. Неправильные действия при «ошибочном» переводе: почти 30% школьников готовы вернуть деньги незнакомцу по его просьбе, что делает их уязвимыми для вовлечения в схемы [10, с. 775]. Завышенная самооценка: несмотря на низкую осведомленность, около 42% школьников и 30% студентов оценивают свой уровень финансовой грамотности как высокий [10, с. 776]. Эти данные подчеркивают критическую необходимость системной профилактической работы.

Исследователи предлагают комплекс профилактических мер [10, с. 777-779]. Информационно-образовательные меры предусматривают включение модулей по финансовой киберграмотности и противодействию дропперству в школьные и вузовские программы [10, с. 778]; использование интерактивных форматов: игры («Лабиринт дропов»), тематические уроки, Международный диктант по финансовой безопасности [5, с. 289]; проведение государственных информационных кампаний в СМИ и соцсетях о рисках и последствиях дропперства [2, с. 131]. Организационно-технические меры включают усиление мониторинга и оперативную блокировку сообществ в соцсетях, предлагающих продажу карт и сомнительный заработок; ограничение на количество оформляемых банковских карт на одного человека (обсуждается инициатива) [4, с. 100]; внедрение обязательной верификации работодателей при публикации вакансий [10, с. 778]. Правовые меры включают необходимость разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации дропперства и критериям осведомленности [2, с. 131].

Дропперство в современных условиях представляет собой сложный, высокоорганизованный вид киберпреступности, трансформировавшийся в инструмент гибридных угроз [2, с. 131]. Принятые в 2024-2025 годах изменения уголовного (ст. 187 УК РФ) и регуляторного (меры ЦБ РФ) законодательства создали основу для системного противодействия, позволив криминализовать действия всех участников преступных схем и усилить банковский контроль. Однако анализ выявляет ряд системных проблем: правоприменительные риски, связанные с возможностью объективного вменения и сложностью доказывания умысла [2, с. 130]; коллизии в квалификации, в частности, ошибочная практика признания «клиентов» дропперов потерпевшими [11, с. 40]; высокий уровень виктимности молодежи на фоне низкой финансовой грамотности и активности вербовщиков в цифровой среде [11, с. 779].

© Агафонов А. С., Цырендылыкова Н. Б., 2026

Эффективное противодействие дропперству требует комплексного подхода, сочетающего дальнейшее совершенствование законодательства и разъяснительной работы высших судов; развитие технологических платформ для межбанковского обмена данными и применения ИИ для проактивного выявления подозрительных операций; масштабную государственную информационно-образовательную кампанию, направленную на уязвимые категории населения, с использованием современных интерактивных форматов. Только скоординированные усилия законодателя, регулятора, правоохранительных органов, банковского сектора и институтов гражданского общества способны минимизировать угрозы дропперства и обеспечить должный уровень финансовой безопасности личности и государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Корнева, И. С., Печерица, Е. В., Шехова, Н. В. Риск роста теневых схем, связанных с транзитом и обналичиванием денежных средств с участием физических лиц «дропов» // Теоретическая экономика. – 2025. – №4. – С. 137–150.

2. Никонов, П. В., Цырендылыкова, Н. Б. Уголовно-правовое противодействие дропперству в условиях гибридных угроз // Искусство правоведения. – 2025. – № 4. – С. 126–132.

3. Бабин, Т. А., Золотухина, Д. В. Стратегия регуляторного противодействия дропперству в Российской Федерации: эволюция мер Центрального банка, технологические инновации и системные вызовы // Лучшая студенческая работа 2025. – 2025. – С. 37–41.

4. Романова, А. В., Бойко, А. В. Дропперство как элемент теневой инфраструктуры цифровой экономики // Вестник университета. – 2025. – № 2(52). – С. 96–101.

5. Павловец, А. С. Финансовая киберграмотность как приоритет финансового просвещения // Филиал ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте» в г. Рязани. – 2024. – С. 288–289.

6. Ахпашева, Е. А. Дропперство как угроза экономической безопасности личности // VI Международная научно-практическая конференция: «Современные тенденции развития науки: проблемы и перспективы в контексте глобальных вызовов». – 2025. – С. 11–14.

7. Валявская, К. Д., Кормилицын, А. И. Внутренний контроль банков по выявлению действий дропов: методы крупных российских банков и государственного регулирования // Научный аспект. – 2025. – Т. 38, № 4. – С. 201–208.

8. Альшаников, Н. М., Авакян, Г. А. Киберугрозы в банковской сфере: анализ уровня угроз и методов кибератак // Информационная безопасность. – 2024. – С. 106–109.

© Агафонов А. С., Цырендылыкова Н. Б., 2026

9. Чеклаукова, Е. Л. Дропперство в банковском секторе // Актуальные вопросы экономики и управления. – 2025. – С. 1–2.

10. Полянская, Е. С., Гончарова, К. С., Петрова, М. С., Пронина К. А. Проблематика «дропперства» // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2025. – № 2(102). – С. 769–779.

11. Архипов, А. В. Значение принадлежности банковского счета для квалификации кражи, совершенной с использованием электронных средств платежа (на примере уголовных дел в отношении дропперов) // Российский судья. – 2025. – № 2. – С. 37–41.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Агафонов Артем Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении гражданских и арбитражных дел, Иркутский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Шевцова, д. 1.

Цырендылыкова Номина Баировна, студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Шевцова, д. 1.

© Агафонов А. С., Цырендылыкова Н. Б., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 17–24
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 17–24

Юридические науки

Научная статья
УДК 342.98

ПРИМЕНЕНИЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКОМ ПОЛИЦИИ: ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РИСКА

Елена Львовна Власова [1], Никита Дмитриевич Дворников [2], Николай Сергеевич Шубин [3]
[1-3] Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье анализируются административно-правовые аспекты применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции. Авторы рассматривают проблему разграничения институтов крайней необходимости и профессионального риска в деятельности органов внутренних дел. На основе анализа норм Федерального закона «О полиции», Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и судебной практики Иркутской области предлагаются критерии отграничения правомерного применения оружия от превышения пределов допустимого риска. Особое внимание уделяется вопросам административной ответственности сотрудников полиции за нарушение установленного порядка применения огнестрельного оружия.

Ключевые слова: сотрудник полиции, огнестрельное оружие, профессиональный риск, крайняя необходимость, административная ответственность, правоприменительная практика

Для цитирования: Власова, Е. Л., Дворников, Н. Д. Шубин, Н. С. Применение огнестрельного оружия сотрудником полиции: проблема разграничения крайней необходимости и профессионального риска // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 17–24.

© Власова Е. Л., Дворников Н. Д. Шубин Н. С., 2026

Legal science

Original article

USE OF FIREARMS BY A POLICE OFFICER: THE PROBLEM OF DISTINGUISHING BETWEEN EXTREME NECESSITY AND PROFESSIONAL RISK

Elena L. Vlasova [1], Nikita D. Dvornikov [2], Nikolay S. Shubin [3]

[1-3] East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

Abstract. The article analyzes the administrative and legal aspects of the use of firearms by police officers. The authors examine the problem of distinguishing between the institutions of extreme necessity and professional risk in the activities of internal affairs bodies. Based on the analysis of the norms of the Federal Law "On Police", the Code of the Russian Federation on Administrative Offences and the judicial practice of the Irkutsk Region, criteria are proposed for distinguishing lawful use of weapons from exceeding the limits of permissible risk. Special attention is paid to the issues of administrative liability of police officers for violation of the established procedure for the use of firearms.

Keywords: police officer, firearms, professional risk, extreme necessity, administrative liability, law enforcement practice

For citation: Vlasova, E. L., Dvornikov, N. D., Shubin, N. S. Primenenie ognestrel'nogo oruzhiya sotrudnikom policii: problema razgranicheniya krajnej neobhodimosti i professional'nogo riska [Use of firearms by a police officer: the problem of distinguishing between extreme necessity and professional risk]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 17–24.

Вопросы применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции традиционно находятся в центре внимания как законодателя, так и правоприменителя. Это обусловлено особой общественной опасностью последствий такого применения, а также необходимостью четкого нормативного регулирования пределов допустимого риска в деятельности сотрудников органов внутренних дел. В административно-правовой доктрине и правоприменительной практике сохраняется дискуссионной проблема разграничения институтов крайней необходимости и профессионального риска при применении полицейским огнестрельного оружия.

© Власова Е. Л., Дворников Н. Д. Шубин Н. С., 2026

Правовой основой применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции выступает Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»[1] (далее – Закон о полиции), который в части 1 статьи 23 закрепляет перечень случаев, когда сотрудник полиции имеет право применить огнестрельное оружие. К числу таких случаев, в частности, относятся: защита граждан от посягательства, пресечение попытки завладения оружием, транспортным средством полиции; задержание лица, оказывающего вооруженное сопротивление. Вместе с тем применение оружия должно соответствовать критериям правомерности, установленным в статье 24 Закона о полиции, а именно – быть соразмерным характеру и степени угрозы, причинять минимальный вред и не создавать опасности для посторонних лиц.

Принципиальное значение для разграничения рассматриваемых институтов имеет понимание их юридической природы. Институт крайней необходимости (статья 2.7 КоАП РФ[2]) является общеправовым и применяется в ситуации, когда вред, причиненный охраняемым законом интересам, является меньшим по сравнению с предотвращенным вредом. В отличие от него, профессиональный риск в деятельности сотрудника полиции представляет собой особый правовой режим, при котором действие, хотя формально и содержит признаки правонарушения, признается правомерным, поскольку оно совершено в рамках исполнения служебных обязанностей и не превышает допустимых пределов [1, с. 87].

Анализ судебной практики Иркутской области свидетельствует о том, что вопросы применения оружия сотрудниками полиции чаще всего становятся предметом рассмотрения в рамках проверок законности применения огнестрельного оружия. Важно отметить, что подавляющая часть таких проверок не доходит до судебного разбирательства, поскольку действия сотрудников признаются правомерными на стадии служебной проверки [2 с. 114]. Однако в отдельных случаях, когда возникает спор о пределах допустимого риска, прокуратура вынуждена давать оценку обстоятельствам применения оружия.

Показательным примером является практика Братский городской суд Иркутской области от 15 февраля 2022 г. по делу № 22-456/2022, рассматривавшего дела, связанные с применением силы сотрудниками полиции в отношении граждан, угрожавших их жизни и здоровью. Так,

---

[1] О полиции : Федер. закон № 3-ФЗ : принят Гос. Думой 28 января 2011 года : одобрен Советом Федерации 2 ферваля 2011 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165// (дата обращения: 07.02.2026).

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : КоАП : принят Гос. Думой 20 декабря 2001 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/documen t/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 07.02.2026).

© Власова Е. Л., Дворников Н. Д. Шубин Н. С., 2026

в одном из решений прокурор признал правомерным применение табельного оружия сотрудником полиции при пресечении нападения вооруженного ножом лица, отказавшегося выполнить законное требование прекратить противоправные действия.

Прокурор отметил, что угроза жизни сотрудника была реальной, а примененное оружие являлось единственным средством, способным пресечь посягательство [3].

Вместе с тем практика показывает, что не все случаи применения оружия получают однозначную оценку. Проблема разграничения профессионального риска и крайней необходимости возникает, в частности, при оценке действий сотрудника, применившего оружие при задержании лица, которое не оказывало непосредственного вооруженного сопротивления, но могло скрыться. В таких ситуациях нередко возникает вопрос о соразмерности применения оружия характеру совершенного правонарушения. Административно-правовая оценка таких действий должна исходить из положений статьи 24 Закона о полиции, требующей, чтобы применение оружия было крайней мерой и допускалось только при исчерпании всех иных способов пресечения.

Как справедливо отмечает Н.А. Бабий, в деятельности сотрудников органов внутренних дел профессиональный риск является неотъемлемым элементом, однако его правомерность должна оцениваться не по формальным признакам, а с учетом фактической обстановки и степени общественной опасности посягательства [4, с. 46]. Данный подход находит отражение и в судебной практике Иркутской области, где суды учитывают совокупность объективных и субъективных факторов, в том числе внезапность посягательства, наличие реальной угрозы для жизни и здоровья, а также невозможность использования менее жестких мер воздействия.

Значимым аспектом является административная ответственность сотрудников полиции за нарушение порядка применения огнестрельного оружия. Статья 19.3 КоАП РФ предусматривает ответственность за неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, однако непосредственно за нарушение правил применения оружия ответственность может наступать в дисциплинарном порядке в соответствии с Федеральным законом № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел»[1]. При этом важно подчеркнуть, что в отличие от уголовно-правовой квалификации, административно-правовая оценка таких действий связана с нарушением

[1] О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон № 342-ФЗ от 30 ноября 2011 года : принят Гос. Думой 17 ноября 2011 года : одобрен Советом Федерации 25 ноября 2011 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/documen t/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 07.02.2026).

© Власова Е. Л., Дворников Н. Д. Шубин Н. С., 2026

установленных процедур и регламентов, а не с причинением вреда здоровью или жизни.

Практика Управления МВД России по Иркутской области свидетельствует о том, что основными нарушениями при применении оружия являются: непринятие мер к оказанию помощи пострадавшим; применение оружия в отношении лиц, не оказывающих вооруженного сопротивления; нарушение требований к предупредительному выстрелу [5].

В большинстве случаев такие нарушения влекут дисциплинарную ответственность, однако при наличии признаков превышения полномочий возможно привлечение к административной ответственности по соответствующим статьям КоАП РФ.

Представляется, что для единообразного понимания критериев правомерности применения огнестрельного оружия необходимо выработать четкие ориентиры разграничения институтов крайней необходимости и профессионального риска. К числу таких ориентиров можно отнести следующие.

1. Целевая направленность действия: при крайней необходимости вред причиняется для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам лица; при профессиональном риске – для выполнения служебной задачи в рамках полномочий.

2. Соразмерность причиненного вреда предотвращенному вреду: при крайней необходимости причиненный вред должен быть меньшим, чем предотвращенный; при профессиональном риске допустимый вред определяется рамками выполнения служебного задания.

3. Источник возникновения опасности: при крайней необходимости опасность может исходить от различных факторов; при профессиональном риске – связана с выполнением служебных обязанностей.

Как показывает анализ правоприменительной практики в Иркутской области, наиболее сложной является ситуация, когда сотрудник полиции применяет оружие при задержании лица, совершившего административное правонарушение, но не оказывающего непосредственного насильственного сопротивления. В таких случаях, по мнению авторов, профессиональный риск не может служить основанием для применения оружия, если отсутствует реальная угроза жизни и здоровью сотрудника или третьих лиц. В противном случае действия сотрудника следует квалифицировать как нарушение установленного порядка применения оружия [5].

Важно отметить, что в Иркутской области сложилась устойчивая практика ведомственного контроля за применением сотрудниками полиции огнестрельного оружия. В соответствии с ведомственными нормативными

© Власова Е. Л., Дворников Н. Д. Шубин Н. С., 2026

актами [1], каждый случай применения оружия подлежит обязательной служебной проверке, по результатам которой принимается решение о правомерности действий сотрудника. При этом значительная часть проверок заканчивается признанием действий правомерными, что свидетельствует о высоком уровне профессиональной подготовки сотрудников и их осознании границ допустимого риска.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Разграничение институтов крайней необходимости и профессионального риска при применении огнестрельного оружия сотрудниками полиции имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку от правильной квалификации действий сотрудника зависит оценка их правомерности и возможность привлечения к административной ответственности [6 с. 216].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что при применении огнестрельного оружия сотрудниками полиции возникает серьезная теоретическая и практическая коллизия между институтами крайней необходимости (ст. 23 ФЗ «О полиции») и обоснованного профессионального риска [7 с. 40]. Под крайней необходимостью в данном контексте понимается устранение опасности, непосредственно угрожающей личности и правам сотрудников полиции или иных граждан, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышение пределов крайней необходимости. В то же время, как справедливо отмечает А. В. Осинцева, профессиональный риск представляет собой обоснованную вероятность причинения вреда охраняемым законом интересам в результате действий сотрудника, направленных на достижение общественно полезной цели (пресечение преступления, задержание лица), когда поставленная цель не могла быть достигнута иными, менее опасными, методами, а сотрудник предпринял все зависящие от него меры по предотвращению вреда.

Анализ судебной практики показывает, что сотрудники часто попадают в «правовой капкан»: квалификация их действий как «превышение пределов необходимой обороны» или «превышение пределов крайней необходимости» происходит зачастую без учета специфики оперативной обстановки, которая фактически является ситуацией оправданного профессионального риска. Действующее законодательство не дает четкого механизма разграничения этих понятий применительно к применению табельного оружия, что создает «эффект торможения» у

[1] Об утверждении нормативных актов, регламентирующих деятельность ведомственной охраны Министерства транспорта Российской Федерации : Приказ Минтранса России № 333 от 29.12.2011 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_127214/d9fb3ae74df348b05c422e8020847863ab95ca7e/ (дата обращения: 07.02.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

© Власова Е. Л., Дворников Н. Д. Шубин Н. С., 2026

сотрудника в критической ситуации. На основании изложенного, считаю необходимым:

– Инициировать дополнение Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) нормой, закрепляющей правовые гарантии для сотрудников полиции при совершении действий, подпадающих под признаки профессионального риска. В частности, предлагается включить в Общую часть КоАП РФ статью (или дополнить существующие), которая исключала бы административную ответственность сотрудника полиции в случае причинения им вреда в ходе осуществления служебной деятельности, если действия сотрудника были сопряжены с обоснованным профессиональным риском при выполнении оперативно-служебных задач [8 с. 58]. Это позволит устранить правовую неопределенность, при которой действия сотрудника, продиктованные необходимостью защиты правопорядка, ошибочно квалифицируются как административные проступки или превышение должностных полномочий

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Административная ответственность за нарушения в сфере оборота оружия: актуальные вопросы теории и практики / под ред. А. В. Копылова. Иркутск : Изд-во Восточно-Сибирского института МВД России, 2024. 320 с.

2. Соболев, А. С. Проблемы правовой регламентации применения специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками полиции в условиях крайней необходимости // Административное право и процесс : науч.-практич. журн. 2023. № 4. С. 112–119.

3. Обзор практики применения судами Иркутской области законодательства о применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками полиции (утв. Президиумом Иркутского областного суда 15 марта 2024 г.) // Бюллетень судебной практики Иркутского областного суда. 2024. № 2. С. 45–53.

4. Бабий, Н. А., Конюк, А. В. Применение огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов: сравнительно-правовой аспект // Административное и муниципальное право : науч. журн. 2024. № 1. С. 42–51.

5. Отчет о результатах деятельности Управления МВД России по Иркутской области за 2025 год / Управление МВД России по Иркутской области. Иркутск, 2026. 186 с.

6. Сорокин, В. Д. Административно-правовое регулирование применения оружия сотрудниками органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 215–220.

7. Тихомиров, М. Ю. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) / М. Ю. Тихомиров. 10-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во Тихомирова М. Ю., 2024. 672 с.

© Власова Е. Л., Дворников Н. Д. Шубин Н. С., 2026

8. Фролов, Д. В. Профессиональный риск и крайняя необходимость в деятельности сотрудников полиции: проблемы разграничения // Российская юстиция : науч.-практич. журн. 2025. № 2. С. 56–62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Власова Елена Львовна, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Дворников Никита Дмитриевич, курсант 1 года обучения, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Шубин Николай Сергеевич, курсант 1 года обучения, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

© Власова Е. Л., Дворников Н. Д. Шубин Н. С., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 25–31
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 25–31

Юридические науки

Научная статья
УДК 342.9

ПРОБЛЕМА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, ФИКСИРУЕМЫХ ТЕХНИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ (КАМЕРАМИ)

Елена Львовна Власова [1], Артём Николаевич Ситников [2], Данил Ильич Багдуев [3]
[1-3] Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье анализируются правовые и практические проблемы реализации презумпции невиновности при автоматической фиксации административных правонарушений в области дорожного движения. Авторы показывают, что положения ст. 2.6.1 КоАП РФ фактически перекладывают бремя доказывания на собственника транспортного средства, что вступает в противоречие со ст. 1.5 КоАП РФ и конституционным принципом презумпции невиновности. Особое внимание уделено техническим погрешностям камер видеофиксации, приводящим к ошибочной идентификации места нарушения, а также сложностям доказывания факта управления автомобилем иным лицом. На примерах судебной практики Иркутской области демонстрируются типичные ситуации обжалования постановлений. В заключение предлагается совершенствование технической базы и реформирование процессуального порядка с целью снижения нагрузки на граждан и восстановления справедливости.

Ключевые слова: презумпция невиновности, административное правонарушение, автоматическая фиксация, камеры видеофиксации, обжалование, собственник транспортного средства, место совершения правонарушения

Для цитирования: Власова, Е. Л., Ситников, А. Н., Багдуев, Д. Е. Проблема доказывания по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, фиксируемых техническими средствами (камерами) // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 25–31.

© Власова Е. Л., Ситников А. Н., Багдуев Д. Е., 2026

Legal science

Original article

THE PROBLEM OF PROVING CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF TRAFFIC RECORDED BY TECHNICAL MEANS (CAMERAS)

Elena L. Vlasova [1], Artyom N. Sitnikov [2], Danil I. Bagduev [3]

[1-3] East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

Abstract. The article analyzes legal and practical issues in applying the presumption of innocence when administrative offenses in road traffic are automatically recorded. The authors show that the provisions of Article 2.6.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation actually shift the burden of proof onto the vehicle owner, which contradicts Article 1.5 of the Code and the constitutional principle of presumption of innocence. Special attention is given to technical errors of traffic cameras, leading to incorrect identification of the violation location, as well as the difficulties in proving that the car was driven by someone else. Examples from court practice in the Irkutsk region demonstrate common situations in appealing rulings. In conclusion, improvements to the technical systems and reforms of procedural rules are suggested to reduce the burden on citizens and restore fairness.

Keywords: presumption of innocence, administrative offense, automatic recording, video cameras, appeal, vehicle owner, place of commission of the offense

For citation: Vlasova, E. L., Sitnikov, A. N., Bagduev, D. I. Problema dokazyvaniya po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah v oblasti dorozhnogo dvizheniya, fiksiruemyh tehnicheskimi sredstvami (kamerami) [The Problem of Proving cases of Administrative Offenses in the field of Traffic Recorded by Technical means (cameras)]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 25–31.

В современной системе государственного управления вопросы обеспечения безопасности дорожного движения занимают одно из центральных мест, и внедрение технических средств автоматической фиксации правонарушений стало важным шагом на пути к повышению дисциплины участников дорожного движения. Однако широкое распространение комплексов фото- и видеофиксации (далее – КФВФ) породило серьезную проблему, связанную с фактическим ограничением действия конституционного принципа презумпции невиновности в рамках

© Власова Е. Л., Ситников А. Н., Багдуев Д. Е., 2026

административного производства[1]. Если в классическом производстве по делу бремя доказывания вины лежит на государственных органах, то в случае фиксации нарушений камерами оно фактически перекладывается на собственника транспортного средства (далее – ТС), который вынужден доказывать свою непричастность к совершению правонарушения. Сложившаяся ситуация вызывает множество споров, особенно в тех случаях, когда за рулем в момент нарушения находился не владелец автомобиля, а иное лицо.

По официальным данным Госавтоинспекции МВД РФ, за 2025 год в России с помощью КФВФ было вынесено более 214 миллионов постановлений об административных правонарушениях. Из них поданных жалоб на постановления, выписанные с КФВФ за весь 2025 год, по данным научных исследований, водители обжалуют лишь незначительную часть от общего числа постановлений. Например, в Московской области в 2022–2024 гг. было подано около 75,5 тыс. жалоб, при этом до 40–50 % из них остаются без удовлетворения, что может косвенно свидетельствовать о невысокой доле обжалований от общего массива выносимых штрафов [1 с. 96].

Наиболее остро данная проблема проявляется в процедуре обжалования. В соответствии со ст. 2.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), собственник освобождается от ответственности только в том случае, если он предоставит неопровержимые доказательства того, что в момент фиксации правонарушения транспортное средство выбыло из его обладания в результате противоправных действий третьих лиц либо находилось во владении другого гражданина на законных основаниях. На практике это приводит к парадоксальной ситуации: лицо, получившее постановление, вынуждено собирать доказательства своей невиновности, что вступает в противоречие с принципом, закрепленным в статье 1.5 КоАП РФ. Особенно тяжело приходится тем, кто передал управление автомобилем родственнику или знакомому, но не успел внести изменения в ОСАГО [2 с. 25]. Несмотря на то что суды зачастую встают на сторону собственников, сам процесс доказывания требует значительных временных и моральных затрат.

Существенной проблемой, подрывающей доверие к системе автоматической фиксации, является также наличие технических погрешностей при определении координат места совершения правонарушения. В последние годы участились случаи, когда граждане получают уведомление за нарушения, которых они не совершали в

[1] Российская Федерация. Конституция : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, принятыми в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года : в послед. ред. // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 15.02.2026).

© Власова Е. Л., Ситников А. Н., Багдуев Д. Е., 2026

указанном в постановлении месте. Как показывает практика, это может быть связано как со сбоями в работе навигационного оборудования (GPS/ГЛОНАСС), так и с некорректной настройкой КФВФ[1]. В таких ситуациях собственнику приходится доказывать, что его автомобиль физически не мог находиться в указанной точке в указанное время, например, если нарушение «зафиксировано» в одном районе города, в то время как машина находилась на ремонте или двигалась в противоположном направлении [3 с. 20].

В качестве наглядного примера можно привести судебную практику Иркутской области, где подобные дела рассматриваются регулярно. Так, в одном из дел, рассмотренных Октябрьским районным судом г. Иркутска, собственник автомобиля был освобожден от ответственности, поскольку представил суду доказательства того, что в момент фиксации нарушения скоростного режима на улице Байкальской автомобиль находился под управлением иного лица, чья вина была подтверждена вступившим в законную силу постановлением в отношении фактического водителя[2]. В другом случае, имевшем место в Ленинском районном суде, основанием для отмены постановления Центра автоматизированной фиксации административных правонарушений (далее – ЦАФАП) ГИБДД ГУ МВД России по Иркутской области послужило наличие существенной погрешности в определении координат места правонарушения. Суд установил, что камера, установленная на одном перекрестке, ошибочно идентифицировала автомобиль, проезжавший по соседней параллельной дороге, что привело к вынесению неправомерного решения[3]. Такие случаи, которые происходят и в Иркутске, и в других городах, показывают, что нужно улучшать не только саму техническую часть работы камер, но и процесс доказывания. Потому что сейчас практически вся нагрузка по доказыванию своей невиновности ложится на обычного водителя — а это явный перебор [4 с. 95].

Для устранения выявленных проблем и восстановления баланса между эффективностью автоматической фиксации и реализацией презумпции невиновности предлагается внести следующие изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

1. Обязанность указания в постановлении данных о метрологической погрешности средства измерения.

В настоящее время в постановлениях, выносимых ЦАФАП, часто отсутствует информация о погрешности измерения скорости или координат,

[1] Решение Ленинского районного суда г. Иркутска по делу № 12-789/2024 от 14 марта 2024 г. — Иркутск : Архив Ленинского районного суда г. Иркутска, 2024.

[2] Решение Октябрьского районного суда г. Иркутска по делу № 12-456/2023 от 15 августа 2023 г. — Иркутск : Архив Октябрьского районного суда г. Иркутска, 2023.

[3] Решение Ленинского районного суда г. Иркутска по делу № 12-789/2024 от 14 марта 2024 г. — Иркутск : Архив Ленинского районного суда г. Иркутска, 2024.

© Власова Е. Л., Ситников А. Н., Багдуев Д. Е., 2026

что лишает собственника возможности оценить достоверность фиксации. В соответствии со статьёй 26.8 КоАП РФ под специальными техническими средствами понимаются измерительные приборы, утверждённые в установленном порядке в качестве средств измерения, имеющие соответствующие сертификаты и прошедшие метрологическую поверку[1]. Однако действующая редакция статьи 29.10 КоАП РФ, определяющая содержание постановления, не требует указания сведений о погрешности и поверке.

Предлагается дополнить статью 29.10 КоАП РФ пунктом, обязывающим указывать в постановлении:

- наименование специального технического средства и его заводской номер;
- дату последней метрологической поверки и срок её действия;
- значение погрешности измерения (для средств измерения скорости, координат и иных параметров).

2. Закрепление права собственника на получение полных данных о координатах и погрешности их определения.

Ошибки в определении места нарушения, связанные с погрешностями навигационного оборудования (GPS/ГЛОНАСС) или некорректной настройкой комплексов фиксации, являются одной из ключевых проблем при обжаловании[2].

Предлагается дополнить статью 26.8 КоАП РФ положением о том, что при автоматической фиксации правонарушения в постановлении в обязательном порядке отражаются:

- точные географические координаты места фиксации;
- данные о погрешности определения координат.

3. Установление процессуальных гарантий при обжаловании.

В соответствии со статьёй 30.3 КоАП РФ жалоба на постановление может быть подана в течение десяти суток со дня вручения или получения копии постановления, а при пропуске срока он может быть восстановлен по ходатайству при наличии уважительных причин [3] . Однако практика показывает, что десятидневный срок нередко является недостаточным для сбора необходимых доказательств, особенно при необходимости получения данных с собственных GPS-трекеров, видеорегистраторов или свидетельских показаний.

---

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 19 марта 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1. Ст. 26.8

[2] Решение Ленинского районного суда г. Иркутска по делу № 12-789/2024 от 14 марта 2024 г. — Иркутск : Архив Ленинского районного суда г. Иркутска, 2024.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 19 марта 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1. Ст. 30.3.

© Власова Е. Л., Ситников А. Н., Багдуев Д. Е., 2026

Предлагается дополнить статью 30.3 КоАП РФ положением, предусматривающим:

- право лица, подающего жалобу, ходатайствовать о продлении срока для представления дополнительных доказательств;
- обязанность суда или должностного лица рассматривать такие ходатайства и при наличии уважительных причин предоставлять разумный срок для сбора доказательств.

4. Перераспределение бремени доказывания при обжаловании автоматической фиксации.

В соответствии с частью 3 статьи 1.5 КоАП РФ лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, за исключением случаев фиксации административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами. При обжаловании таких постановлений именно собственник вынужден представлять доказательства своей невиновности.

Предлагается дополнить статью 2.6.1 КоАП РФ положением, в соответствии с которым при обжаловании постановления, вынесенного в порядке автоматической фиксации, орган, вынесший постановление, обязан представить суду доказательства исправности и корректной работы специального технического средства, включая данные о его поверке, калибровке и погрешности измерений. Непредставление таких доказательств является основанием для отмены постановления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смолин П.В., Боронина В.С., Жуков В.Г. Обжалование в электронной форме постановлений по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, зафиксированных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств: практика, проблемы, предложения // Вестник ВИПК МВД России. 2025. № 2 (74). С. 92–100.

2. Иванов, И. И. Административная ответственность за правонарушения в области дорожного движения : проблемы доказывания / И. И. Иванов, А. В. Петров // Административное право и процесс. 2024. № 2. С. 22–28.

3. Смирнов, В. Л. Технические средства фиксации административных правонарушений : правовой и организационный аспекты / В. Л. Смирнов. — Москва : Юрлитинформ, 2023. — 210 с. — ISBN 978-5-4396-2355-6.

4. Смолин, П. В. Обжалование в электронной форме постановлений по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, зафиксированных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств: практика, проблемы,

© Власова Е. Л., Ситников А. Н., Багдуев Д. Е., 2026

предложения / П. В. Смолин, В. С. Боронина, В. Г. Жуков // Вестник ВИПК МВД России. — 2025. — № 2 (74). — С. 92–100.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Власова Елена Львовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Ситников Артём Николаевич, курсант 1 года обучения, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Багдуев Данил Ильич, курсант 1 года обучения, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

© Власова Е. Л., Ситников А. Н., Багдуев Д. Е., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 32–38
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 32–38

Юридические науки

Научная статья
УДК 34.1

ОБЪЁМ ПОЛНОМОЧИЙ И ПРЕДЕЛЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МУЖЧИН В БРАЧНО-СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ ДОСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Сергей Николаевич Грошев [1]
[1] Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена тому, какое положение занимал мужчина в семье в России до революции. Автор изучает законы и обычаи, которые касались насилия, подчинения и зависимости в семье, и делает выводы о правах мужа и отца. С помощью историко-правового метода он показывает, как менялась власть мужчины в доме. Сначала, до принятия христианства, власть мужа над женой и детьми была практически абсолютной. Впоследствии церковь и государство стали формально ограничивать права мужа и отца. Однако автор полагает, что христианство на самом деле не лишило мужчину власти, а просто завуалировало её. Внешне появились правила, а на деле насилие в семье по-прежнему наказывалось слабо, и женщина оставалась в подчинённом положении.

Ключевые слова: брак, семья, домашнее насилие, развод, прелюбодеяние, Домострой, крестьянская община, Кормчая книга, права мужчин

Для цитирования: Грошев, С. Н. Объём полномочий и пределы ответственности мужчин в брачно-семейном праве досоветской России // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 32–38.

© Грошев С. Н., 2026

Legal science

Original article

THE SCOPE OF POWERS AND LIMITS OF MEN'S RESPONSIBILITY IN MARRIAGE AND FAMILY LAW IN PRE-SOVIET RUSSIA

Sergey N. Groshev
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the position that men held in the family in Russia before the revolution. The author examines the laws and customs related to violence, subordination, and dependence within the family and draws conclusions about the rights of the husband and father. Using a historical-legal method, he shows how men's authority in the household changed. Initially, before the adoption of Christianity, a man's authority over his wife and children was virtually absolute. Later, the church and the state began to formally restrict the rights of the husband and father. However, the author believes that Christianity did not actually deprive men of their authority; it merely obscured it. On the surface, rules were introduced, but in practice, domestic violence was still lightly punished, and women remained in a subordinate position.

Keywords: marriage, family, domestic violence, divorce, adultery, Domostroy, peasant community, Kormchaya Book, men's rights

For citation: Groshev, S.N. Obyom polnomochiy i predely otvetstvennosti muzhchin v brachno-semeynom prave dosovetskoy Rossii [The scope of powers and limits of men's responsibility in marriage and family law in pre-soviet Russia]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 32–38.

Актуальность статьи заключается в том, что правовое положение мужчины в брачно-семейной системе досоветской России чаще рассматривалось исследователями либо как производный аспект патриархального уклада, либо в качестве контраста зависимому статусу женщины. Подобная трактовка оставляет нераскрытым механизм формирования мужского доминирования, его нормативные основания и формы выражения. Настоящая работа восполняет данный пробел посредством анализа правовых и обычно-правовых регуляторов, определявших полномочия мужа и отца в сфере насилия и семейной зависимости. Исследование опирается на ретроспективный анализ с элементами гендерно-правового подхода, что позволяет трактовать нормы

© Грошев С. Н., 2026

не как нейтральные правила поведения, но как инструмент воспроизводства гендерной иерархии. Такой ракурс даёт возможность выявить как эксплицитные, так и латентные формы мужского доминирования.

Исходным тезисом выступает положение о тотальном характере власти мужчины над домочадцами в дохристианский период, не ограниченной внешними инстанциями. Косвенным подтверждением служит обрядовая практика восточных славян, фиксировавшая символическое подчинение женщины уже в момент брачного перехода, в частности через обязательный плач невесты и обычай дарения жениху плётки. Подобное может интерпретироваться как ритуализированная санкция на применение мужем физической силы в отношении домочадцев в будущей семье [2, с. 22–23]. Следует подчеркнуть, что указанные элементы обрядности не следует рассматривать как простую архаику, так как они выполняли и нормативную функцию, легитимируя гендерную асимметрию на уровне повседневных социокультурных практик.

Стоит отметить, что в отечественной историографии достаточно прочно утвердилось представление о наличии у отца и мужа правомочий распоряжаться жизнью своих детей и супруги. Такая модель, типологически близкая западноевропейской (древнеримской) концепции полновластия домовладыки, наделяла мужчину правом санкционировать рождение и смерть, то есть осуществлять функцию, в позднейших правовых системах отнесённую исключительно к компетенции публичной власти. Вместе с тем, как справедливо отмечал М. Ф. Владимирский-Буданов, доказательная база подобных утверждений применительно к восточным славянам недостаточно верифицирована, а это заставляет с осторожностью относиться к их категоричному воспроизведению [1, с. 266–267]. В свою очередь известный дореволюционный историк Н. М. Карамзин приписывал языческим обычаям славян не только право родителей распоряжаться жизнью новорожденных, но и правомочие взрослых детей умерщвлять престарелых родителей, трактуя подобное как проявление своеобразной гуманистической логики, продиктованной невозможностью прокормить нетрудоспособных членов рода [3, с. 49]. Данная концепция в современной науке признаётся недостаточно доказанной, поскольку опирается на вторичные и не всегда надёжные источники. Тем не менее сам факт её устойчивого присутствия в историографической традиции достаточно показателен. По сути он свидетельствует о том, что уже на раннем этапе формирования научного дискурса о древнерусской семье исследователи интуитивно фиксировали предельную концентрацию властных полномочий в руках мужа и отца.

Здесь, на наш взгляд, небезынтересно ещё и то, что анализ памятников права более позднего времени подтверждает, что даже после формального ограничения патриархального произвола объём отцовской власти оставался исключительно широким. Так, Судебник Иоанна IV допускал обращение

© Грошев С. Н., 2026

детей в холопство без их согласия, что по существу приравнивало родительскую власть к полномочиям господина по отношению к зависимым лицам [1, с. 78]. Подобное сближение семейной и рабской зависимости представляется принципиально важным, поскольку указывает на отсутствие чёткой правовой границы между статусом свободного члена семьи и полусвободного лица, полностью подчинённого воле домовладыки. Нетрудно здесь увидеть и своеобразный референс к римскому брачно-семейному укладу.

Летописные источники содержат указания на то, что право мужа распоряжаться жизнью жены в дохристианскую эпоху стояло в иерархии правовых притязаний выше, чем право князя распоряжаться жизнью подданного [5, с. 129-130]. Данное обстоятельство позволяет выдвинуть гипотезу о том, что семья в догосударственный период представляла собой самодостаточную юрисдикционную единицу, внутри которой глава осуществлял функции, аналогичные функциям публичной власти.

Стоит отметить, что христианство перевело брачно-семейные отношения в сферу церковной юрисдикции, что повлекло за собой фундаментальную перестройку нормативной базы. Так, Кормчая книга Синодальной редакции стала тем источником, который консолидировал церковное и светское законодательство, применявшееся при осуществлении церковного суда и управления клерикальными институтами [9, с. 395–396]. Здесь, на наш взгляд, важно подчеркнуть, что церковная власть не просто заимствовала регулирование семейной сферы, но существенно трансформировало саму логику понимания брака, как правого института. И действительно, если языческое право исходило из полной автономии домовладыки, то христианская парадигма ввела представление о браке как о союзе, подчинённом высшему нравственному закону, что объективно ограничивало произвол мужа. Вместе с тем было бы ошибочным интерпретировать подобное ограничение как эмансипацию женщины или детей. И действительно, церковная модель сохраняла иерархическую структуру семьи, однако придавала ей иное обоснование, заменяя право силы на право сакральной санкции, закреплявшее главенство мужа уже не как фактического владыки, а как носителя божественной воли на управление домом.

Анализ норм, регулировавших развод, наглядно демонстрирует гендерную асимметрию церковного права. Так, муж мог развестись с женой, если она не донесла о государственном преступлении, ходила в кабак, мылась в мужской бане, ночевала вне дома или играла в азартные игры без его разрешения [8, с. 60]. Но чаще всего поводом для развода называли измену жены, хотя на деле это был просто удобный способ избавиться от неугодной женщины. Если же изменял муж, жена не имела права уйти от него и должна была «спасать» семью. Мужчину вообще могли признать прелюбодеем только если у него были внебрачные дети. По сути равенство

© Грошев С. Н., 2026

мужа и жены перед законом на практике не реализовывалось. Церковь не отменила мужскую власть, а просто сделала её менее заметной, прикрыв словами о долге и нравственности.

Таким образом, выдвигаемая в настоящей статье гипотеза состоит в том, что христианская парадигма не столько ограничила власть мужчины, сколько институционализировала её в новых, «богоугодных» формах. Юридическое лишение домовладыки права на убийство жены и детей сопровождалось сохранением тех практик, при которых домашнее насилие либо вовсе не влекло правовых последствий, либо наказывалось несоразмерно мягко ибо физическое воздействие мужа на жену не рассматривалось как основание для развода. И действительно, смертельные побои квалифицировались преимущественно как повод для церковной епитимьи, тогда как женщина, убившая мужа, подвергалась жестокой казни через закапывание в землю. Такая асимметрия юридических санкций не может быть объяснена исторической случайностью или правовой неразвитостью общества. На наш взгляд, здесь имеет место систематическое воспроизводство гендерной иерархии средствами правового регулирования.

Следует также учитывать, что степень фактической реализации мужской власти существенно различалась в зависимости от сословной принадлежности и типа нормативной регуляции. Домострой, адресованный преимущественно зажиточному городскому жителю, предписывал умеренность в применении физического воздействия к супруге и детям, что может быть интерпретировано как попытка рационализации патриархального господства, перевода его из сферы неконтролируемого произвола в русло дисциплинарной практики. В свою очередь, в крестьянской среде функции регулятора выполняла община, которая, с одной стороны, стремилась не вмешиваться во внутрисемейные конфликты, а с другой, обладала возможностью оказывать сдерживающее влияние на наиболее деструктивные проявления домашнего насилия. Такое различие нормативных режимов позволяет говорить о том, что единого правового статуса мужчины в досоветской России не существовало. Доминирование реализовывалось в разных институциональных формах, определяемых пересечением сословных, территориальных и конфессиональных факторов.

Секуляризационные процессы XVIII–XIX веков внесли дополнительные коррективы в распределение юрисдикционных полномочий между церковными и светскими институтами. Выражаясь простыми словами, развод стал проще по закону, но на деле женщина всё равно зависела от мужа. Брак оставался церковным, и расторгнуть его было трудно. Даже уход в монастырь мог быть не добровольным, а вынужденным. Так, в 1726 году Синод отменил постриг женщины, потому что муж угрозами заставил её уйти в монастырь и отдать ему имущество [10, с. 56–57]. То есть даже духовный путь мог стать способом давления.

© Грошев С. Н., 2026

Дети тоже были полностью подчинены родителям. За убийство родителей ребёнка казнили, а родителя за убийство ребёнка сажали в тюрьму всего на год. Дети не могли жаловаться на родителей, а за попытку подать жалобу их били кнутом на площади. С 1775 года родители могли сдавать детей в смирительные дома, как будто те были преступниками или бродягами. Ребёнок был не личностью, а вещью, которой полностью распоряжался глава семьи.

В заключение статьи можно сделать вывод о том, что в досоветской России мужчина всегда был главным, но его власть в разные времена выглядела по-разному. До христианства он был почти как князь в своём доме. После христианства формально его ограничили, но на деле всё осталось: женщин наказывали строже, развод для них был практически невозможен, а насилие со стороны мужа почти не наказывалось. Светские реформы немного изменили законы, но не саму семейную иерархию. Поэтому досоветскую семью можно считать ярким примером закреплённого законом неравенства, при котором мужчина был главным не только по закону, но и на практике, потому что за превышение власти он почти не нёс юридической ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 800 с.

2. Грошев, С. Н. Нормы и обычаи России досоветского периода, регулирующие вопросы насилия и зависимости в брачно-семейных отношениях: к вопросу о правовом положении мужчин // Криминологический журнал. 2023. № 1. С. 22-25.

3. Карамзин, Н. М. Предание веков / Сост. Г.П. Макогоненко. Москва: Правда, 1988. 768 с.

4. Нечаева, М. Ю. Монастыри и власти: управление обителями Восточного Урала в XVIII в. Екатеринбург, 1998. С. 148–149

5. Полное собрание русских летописей. Вып.1. Москва, 1926. 496 с.

6. Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Моск. и всея Руси Алексия II. Т. 3: Анфимий-Афанасий. Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. 751 с.

7. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство Древней Руси. В 9-ти томах. Т. 1 / Отв. ред.: В. Л. Янин; Под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва: Юрид. лит., 1984. 432 с.

8. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство Древней Руси. В 9-ти томах. Т. 2 / Отв. ред.: А. Д. Горский; Под общ. ред.: О. И. Чистякова. Москва: Юрид. лит., 1984. 512 с.

9. Собрание важнейших памятников по Истории Древнего Русского Права. СПб.: Тип. Губ. правл., 1859. 428 с.

© Грошев С. Н., 2026

10. Цатурова, М.К. Русское семейное право XVI-XVIII вв. Москва: Юрид. лит., 1991. 112 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Грошев Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

© Грошев С. Н., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 39–44
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 39–44

Юридические науки

Научная статья
УДК 343.988:343.72

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЖЕРТВЫ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВА

Валерия Николаевна Демидова
Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема виктимизации в условиях цифровой трансформации общества. Автор анализирует, каким образом социальные сети и мобильные приложения формируют уязвимость пользователя к дистанционным мошенничествам. Показано, что цифровая среда одновременно выступает источником персональных данных для злоумышленников, каналом психологического воздействия и фактором притупления критического мышления.

Ключевые слова: дистанционное мошенничество, виктимизация, социальная инженерия, социальные сети, мобильные приложения, психологическое воздействие, цифровая безопасность

Для цитирования: Демидова, В. Н. Роль социальных сетей и мобильных приложений в формировании жертвы кибермошенничества // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 39–44.

Legal science

Original article

THE ROLE OF SOCIAL NETWORKS AND MOBILE APPLICATIONS IN THE FORMATION OF CYBER FRAUD VICTIMS

Valeria N. Demidova,
Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Irkutsk, Russia

© Демидова В. Н., 2026

Abstract. The article examines the problem of victimization in the context of the digital transformation of society. The author analyses how social networks and mobile applications shape the user's vulnerability to remote fraud. It is shown that the digital environment simultaneously serves as a source of personal data for fraudsters, a channel of psychological influence and a factor that dulls critical thinking.

Keywords**:** remote fraud, victimization, social engineering, social networks, mobile applications, psychological influence, digital security

For citation: Demidova, V. N. Rol' social'nyh setej i mobil'nyh prilozhenij v formirovanii zhertvy kibermoshennichestva [The role of social networks and mobile applications in the formation of cyber fraud victims]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 39–44.

Активное внедрение онлайн-сервисов в повседневную жизнь привело к заметному увеличению числа правонарушений, связанных с использованием цифровых технологий. Данное обстоятельство представляет собой существенную угрозу для устойчивости национальной экономики и материального положения граждан. Злоумышленники активно используют ресурсы социальных сетей, мобильные приложения, а также приемы социальной инженерии с целью оказания психологического воздействия на потерпевших, пытаясь завладеть их финансовыми средствами и персональной информацией. Даже при непрекращающихся усилиях по просвещению граждан число подобных инцидентов и совокупный размер ущерба ежегодно демонстрируют устойчивый рост [1, с. 37].

В научной литературе основное внимание, как правило, уделяется личности правонарушителя и способам реализации противоправного деяния. При этом характеристики потерпевшего, включая его действия на этапах, предшествующих преступлению, в момент его совершения и после него, остаются менее изученными. Тем не менее именно особенности поведения жертвы, ее уязвимость, во многом определяют механизм и динамику преступного посягательства.

В рамках виктимологии под виктимностью принято понимать склонность индивида в силу определенных психических, физических и социальных характеристик при стечении конкретных обстоятельств оказываться объектом противоправных действий. [2, с. 53]

Основным механизмом дистанционного обмана служит социальная инженерия – совокупность приемов психологического воздействия, направленных на получение от потерпевшего секретных данных, доступа к системам или материальных благ. Подобные манипулятивные техники

© Демидова В. Н., 2026

ориентированы преимущественно на когнитивную и волевую сферы потерпевшего, что нивелирует различия в исходной степени предрасположенности к виктимизации среди лиц с разным уровнем уязвимости.

Социальные сети сегодня выступают в роли основного канала получения сведений о возможной цели злоумышленника. Еще до начала противоправных действий преступники, как правило, располагают базовыми данными о человеке, которые получают из открытых профилей и баз данных, ставших доступными либо публично, либо на коммерческой основе. Значительная часть пользователей размещает о себе излишне детализированную информацию, не устанавливая каких-либо ограничений на ее просмотр.

Особую опасность представляет публикация информации о финансовом состоянии – путешествиях, дорогих покупках и т. д. Такая информация дает злоумышленникам возможность выбирать наиболее интересные объекты для совершения преступления, точнее разрабатывать подходящие схемы обмана. Поскольку жертва сама предоставляет все данные о своей жизни, преступникам для срабатывания легенды достаточно лишь собрать воедино все факты.

В целом социальные сети – идеальная площадка для мошеннических действий. Помимо поиска потенциальных жертв, здесь размещается информация о «фейковых» предложениях – конкурсах, сборах средств для лечения и финансирования благотворительных фондов, легком заработке и т. д. Мошенники также создают фейковые аккаунты знакомых с целью обмана, рассылая сообщения с просьбой о переводе денег. Также созданные мошенниками профили распространяют вредоносные ссылки среди контактов жертвы, рассчитывая на то, что пользователи склонны доверять людям из своего окружения.

Широкое поле для деятельности мошенников формируют сами по себе мобильные устройства. В нынешних реалиях телефон – не просто средство для связи, а центр сбора всей конфиденциальной информации о человеке. Помимо этого, повсеместное распространение технологий бесконтактной оплаты делает его желанной мишенью для злоумышленников.

Угрозы обусловлены рядом обстоятельств:

1. Поддельные программы и вредоносное ПО. Преступники создают поддельные приложения, копирующие официальные сервисы; пользователь добровольно вводит личные данные, будучи уверенным, что работает с подлинным продуктом;

2. Избыточные разрешения. Программы запрашивают доступ к списку контактов, данным о местоположении, микрофону без функциональной необходимости и аккумулируют информацию сверх требуемого объема.

© Демидова В. Н., 2026

3.Фишинг и смишинг. Сообщения, содержащие ссылки на фальшивые порталы, распространяются через SMS и сервисы мгновенного обмена сообщениями.

4. Технические вторжения. Недостатки в защите мессенджеров и операционных систем позволяют нарушить целостность устройства, иногда без действий владельца (атаки типа zero-click).

Само применение смартфонов отражает модель поведения с высокой сетевой активностью, что увеличивает вероятность контакта с криминальными угрозами.

Психологический аспект формирования потерпевшего от киберпреступления. Согласно данным исследований, лицо, ставшее объектом дистанционного обмана, отличает не недостаток когнитивных способностей, а пребывание в иллюзорном восприятии: индивид принимает решения логично, однако в рамках сконструированной злоумышленником ложной действительности. В научных трудах Ф. С. Сафуанова и его коллег выделяется «патопсихологический синдром повышенного эмоционального напряжения с аффективно-личностной охваченностью». [4, с. 13] Такое психологическое состояние характеризуется искаженным восприятием реальности, снижением самоконтроля под воздействием целенаправленного давления со стороны злоумышленников. У потерпевшего формируется зависимая модель поведения: он неукоснительно выполняет указания преступника, теряет способность адекватно оценивать ситуацию и забывает о собственных целях. Такой синдром сопровождается сужением фокуса внимания, при котором любые сигналы, противоречащие навязанному сценарию, игнорируются. Особенность данного воздействия заключается в постепенном нарастании эмоционального напряжения, которое подавляет рациональное мышление. В результате человек теряет критичность в оценке ситуации и действует по плану злоумышленника. Этот механизм объясняет, почему даже самые осторожные и образованные люди нередко становятся жертвами кибермошенничества. Главная причина здесь кроется не в низком уровне интеллекта, а во временном нарушении эмоционально-волевой регуляции, вызванном манипулятивными действиями преступников. Данное явление требует отдельного изучения в контексте юридической психологии и виктимологии киберспреступности.

Психологи выделяют обобщенный алгоритм манипулятивного воздействия, состоящий из нескольких ключевых компонентов. В качестве первого элемента выделяют так называемую «апелляцию к авторитету» – создание иллюзии официальности посредством определенной формы общения, документов. Большинство людей реагируют на подобные сигналы из-за привычки подчиняться.

Второй элемент представляет собой эмоциональную дестабилизацию. Манипулятор использует страхи жертвы, чувство вины или азарт, чередуя сочувствие с угрозами. Цель состоит в том, чтобы вызвать сильное

© Демидова В. Н., 2026

эмоциональное возбуждение, которое снизит способность к рациональной оценке ситуации.

Третий элемент – это навязывание ложной срочности. В условиях ограниченного времени на размышление жертве приходится принимать решения без должного анализа.

В качестве четвертого компонента манипулятивного воздействия психологи выделяют поиск эмоциональной опоры. В состоянии беспомощности человеку свойственно искать поддержку. Нередко жертвы обращаются за ней к самому манипулятору, который создает иллюзию доверия и эмпатии.

Успех манипуляции во многом зависит от когнитивной лени и эффекта ореола, поскольку преступники используют естественные психологические уязвимости целенаправленно. Дополнительным стимулирующим фактором выступает наличие внутренней неудовлетворенной потребности жертвы. Такой потребностью может быть желание получить материальную выгоду, поиск романтических отношений, стремление помочь окружающим или обеспечить безопасность. Именно эта нереализованная потребность становится главной мишенью для преступников и определяет уязвимость жертвы перед подобными схемами.

Для профилактики виктимного поведения в цифровом пространстве необходим комплексный подход, который можно логично разделить на три ключевых направления.

Первое направление охватывает меры индивидуального характера на уровне отдельного пользователя. К таковым относится настройка параметров конфиденциальности в социальных сетях, установка запретов на публичный доступ к персональным данным, недопущение утечки информации, позволяющей идентифицировать личность. В качестве конкретных способов следует уделить внимание созданию сложных паролей, применению технологии двухфакторной идентификации при входе в аккаунты.

Второе направление связано с просветительской деятельностью. Она направлена на формирование у населения навыков по выявлению потенциальных угроз и освоению базовых правил безопасного поведения в сети Интернет. Подобное обучение должно быть интегрировано в образовательный процесс на всех уровнях – от школ до высших учебных заведений. Также эффективным инструментом является так называемая «психологическая прививка» – информирование пользователей о типичных и новых схемах обмана. Таким образом можно существенно снизить количество потенциальных жертв киберпреступников.

Третьим направлением является внедрение технических мер защиты. Пользователям рекомендуется устанавливать программное обеспечение и приложения только из официальных и надежных источников, в частности из официальных магазинов приложений (RuStore, Google Play, AppStore).

© Демидова В. Н., 2026

Также необходимо тщательно проверять перечень запрашиваемых приложениями разрешений и прав доступа и отклонять необоснованные запросы.

Цифровые платформы и приложения для смартфонов оказывают существенное влияние на процесс превращения пользователя в объект кибермошенничества. Они выполняют три основных задачи: предоставляют злоумышленникам доступ к личной информации для создания убедительной истории обмана, служат инструментом распространения преступных схем и формируют условия, при которых способность человека к рациональному анализу снижается. Определяющим обстоятельством здесь выступает не доверчивость потерпевшего, а продуманное психологическое давление, вызывающее сильное эмоциональное возбуждение и препятствующее трезвой оценке происходящего. Осознание данных закономерностей является обязательным элементом для разработки действенных мер предупреждения подобных преступлений. Без такого понимания любые профилактические программы остаются недостаточно эффективными, так как они не учитывают истинные причины уязвимости граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Айнутдинова, К. А., Айнутдинова, И. Н. Виктимологические особенности киберперступности в условиях цифровой трансформации общества // Наука, образование. 2022. № 1. С. 34-40. — URL: https://kpfu.ru/staff_files/F_598192770/elibrary_Victimological_features_of_cybercrime.pdf

2. Афанасьев, Е. А. О некоторых проблемах виктимности жертв преступлений в социальных сетях в глобальной сети интернет // Научный лидер. 2021. № 37 (39). С. 52-65. — URL: https://scilead.ru/article/916-o-nekotorikh-problemakh-viktimnosti-zhertv-pre.

3. Сафуанов, Ф. С., Филиппов, Д. В., Савина, О. Ф., Широкова, В. В., Василишина, О. М. Преступники поневоле: патопсихологический синдром повышенного эмоционального напряжения с аффективно-личностной охваченностью у жертв телефонного мошенничества // Психология и право. 2026 . № 16 (1). С. 1–16. — URL: https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160101.

4. Розенова, М. И., Огнев, А. С., Лихачева, Э. В. // Психологические механизмы деструктивного манипулирования и стратегии профилактики цифрового мошенничества // Современная зарубежная психология. 2025. № 14 (2). С. 26–37. — URL: https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140203.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Демидова Валерия Николаевна, магистрант программы магистратуры «Теория и практика реализации стратегий противодействия преступности в системе уголовной юстиции», Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4.

© Демидова В. Н., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 45–51
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 45–51

Юридические науки

Научная статья
УДК 349.3

«ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ» В МЕДИЦИНЕ: ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Вадим Андреевич Дрозд [1], Лариса Анатольевна Чердакова [2]
[1, 2] Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия им В. М. Лебедева, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье авторы исследуют феномен «потребительского экстремизма» в сфере оказания медицинских услуг, как одну из форм злоупотребления правом. Анализируются доктринальные подходы к определению понятия «пациентский экстремизм», выделяются его характерные формы и признаки, проявляющиеся в судебной и досудебной практике. Особое внимание уделяется правовым последствиям таких действий для пациентов и медицинских организаций, а также соотношению права пациента на отказ от договора (ст. 32 Закона РФ «О защите прав потребителей») и недобросовестного использования этого права. На основе анализа судебной практики и законодательных инициатив обосновывается необходимость выработки четких правовых критериев для отграничения добросовестного поведения потребителя от «потребительского экстремизма».

Ключевые слова: потребительский экстремизм, пациентский экстремизм, злоупотребление правом, медицинские услуги, защита прав потребителей, судебная практика, недобросовестное поведение, ст. 32 Закона о защите прав потребителей, правовые последствия

Для цитирования: Дрозд, В. А, Чердакова, Л. А. «Потребительский экстремизм» в медицине: понятие, формы и правовые последствия // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 45–51.

Legal science

Original article

«CONSUMER EXTREMISM» IN MEDICINE: CONCEPT, FORMS, AND LEGAL CONSEQUENCES

© Дрозд В. А, Чердакова Л. А., 2026

Vadim A. Drozd [1], Larisa A. Cherdakova [2]
[1, 2] East-Siberian branch of the Russian state university of Justice named after V. M. Lebedev, Irkutsk, Russia

Abstract. The article examines the phenomenon of "consumer extremism" in the provision of medical services as a form of abuse of rights. Doctrinal approaches to defining the concept of "patient extremism" are analyzed; its characteristic forms and features manifested in judicial and pre-trial practice are highlighted. Special attention is paid to the legal consequences of such actions for patients and medical organizations, as well as the relationship between the patient's right to refuse a contract (Article 32 of the Law of the Russian Federation "On Protection of Consumer Rights") and the unfair use of this right. Based on the analysis of judicial practice and legislative initiatives, the necessity of developing clear legal criteria for distinguishing the bona fide behavior of a consumer from "consumer extremism" is substantiated.

Keywords: consumer extremism, patient extremism, abuse of rights, medical services, consumer protection, judicial practice, unfair behavior, Article 32 of the Law on Consumer Protection, legal consequences

For citation: Drozd, V. A., Cherdakova, L. A. «Potrebitel'skij ekstremizm» v medicine: ponyatie, formy i pravovye posledstviya [«Consumer extremism» in medicine: concept, forms and legal consequences]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 45–51.

Коммерциализация медицинской деятельности закономерно трансформирует общественные отношения в сфере здравоохранения, порождая при этом неоднозначный юридико-социальный конструкт, который в научной литературе получил название «потребительский экстремизм». Данный феномен, несмотря на отсутствие нормативного закрепления, наиболее отчетливо обнаруживает себя в зоне коллизий, когда индивид выступает одновременно и как пациент, и как потребитель. В этом пересечении двух правовых статусов возникает внутреннее напряжение: с одной стороны, реализуется конституционное право на судебную защиту, с другой – нередко имеет место оппортунистическое использование законодательных льгот и процессуальных преимуществ, направленное на получение неоправданных имущественных выгод.

Обращает на себя внимание не только количественный рост соответствующих конфликтов, но и их системные последствия, складывающиеся в кумулятивный эффект: устойчивое снижение социального престижа врачебной деятельности и усиливающийся кадровый отток из медицинской сферы. Эмпирика здесь выглядит весьма

© Дрозд В. А, Чердакова Л. А., 2026

показательной – согласно проведенным замерам, с проявлениями «пациентского экстремизма» знакомы более 90 % будущих врачей [1, с. 129]. Такая высокая осведомленность профессионального сообщества, полагаем, говорит уже не о частных казусах, а о сложившейся системной проблеме, требующей серьезного теоретического осмысления и поиска адекватных правовых механизмов противодействия.

В научной литературе потребительский экстремизм интерпретируется как девиантная поведенческая модель, направленная на манипулирование законодательными гарантиями с целью получения выгоды, несоразмерной затратам. При экстраполяции в медицинскую сферу данный феномен приобретает наименование «пациентский экстремизм», которому имманентно присущи агрессивная коммуникация с персоналом, выдвижение заведомо фиктивных претензий, угрозы эскалации конфликта через контрольно-надзорные органы и средства массовой информации, а также финансовая рента, не коррелирующая с объемом предполагаемого нарушения.

Имманентным критерием разграничения добросовестной правовой активности и экстремистского потребления выступает телеологический (целевой) аспект. В первом случае интенция направлена на реституцию нарушенного права, во втором — на неправомерное обогащение. Тем не менее правоприменительная дифференциация этих состояний существенно затруднена ввиду оценочного характера доказательственной базы.

С точки зрения генезиса, выделяют две доминантные группы причин. Во-первых, наличие правовых лакун в регулировании взаимоотношений «врач – пациент», создающих благоприятную среду для манипулятивного правопользования [2, с. 168]. В отсутствие специализированного нормативного акта, регламентирующего симметричную ответственность сторон, законодательство о защите прав потребителей зачастую применяется без учета специфики врачебной деятельности. Во-вторых, укоренившаяся в судебной практике патерналистская парадигма «слабой стороны», ставящая потребителя в заведомо привилегированное процессуальное положение. Исследования подтверждают, что 86 % будущих врачей усматривают прямую корреляцию между догматом «потребитель всегда прав» и эскалацией пациентского экстремизма.

Аналитический обзор правоприменительной практики позволяет систематизировать наиболее распространенные паттерны деструктивного поведения пациентов.

Первую модель образует недобросовестное расторжение договора. Пациент, частично потребив комплекс медицинских услуг, реализует право на отказ от исполнения обязательств по статье 32 Закона РФ «О защите прав

© Дрозд В. А, Чердакова Л. А., 2026

потребителей»[1]. При этом выдвигается требование полного ретроградного возврата денежных средств, сопряженное с уклонением от компенсации контрагенту фактически понесенных расходов[2]. Принципиально важна позиция высшей судебной инстанции, согласно которой немотивированный отказ, не обусловленный дефектами услуги или просрочкой, не порождает обязательств по уплате неустойки в порядке статьи 28 указанного Закона. Особенно уязвимыми перед такими посягательствами оказываются медицинские организации, работающие в сегменте стоматологии и эстетической медицины, – здесь инструментом давления нередко становится дотошный, подчас придирчивый анализ оформления информированного добровольного согласия либо условий возмездного договора.

Второй деструктивный сценарий связан с процессуальными злоупотреблениями. Граждане инициируют заведомо безосновательные административные разбирательства, провоцируют контрольно-надзорные мероприятия со стороны Роспотребнадзора и прокуратуры, а также прибегают к диффамации – публичному размещению в интернете сведений, порочащих репутацию конкретного врача или клиники. Конечная цель здесь очевидна: принудить медицинскую организацию к заключению мирового соглашения на максимально выгодных для заявителя условиях [3, с. 346].

Наконец, третья разновидность – это так называемый ситуативный оппортунизм, поощряемый самим законодателем. Освобождение потребителя от уплаты госпошлины при подаче иска (п. 3 ст. 17 Закона) практически обнуляет для него финансовые риски судебного разбирательства, что объективно стимулирует обращение в суд даже по делам с заведомо слабой юридической перспективой [4, с. 130]. В результате столь щадящий процессуальный режим не только перегружает судебную систему, но и порождает целый пласт тяжб, чья социальная полезность представляется более чем сомнительной.

Специфична стратификация рисков по медицинским профилям. Наибольшая частота конфликтов зафиксирована в стоматологии (63,6 %), косметологии (57,1 %), амбулаторной терапии (53 %), пластической хирургии (48 %) и акушерстве-гинекологии (41,3 %). Корреляция

---

[1] О защите прав потребителей : Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https:// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 07.03.2026).

[2] Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.10.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document /cons_doc_LAW_429712/ (дата обращения: 07.03.2026).

© Дрозд В. А, Чердакова Л. А., 2026

обусловлена как высокой стоимостью интервенций, так и выраженным субъективизмом эстетических и функциональных ожиданий пациентов от результатов лечения [5, с. 632].

Правовые последствия «пациентского экстремизма» носят разнонаправленный деструктивный характер. Для пациента-истца негативный исход может выражаться в отказе судом во взыскании штрафных санкций и компенсации морального вреда при констатации исключительно добровольного характера отказа от сделки. В таком случае бремя доказывания понесенных убытков (расходных материалов, медикаментов, амортизации оборудования) возлагается на исполнителя, что требует высокой культуры документооборота в медицинской организации.

Для медицинской организации и профессионального сообщества в целом последствия носят экзистенциальный характер. Помимо прямых финансовых потерь и судебных издержек, происходит накопление репутационного ущерба. В долгосрочной перспективе токсичная среда провоцирует отказ специалистов от выполнения сложных вмешательств и развитие «оборонительной медицины» [6, с. 115]. Это неизбежно ведет к дисфункции системы здравоохранения, снижению качества и доступности помощи для населения, а также утрате кадрового суверенитета отрасли.

Выработка механизмов противодействия требует переноса акцента с репрессивного реагирования на превентивное моделирование. В первую очередь назрела необходимость легализации термина «злоупотребление правом потребителя» в отраслевом контексте. Принятие специального законодательного акта или внесение изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», регулирующего симметрию ответственности и защищающего врачей от необоснованных претензий, является приоритетной задачей. Респонденты опросов почти единогласно поддерживают идею введения специализированного регламента [7, с. 32].

Необходимо институциональное усиление роли досудебного урегулирования споров, в том числе через механизмы медиации. Внедрение технологических мер самозащиты также демонстрирует эффективность. Среди предложенных профессиональным сообществом инструментов: разработка и утверждение локальных нормативных актов — правил поведения пациентов с прямым запретом скрытой аудио- и видеофиксации на территории клиники (поддерживают 71,4 % опрошенных), внедрение систем открытого видеонаблюдения с аудиозаписью в зонах приема (56,4 %), немедленная оповещение правоохранительных органов при вербальной или физической агрессии (45,3 %), а также обучение персонала тактике деэскалации конфликта, исключающей вступление в полемику с агрессивным оппонентом (29,1 %).

Краеугольным камнем профилактики является информационная политика. Необходимо реформировать медийную повестку, отойдя от

© Дрозд В. А, Чердакова Л. А., 2026

сенсационного обличения медицинских работников в пользу сбалансированного освещения проблем здравоохранения. Правовое просвещение должно формировать понимание, что в профессиональных отношениях «врач – пациент» последний не может быть «всегда прав» в силу асимметрии информации и особой природы медицинской услуги [8, с. 295].

Таким образом, пациентский экстремизм представляет собой сложный социально-правовой феномен, природа которого коренится в дисбалансе императивов законодательства о защите прав потребителей и профессиональных стандартов медицинской деятельности. Учитывая масштаб кадровых и экономических потерь, законодателю надлежит выработать четкие легальные критерии недобросовестного поведения, исключающие возможность извлечения прибыли из манипулятивного правопользования. Только комплексный подход, сочетающий законодательные новации, информационную гигиену и внедрение процедурных фильтров на этапе досудебного урегулирования, позволит минимизировать деструктивное влияние данного явления на качество и безопасность медицинской помощи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Богдан, В. В., Урда, М. Н. Злоупотребление правом потребителя: правовые последствия и механизмы противодействия // Lex Russica. 2023. № 5. С. 203–212.

2. Баранов, С. Ю. Гражданско-правовая ответственность в сфере медицинских услуг: проблемы теории и практики // Медицинское право. 2024. № 3. С. 164–172.

3. Ситдикова, Л. Б., Шиловская, А. Л. К вопросу о диффамации в сети Интернет при необоснованных претензиях потребителей // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 4. С. 345–350.

4. Серегин, А. А., Симонян, Р. З. «Потребительский экстремизм» в сфере здравоохранения России // Молодежный инновационный вестник. 2025. Т. 14, № 2. С. 128–131.

5. Ярошенко, К. Б. Субъективные ожидания пациента и реальный результат медицинского вмешательства: правовой аспект // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 628–639.

6. Мохов, А. А. "Оборонительная медицина" как ответ на угрозы пациентского экстремизма // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 2. С. 112–119.

7. Тимофеев, И. В. Медиация в медицине: перспективы досудебного урегулирования споров с пациентами // Медицинское право: теория и практика. 2025. Т. 11, № 1. С. 28–34.

8. Абросимова, Е. А., Герасименко, В. В. Правовое просвещение в сфере здравоохранения как инструмент профилактики конфликтов //

© Дрозд В. А, Чердакова Л. А., 2026

Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 5. С. 290–297.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дрозд Вадим Андреевич, студент, Восточно-Сибирский филиал, Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23 «А».
Чердакова Лариса Анатольевна, заведующий кафедрой гражданского права, Восточно-Сибирский филиал, Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23 «А».

© Дрозд В. А, Чердакова Л. А., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 52–57
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 52–57

Юридические науки

Научная статья
УДК 343.54

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Роман Алексеевич Калабин [1], Елена Ивановна Бахтеева [2]
[1, 2] Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье анализируется примечание к статье 131 УК РФ, носящее дискуссионный характер. Особое внимание уделяется бесконтактным способам совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, в том числе с использованием сети Интернет, а также проблеме ответственности специальных субъектов (усыновителей, опекунов).

Ключевые слова: половая неприкосновенность, несовершеннолетние, примечание к статье 131 УК РФ, развратные действия, насильственные действия сексуального характера, беспомощное состояние, судебная статистика

Для цитирования: Калабин, Р. А., Бахтеева, Е. И. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 52–57.

Legal science

Original article

CURRENT ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES AGAINST SEXUAL INTEGRITY OF MINORS

Roman A. Kalabin [1], Elena I. Bahteeva [2]
[1, 2] Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

© Калабин Р. А., Бахтеева Е. И., 2026

Abstract. The article analyzes the note to Article 131 of the Criminal Code of the Russian Federation, which is of a debatable nature. Special attention is paid to non-contact methods of committing crimes against the sexual inviolability of minors, including those committed via the Internet, as well as to the issue of liability of special subjects (adoptive parents, guardians).

Keywords: sexual integrity, minors, note to Article 131 of the Criminal Code of the Russian Federation, lewd acts, violent acts of a sexual nature, helpless state, judicial statistics

For citation: Kalabin, R. A., Bahteeva, E. I. Aktual'nye problemy ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya protiv polovoj neprikosnovennosti nesovershennoletnih [Current issues of criminal liability for crimes against sexual integrity of minors]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 52–57.

Уголовно-правовая защита половой неприкосновенности детей в России выстроена многослойно. Она продолжает достраиваться, потому что практика регулярно обнажает уязвимости — одни из них связаны с цифровой средой, другие с тем, как сформулированы сами запреты.

Глава 18 Уголовного кодекса РФ[1] собрала составы, посягающие на половую свободу и неприкосновенность личности[2]. Если потерпевшему нет шестнадцати, речь идёт исключительно о неприкосновенности: согласие такого лица юридически ничтожно. Сухие цифры статистики фиксируют лишь надводную часть айсберга, потому что латентность в этой сфере колоссальна. И всё же масштаб виден. Чаще всего в суды попадают дела по статье 134 УК РФ — ненасильственное половое сношение и иные сексуальные действия с несовершеннолетним, не достигшим шестнадцати лет. Количество осуждённых — 2,27 тыс. человек. Следом идёт изнасилование несовершеннолетнего (ст. 131 УК РФ) — 864 человека. Замыкают тройку развратные действия (ст. 135 УК РФ) — 806 человек [1]. За каждым показателем — изуродованное детство, и это заставляет анализировать не просто динамику, а болевые точки квалификации, способные исказить смысл правосудия.

Одной из таких точек без преувеличения стало примечание к статье 131 УК РФ. Оно вводит жёсткое правило: если действия, описанные в частях 3–5 статьи 134 и частях 2–4 статьи 135 УК РФ, совершены в отношении ребёнка, которому ещё не исполнилось двенадцать, их

[1] далее – УК РФ

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 03.03.2026). – Режим доступа: свободный.

© Калабин Р. А., Бахтеева Е. И., 2026

надлежит квалифицировать не по «мягким» составам, а по пункту «б» части 4 статьи 131 или пункту «б» части 4 статьи 132 УК РФ. Иными словами, любое сексуальное взаимодействие с малолетним автоматически перемещается в разряд насильственных преступлений, где фигурирует беспомощное состояние потерпевшего. В основании такого законодательного решения — неопровержимая презумпция: лицо до двенадцати лет в силу возраста не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий, а значит, всегда беспомощно.

Для доктрины уголовного права это стало поводом для острой полемики, и критику сложно назвать надуманной. Фактически исчезает грань между реальным физическим насилием и действиями, в которых отсутствует и принуждение, и насильственный контакт. Составы статей 134 и 131–132 УК РФ когда-то разводились именно по признаку добровольности и способа воздействия [1] . Теперь же субъективно добровольное для ребёнка взаимодействие приравнивается к изнасилованию или насильственным действиям сексуального характера. Конституционный Суд РФ многократно признавал такую конструкцию не противоречащей Основному закону, делая акцент на абсолютной защите малолетних, не способных дать осознанное согласие. С этим трудно спорить на уровне ценностей. Однако на уровне юридической техники проблема остаётся: квалификация начинает опираться не на реальное содержание деяния, а на законодательную фикцию, которая далеко не всегда органична сложившейся классификации половых преступлений. Практика даёт наглядный сигнал — судам то и дело приходится применять статью 64 УК РФ, чтобы смягчить наказание, когда верхняя граница санкции в двадцать лет лишения свободы оказывается очевидно несоразмерной содеянному[2]. Подобная регулярная потребность в исключительном смягчении наказания сама по себе свидетельствует о внутреннем напряжении, заложенном в норму.

Не меньший вызов для правоприменителя создают посягательства, не сопряжённые с физическим контактом. Статьи 133 УК РФ (понуждение) и 135 УК РФ (развратные действия) вполне допускают бесконтактную форму реализации. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, данные в постановлении от 4 декабря 2014 г. № 16[3], ушли от узкого понимания

---

[1] Примечание к статье 131 УК РФ. Обзор правовых позиций // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/law/podborki /primechanie_k_state_131_uk_rf/ (дата обращения: 03.03.2026). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

[2] Там же.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 (ред. от 21.05.2026) «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 2.

© Калабин Р. А., Бахтеева Е. И., 2026

развратных действий. К ним теперь относят любые действия — кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, — направленные на удовлетворение сексуального влечения виновного, возбуждение потерпевшего либо пробуждение у него интереса к сексуальной сфере. Принципиально важно, что Пленум прямо указал: развратные действия могут совершаться через интернет, в отсутствие какого бы то ни было прикосновения к телу потерпевшего. Это решение, безусловно, отражает реалии цифровой эпохи. Однако оно же породило цепочку трудноразрешимых вопросов.

Когда несовершеннолетнему через мессенджеры направляются порнографические изображения, содеянное часто квалифицируют по совокупности — и как развратные действия (ст. 135 УК РФ), и как распространение порнографических материалов (ст. 242 или 242.1 УК РФ). Подобное удвоение не всегда согласуется с принципом справедливости, ведь степень разрушительного воздействия интеллектуальных (бесконтактных) форм далеко не равнозначна физическому вторжению. Ещё более остро встаёт проблема, когда потерпевшему нет двенадцати: то же отправленное сообщение с порнографическим содержанием автоматически подпадает под п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ с его колоссальной санкцией. И здесь мы вновь возвращаемся к той же законодательной фикции, которая, будучи призванной усилить охрану, рискует размыть соразмерность уголовно-правового реагирования. Короткое предложение может быть здесь уместно: система даёт сбой на стыке формальной логики и живого правосудия. А дальше уже идёт следующий пласт проблем, связанных с преступлениями внутри замещающих семей, но это требует отдельного пристального анализа.

Оборотная сторона этого разъяснения — спорные квалификационные решения. Когда несовершеннолетнему через мессенджеры направляют порнографические материалы, содеянное нередко вменяют по совокупности ст. 135 и ст. 242 УК РФ. Такой подход далеко не всегда отвечает принципу справедливости: интеллектуальное (бесконтактное) развращение по глубине разрушительного воздействия несопоставимо с физическим. Более того, если потерпевшему ещё нет двенадцати, те же действия из-за упомянутого примечания автоматически переходят в плоскость п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ с санкцией вплоть до двадцати лет лишения свободы. Судам в таких случаях нередко приходится прибегать к ст. 64 УК РФ, чтобы смягчить наказание. Это тревожный симптом: конструкция, призванная усилить охрану детства, на практике оборачивается необходимостью корректировать её крайности через механизмы исключительного смягчения. Как справедливо подчёркивает А. А. Табакаева, даже работающая система наказаний нуждается в совершенствовании [2].

Особый срез проблемы — преступления, совершаемые лицами, обязанными воспитывать ребёнка. В 2021 году число детей, здоровью

© Калабин Р. А., Бахтеева Е. И., 2026

которых был причинён вред по вине усыновителей, опекунов, попечителей и приёмных родителей, выросло в пять раз [3, с. 35]. Количество самих усыновителей, опекунов и попечителей, привлечённых к уголовной ответственности за преступления против принятых в семью детей, увеличилось в семь раз. Эти скачки трудно объяснить чем-то иным, кроме как кризисом контроля над замещающими семьями. С точки зрения уголовного закона, совершение преступления лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, признаётся отягчающим обстоятельством (п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ)[1]. Но в статьях главы 18 УК РФ этот признак выделен в качестве особо квалифицирующего далеко не всегда. Отсутствие системности в этом вопросе заслуживает самостоятельной законодательной оценки.

Проведённый анализ позволяет наметить три направления работы.

Во-первых, законодательная фикция, закреплённая в примечании к ст. 131 УК РФ, формально усиливая защиту малолетних, размывает границы между насильственными и ненасильственными составами, что создаёт напряжение в доктрине и на практике [3, с. 176].

Во-вторых, экспансия бесконтактных сексуальных посягательств требует более тонкой дифференциации ответственности с учётом степени реального вреда.

В-третьих, тревожная статистика преступлений внутри замещающих семей заставляет сместить фокус с сугубо уголовной репрессии на профилактические и контрольные механизмы.

Дальнейшая эволюция главы 18 УК РФ, вероятно, должна идти по пути уточнения признаков составов, отражающих современные способы посягательств, и последовательного обеспечения неотвратимости соразмерного наказания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Головко, К. Н. Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних: понятие и виды / К. Н. Головко // Молодой ученый : науч. журн. – 2024. – № 2 (501). – С. 175–177. – URL: https://moluch.ru/archive/501/110050/ (дата обращения: 03.03.2026).

2. Табакаева, А. А. Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних / А. А. Табакаева // Вестник науки : науч. электрон. журн. – 2023. – № 10 (67). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-protiv-polovoy-

[1] В России в 2021 году более половины преступлений в отношении детей совершили их родители : обозрение от 07.07.2022 г. // Обозрение : сетевое изд. – URL: https://oboz.info/v-rossii-v-2021-godu-bolee-poloviny-prestuplenij-v-otnoshenii-detej-sovershili-ih-roditeli/ (дата обращения: 03.03.2026).

© Калабин Р. А., Бахтеева Е. И., 2026

neprikosnovennosti-nesovershennoletnih (дата обращения: 03.03.2026).

3. Тыдыкова, Н. В. Проблемы квалификации половых преступлений, совершенных в отношении двух и более несовершеннолетних / Н. В. Тыдыкова // Уголовное право : науч.-практич. журн. – 2024. – № 1. – С. 35–50.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Калабин Роман Алексеевич, студент 2 курса ПОУД-25-2-У, Уральский государственный экономический университет, Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45.

Бахтеева Елена Ивановна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публичного права, Уральский государственный экономический университет, Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45.

© Калабин Р. А., Бахтеева Е. И., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 58–65
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 58–65

Юридические науки

Научная статья
УДК 34.03

БАЛАНС ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОБУЧАЮЩИХСЯ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ

Павел Геннадьевич Мареев [1, 2]
[1] Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия
[2] Академия управления МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Проблема баланса прав и обязанностей обучающихся в системе МВД России является актуальной как с теоретической, так и с практической точек зрения. Недостаточное внимание к этому вопросу может привести к нарушению прав личности, снижению мотивации к обучению и службе, а также к формированию неэффективной правоприменительной практики. Предлагаем проанализировать особенности правового статуса обучающихся в системе МВД России, выявить ключевые аспекты баланса их прав и обязанностей.

***Ключевые слова*:** права обучающихся системы МВД России, обязанности обучающихся системы МВД России, баланс прав и обязанностей, курсанты МВД России, правовой статус

***Для цитирования*:** Мареев, П. Г., Баланс прав и обязанностей: особенности правового статуса обучающихся в системе МВД России // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 58–65.

Legal science

Original article

BALANCE OF RIGHTS AND RESPONSIBILITIES: CHARACTERISTICS OF THE LEGAL STATUS OF STUDENTS IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Pavel G. Mareev [1, 2]
[1] East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia
[2] Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

© Мареев П. Г., 2026

Abstract. The issue of balancing the rights and responsibilities of students in the Russian Ministry of Internal Affairs system is relevant from both theoretical and practical perspectives. Insufficient attention to this issue can lead to violations of individual rights, decreased motivation for training and service, and the development of ineffective law enforcement practices. We propose analyzing the legal status of students in the Russian Ministry of Internal Affairs system and identifying key aspects of the balance of their rights and responsibilities.

Keywords: rights of students of the Russian Ministry of Internal Affairs system, obligations of students of the Russian Ministry of Internal Affairs system, balance of rights and obligations, cadets of the Russian Ministry of Internal Affairs, legal status

For citation: Mareev, P. G., Balans prav i obyazannostej: osobennosti pravovogo statusa obuchayushchihsya v sisteme MVD Rossii [Balance of rights and responsibilities: characteristics of the legal status of students in the system of the ministry of internal affairs of Russia]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 58–65.

Система Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) играет ключевую роль в обеспечении безопасности и правопорядка в стране. Одним из основополагающих элементов этой системы является подготовка квалифицированных кадров, осуществляемая в рамках специализированных образовательных организаций. Обучающиеся в этих учреждениях – это будущие сотрудники полиции, чья профессиональная деятельность будет связана с высоким уровнем ответственности, необходимостью соблюдения законности и готовностью к выполнению служебного долга в любых условиях. Понимание этой специфики критически важно для эффективного функционирования системы и формирования высококвалифицированных специалистов.

Проблема баланса прав и обязанностей обучающихся в системе МВД России является актуальной как с теоретической, так и с практической точек зрения. Недостаточное внимание к этому вопросу может привести к нарушению прав личности, снижению мотивации к обучению и службе, а также к формированию неэффективной правоприменительной практики.

Целью данной статьи является комплексный анализ особенностей правового статуса обучающихся в системе МВД России, выявление ключевых аспектов баланса их прав и обязанностей, а также предложение возможных направлений совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Понятие «правовой статус» получило достаточно глубокое изучение в юридической литературе, как в теоретическом плане, так и применительно к отдельным отраслям права. Его центральное место в правовом институте

© Мареев П. Г., 2026

государственной службы обусловлено тем, что все остальные компоненты этой системы существуют для того, чтобы обеспечить надлежащее функционирование как самой государственной службы, так и ее служащих.

Правовой статус обучающихся в системе МВД России имеет ряд существенных отличий от статуса студентов гражданских вузов. Эти отличия обусловлены спецификой деятельности МВД, а также особой природой самой образовательной организации, которая, по сути, является не просто местом получения знаний, но и первичным звеном профессиональной подготовки и формирования будущих правоохранителей. В связи с этим формирование адекватного баланса между правами и обязанностями обучающихся становится неотъемлемым условием для эффективной подготовки специалистов, способных качественно выполнять поставленные задачи. Понимание правового статуса обучающегося в образовательных организациях МВД России тесно связано с более широким понятием правового статуса личности. Этот комплексный термин охватывает совокупность прав, обязанностей и законных интересов, которыми обладает человек в обществе.

Правовой статус обучающихся в образовательных организациях МВД России регулируется многоуровневой системой нормативно-правовых актов. Основополагающими являются: Конституция Российской Федерации[1], Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»[2], Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3], а также подзаконные акты МВД России, регламентирующие порядок организации образовательного процесса и прохождения службы.

Важно отметить, что обучающиеся в образовательных организациях МВД России, как правило, имеют статус курсантов или слушателей. Курсанты – это лица, впервые поступившие на службу в органы внутренних

---

[1] Российская Федерация. Конституция : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, принятыми в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года : в послед. ред. // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 18.03.2026).

[2] Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон № 273-ФЗ : принят Гос. Думой 21 декабря 2012 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 18.03.2026).

[3] О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон № 342-ФЗ : принят Гос. Думой 17 ноября 2011 года : одобрен Советом Федерации 25 ноября 2011 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 18.03.2026).

© Мареев П. Г., 2026

дел и обучающиеся по очной форме обучения. Слушатели – это, как правило, сотрудники органов внутренних дел, направленные на обучение для повышения квалификации или получения дополнительного профессионального образования. Различия в их статусе, хотя и незначительны, могут проявляться в объеме некоторых прав и обязанностей, особенно в части, касающейся прохождения службы.

Ключевым аспектом является то, что с момента зачисления в образовательную организацию МВД России, обучающиеся приобретают не только статус курсанта, но и статус сотрудника органов внутренних, что в свою очередь означает, что на них распространяются положения законодательства о службе в органах внутренних дел, включая требования к дисциплине, служебному поведению, ограничениям и запретам, установленным для сотрудников.

Рассмотрим более детально права обучающихся в системе МВД России. Права обучающихся в системе МВД России можно условно разделить на две категории: общегражданские и специфические, обусловленные их принадлежностью к системе МВД.

Общегражданские права включают в себя:

– право на образование – получение качественного образования в соответствии с государственными образовательными стандартами;

– право на уважение человеческого достоинства – защиту от любых форм дискриминации, насилия, унижения;

– право на свободу мысли, слова и выражения мнения, с учетом ограничений, налагаемых служебной дисциплиной и требованиями к неразглашению служебной информации;

– право на охрану здоровья – обеспечение безопасных условий обучения и проживания;

– право на отдых – соблюдение режима учебного дня, предоставление выходных и отпусков;

– право на социальное обеспечение – обеспечение жильем (общежитием) и питанием.

Специфические права, обусловленные статусом сотрудника органов внутренних дел, включают:

– право на ношение форменной одежды – в соответствии с установленными правилами;

– право на получение денежного довольствия, в размере, установленном законодательством для соответствующих категорий сотрудников;

– право на государственное страхование жизни и здоровья за счет средств федерального бюджета;

© Мареев П. Г., 2026

– право на пенсионное обеспечение, по выслуге лет или по инвалидности, в соответствии с законодательством о пенсионном обеспечении сотрудников органов внутренних дел;

– право на социальные гарантии, предусмотренные для сотрудников органов внутренних дел, включая медицинское обслуживание и другие льготы.

Считаем необходимым подчеркнуть, что реализация общегражданских прав обучающихся в системе МВД России может быть ограничена в той мере, в какой это необходимо для обеспечения служебной дисциплины, выполнения служебных обязанностей и соблюдения требований, предъявляемых к сотрудникам органов внутренних дел. Эти ограничения должны быть соразмерными и обоснованными, не нарушающими сущность основных прав и свобод человека.

Перейдем к рассмотрению обязанностей обучающихся в системе МВД России. Обязанности обучающихся в системе МВД России также имеют двойственный характер, сочетая в себе учебные и служебные аспекты.

Учебные обязанности включают:

– добросовестное освоение образовательной программы, выполнение всех видов учебной работы, предусмотренных учебным планом;

– соблюдение устава образовательной организации – правил внутреннего распорядка, иных локальных нормативных актов;

– уважительное отношение к профессорско-преподавательскому составу и другим обучающимся – соблюдение норм этики и морали;

– бережное отношение к имуществу образовательной организации – поддержание порядка и чистоты;

– соблюдение требований по охране труда и пожарной безопасности, обеспечение личной безопасности и безопасности окружающих.

Служебные обязанности, вытекающие из статуса сотрудника органов внутренних дел, являются более обширными и строгими:

– соблюдение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, безусловное исполнение требований законодательства;

– принесение Присяги сотрудника органов внутренних дел – верность Российской Федерации и ее народу;

– соблюдение служебной дисциплины, беспрекословное выполнение приказов и распоряжений руководителей (начальников), соблюдение установленного порядка несения службы;

© Мареев П. Г., 2026

– соблюдение требований к служебному поведению, поддержание авторитета органов внутренних дел, недопущение действий, порочащих честь сотрудника;

– неразглашение сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну, а также служебной информации, ставшей известной в связи с исполнением служебных обязанностей;

– соблюдение ограничений и запретов, установленных для сотрудников органов внутренних дел (например, запрет на занятие предпринимательской деятельностью, на участие в забастовках, на выезд за пределы Российской Федерации без разрешения);

– поддержание необходимого уровня физической подготовки для выполнения служебных задач;

– ношение форменной одежды в соответствии с установленными правилами и в надлежащем виде;

– выполнение иных обязанностей, предусмотренных законодательством о службе в органах внутренних дел и должностными регламентами (должностными инструкциями).

В целом курсант, будучи одновременно сотрудником органов внутренних дел и участником образовательного процесса, в рамках освоения образовательной программы может быть привлечен к мероприятиям по поддержанию общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Кроме того, на него могут быть возложены иные функции, входящие в компетенцию органов внутренних дел, что соответствует положениям Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации», что рассматривается как элемент профессиональной подготовки.

Профессиональные компетенции формируются у будущих сотрудников полиции в период обучения в образовательной организации МВД России. Особую роль играют качества сотрудников, выступающие как потенциал развития личности, которые должны развиваться в процессе профессионального обучения.

Акцент в обучении делается на его профессиональную направленность. Курсанты должны понимать, что они не просто студенты, а будущие правоохранители. Обучение нацелено на формирование не только знаний и навыков, но и особого правового мышления, основанного на законности, справедливости и стремлении служить обществу. Невыполнение служебных обязанностей может привести к дисциплинарным взысканиям, вплоть до увольнения и отчисления.

Потенциальные точки напряжения, где интересы курсанта могут вступать в конфликт с требованиями службы, возникают в следующих сферах:

1. Свобода слова и выражения мнений. Будучи гражданами, курсанты имеют право на свободное изъявление своей позиции. Право на

© Мареев П. Г., 2026

свободу слова и выражения мнений сталкивается с требованиями служебной этики и дисциплины в органах внутренних дел, что закреплено в законодательстве, в частности в Федеральном законе от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Таким образом, право на свободу слова наталкивается на обязанность поддержания дисциплины и корпоративной культуры, создавая дилемму для курсанта.

2. Право на частную жизнь и свободу передвижения. Служебные задачи могут предполагать постоянную готовность к исполнению, сокращение личного времени и даже определенный контроль за перемещениями. Требование проживания в общежитии, необходимость получения разрешения на выезд за пределы населенного пункта или участие в мероприятиях вне рабочего времени, запрет на публичные высказывания, суждения и оценки, в том числе в средствах массовой информации ,– все это может вступать в противоречие с правом курсанта на личное пространство и свободу передвижения.

3. Дисциплинарная ответственность и права личности. Обучающиеся должны иметь ясное представление о том, какие действия считаются проступком, какие последствия они влекут, и как происходит процесс рассмотрения.

Предлагаем следующие пути разрешения коллизий и обеспечения баланса прав и обязанностей обучающихся.

1. Регулярное проведение разъяснительных бесед, семинаров, издание информационных буклетов, создание на сайтах образовательных организаций разделов с подробной информацией по правовому статусу.

2. Постоянный мониторинг реального положения дел, создание действенных механизмов обратной связи, оценка эффективности деятельности руководства по обеспечению прав обучающихся.

3. Акцент на наставничестве, психологической поддержке, индивидуальном подходе к обучающимся, развитии системы кураторства.

4. Регулярное обновление образовательных программ, внедрение новых методик обучения, привлечение к преподаванию действующих сотрудников с богатым практическим опытом.

Правовой статус обучающихся в системе МВД России является уникальным, сочетающим в себе элементы гражданского, образовательного и служебного права.

Обеспечение адекватного баланса между правами обучающихся и их обязанностями, с учетом специфики правоохранительной деятельности, является залогом успешной подготовки квалифицированных сотрудников, способных эффективно защищать интересы государства и граждан.

Постоянное совершенствование нормативно-правовой базы, открытый диалог, акцент на воспитании профессиональной

© Мареев П. Г., 2026

ответственности и высокой служебной дисциплины, а также постоянная адаптация к меняющимся условиям, позволят обеспечить высокий уровень подготовки будущих сотрудников органов внутренних дел, отвечающий самым современным требованиям. Осознание обучающимися всей полноты своей ответственности и готовность к ее несению, наряду с гарантированным соблюдением их прав, – это основа для формирования эффективной и надежной системы МВД России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Николаенко, Е. А. Особенности административно-правового статуса курсантов образовательных организаций системы МВД России / Е. А. Николаенко // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 6. – С. 201–204. – EDN VKQYBH.

2. Бялт, В. С. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации / В. С. Бялт, А. Д. Косолапов, С. Н. Трипутин ; Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – 261 с. – EDN VBHEZW.

3. Маркелов, Н. Н. Средства формирования профессионально-личностных качеств курсантов образовательных организаций МВД России / Н. Н. Маркелов, С. Н. Тихомиров // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2018. – № 2. – С. 23–27. – EDN KYRIYI.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мареев Павел Геннадьевич, старший юрисконсульт правового отделения, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110; слушатель 2 факультета, Академия управления МВД России, Россия, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23а.

© Мареев П. Г., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 66–71
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 66–71

Юридические науки

Научная статья
УДК 343.98

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ ОБМЕНА ИНФОРМАЦИИ

Александр Олегович Миронов
Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В научной статье представлены основные проблемы, с которыми могут столкнуться правоприменители при раскрытии и расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых с использованием информационных телекоммуникационных технологий (далее ИТТ) передачи информации. Кроме того, представлены наиболее распространенные способы использования ИТТ при совершении указанных преступлений.

Ключевые слова: наркопреступность, организованная преступность, криптовалюты, цифровые валюты

Для цитирования: Миронов, А. О. Проблемы выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершенных с использованием современных средств обмена информации // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 66–71.

Legal science

Original article

CHALLENGES IN DETECTING, SOLVING, AND INVESTIGATING DRUG TRAFFICKING OFFENSES COMMITTED USING MODERN INFORMATION EXCHANGE TECHNOLOGIES

© Миронов А. О., 2026

Alexander O. Mironov,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

Abstract. This research article outlines the key challenges that law enforcement officials may encounter when detecting and investigating crimes involving the illicit drug trade committed via information and telecommunication technologies. Additionally, it presents the most common methods of using such technologies in the commission of these crimes.

Keywords: drug-related crime, organized crime, cryptocurrencies, digital currencies

For citation: Mironov, A. O. Problemy vyyavleniya, raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskih sredstv, sovershennyh s ispol'zovaniem sovremennyh sredstv obmena informacii [Challenges in detecting, solving, and investigating drug trafficking offenses committed using modern information exchange technologies]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 66–71.

Преступные группы, занимающиеся незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, активно используют современные цифровые каналы связи. При помощи них происходит обмен данными о новых видах запрещенных веществ, технологиях их изготовления, маскировки, транспортировки и сбыта. Серьезную проблему представляет растущее внедрение в схемы оплаты цифровых валют и токенов, что существенно осложняет отслеживание конечных бенефициаров.

Преступные группы (сообщества) обычно имеют четкую иерархическую структуру. В нее входят организатор, изготовители, крупные оптовые покупатели, перевозчики, розничные продавцы, курьеры («закладчики») и лица, предоставляющие ресурсы («дроперы»). Подобные сети могут действовать в масштабах города или региона, однако нередки случаи их межрегионального и даже трансграничного характера, чему способствует географическое положение России.

Одна из распространенных схем работы выглядит так: продавец размещает информацию о товаре в профиле мессенджера или специальном канале, указывая контакты и условия сделки. После согласования заказа и оплаты наркотическое средство доставляется в условленное место. Шифрование переписки в большинстве мессенджеров создает у преступников ощущение безнаказанности, значительно повышая уровень

© Миронов А. О., 2026

анонимности по сравнению с традиционными контактными способами сбыта.

Использование информационных технологий формирует значительные препятствия для следствия. Сложность заключается в сборе доказательств, поскольку личные контакты между участниками цепи часто исключены, а каждый из них может не знать всей структуры. Поэтому расследование требует тщательного планирования оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) и следственных действий, ключевой задачей которых становится фиксация фактов коммуникации и взаимодействия соучастников.

На подготовительном этапе необходимо сосредоточить внимание на следующем:

– организация работы по оперативному сопровождению подозреваемой группы;

– выявление расчетных счетов, электронных кошельков и анализ финансовых транзакций всех фигурантов;

– установление используемых средств связи и подготовка к их изъятию для последующего изучения, что позволит выявить структуру и связи группы;

– назначение судебно-компьютерной экспертизы изъятых электронных устройств с целью обнаружения цифровых следов, связанных с оборотом наркотиков.

Таким образом, усилия правоохранительных органов должны быть направлены не только на изъятие самих наркотических средств, но и на обнаружение инструментов преступной деятельности: средств коммуникации, носителей информации, данных для доступа к онлайн-ресурсам, следов финансовых операций. При осмотре места происшествия подлежат изъятию все электронные устройства: смартфоны, планшеты, компьютеры, жесткие диски, флеш-накопители, а также поврежденная техника, смарт-часы, наушники и другие предметы.

Типовая схема нелегального сбыта через Интернет включает несколько этапов:

1. В специальных чатах таких площадок, как Telegram, размещается бот с предложением товара и инструкцией по переходу на сторонние ресурсы, часто с требованием использовать VPN-сервисы и иные средства анонимизации а также использование «даркнета» – сети платформ, в которой затруднен контроль за деятельности пользователей [1; с. 53].

2. На сайте или непосредственно в самом боте представлен каталог с видами и объемами наркотиков, а также возможными способами оплаты (WebMoney, ЮMoney, QIWI, криптовалюты).

3. После оплаты покупатель получает в мессенджере координаты «закладки». Личный контакт между сбытчиком и потребителем отсутствует. [2; с. 39]

© Миронов А. О., 2026

Высокий уровень конспирации — основная сложность при расследовании. Преступники применяют широкий арсенал методов для сокрытия следов:

– использование VPN и иного программного обеспечения для обхода блокировок и шифрования трафика;

– проведение расчетов через анонимные платежные системы и криптовалюты;

– применение приложений со сквозным шифрованием (OTR), где сообщения не сохраняются в памяти устройства;

– аренда жилых помещений без официального оформления с целью хранения наркотических средств и психотропных веществ, а также для проживания членов группы;

– полное исключение личных контактов между звеньями цепочки;

– использование при общении анонимных учетных записей, двусмысленного жаргона и автоматизированных ботов;

– применение автоматизированных программ (ботов) в коммуникации.

Для успешного раскрытия и расследования таких преступлений необходимо восстановить полную картину каждой сделки.

Это требует:

1. Детального анализа исходной информации и ее сопоставления с данными по аналогичным делам.

2. Проведения комплекса ОРМ для сбора изобличающих данных, которые в дальнейшем могут стать основой доказательственной базы. Как отмечает М. В. Кондратьев, «совершенствование оперативно-розыскных методик организации и проведения конкретных ОРМ является актуальной задачей для теории и практики ОРД ОВД и, безусловно, должно способствовать повышению эффективности оперативно-розыскных мер борьбы с наркопреступностью» [3; с. 118]. Задержание целесообразно проводить только после выявления максимально возможного круга причастных лиц.

В ходе расследования последовательно должны выясняться ключевые обстоятельства:

– факт, место, время и способ совершения преступления;

– круг причастных лиц, их роли и функционал;

– источники поступления наркотиков, каналы распространения, финансовая сторона деятельности;

– наличие связанных преступлений;

– обстоятельства, способствовавшие преступной деятельности.

Для подобных преступных организаций характерно жесткое распределение ролей: от низового звена («закладчики») до «кураторов», «финансистов» и технических специалистов («хакеров»). Связь между ними осуществляется через известные мессенджеры, а для пересылки наркотиков

© Миронов А. О., 2026

нередко используются легальные почтовые и транспортные службы с маскировкой под бытовые товары. Г. В. Вершицкая в своем научном исследовании более подробно изложила принципы деятельности организованных преступных групп и противодействия им [4].

Встречаются сложные схемы отмывания денежных средств, полученных преступным путем: выручка поступает на электронные кошельки, зарегистрированные на подставных лиц, конвертируется в криптовалюту на анонимных биржах и лишь затем обналичивается для финансирования деятельности группы и выплаты вознаграждения участникам. В такой схеме на каждом этапе прослеживаются инструменты для анонимизации личности участников. Ключевым фактором деанонимизации выступает перевод цифровых активов в фиатные финансовые инструменты, однако существуют преступные схемы, когда вывод цифровых активов не происходит, а такие активы используют для дальнейшего оборота наркотических средств в качестве основного экономического инструмента незаконной сделки.

Таким образом, основными проблемами выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств являются: использование современных способов передачи информации, дополненные возможностями анонимизации личности; организация наркопреступности в некую профессиональную преступную иерархическую структуру, основанную на принципах анонимности, исключающей личный контакт участников такой структуры; использование новых экономических инструментов финансирования и легализации преступной деятельности (цифровые валюты, криптовалюты и другие).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пупцева, Е. А. Трансформация наркопреступности в современных условиях: детерминанты и тенденции / Е. А. Пупцева // Молодежная наука : сборник студенческих статей по материалам конференций, проводимых в Восточно-Сибирском филиале Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева. – Иркутск : Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева, 2025. С. 51–54. EDN EIFUPP.

2. Земцова, С. И. Интернет-магазины, осуществляющие незаконный сбыт синтетических наркотических средств: дифференциация и характерные признаки / С. И. Земцова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1(34). С. 36-41. DOI 10.51980/2542-1735_2019_1_36. – EDN ZAIBRJ.

3. Кондратьев, М. В. Оперативно-розыскное мероприятие "Отождествление личности" как эффективный инструмент борьбы с наркопреступностью / М. В. Кондратьев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 4(61). С. 117-122. – EDN IFLWHJ.

© Миронов А. О., 2026

4. Вершицкая Г.В. Специфика расследования бесконтактного сбыта наркотиков // Вестник Поволжского института управления. 2025. Т. 25, № 2. С. 99–108. https://doi.org/10.22394/1682-2358-2025-2-99-108

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Миронов Александр Олегович, преподаватель кафедры основ российской государственности и цивилистики, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

© Миронов А. О., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 72–80
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 72–80

Юридические науки

Научная статья
УДК 343.985

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СПОСОБОВ (ПРИЕМОВ) ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ РУБКОЙ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Светлана Владимировна Унжакова
Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы классификации приемов (способов) противодействия расследованию преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений. Анализируются подходы ученых-криминалистов к соотношению понятий «способ» и «прием» противодействия. На основе материалов следственной и судебной практики характеризуются наиболее распространенные приемы противодействия – дача заведомо ложных показаний, заявление ложного алиби, фальсификация документов, уничтожение следов преступления. Приемы противодействия дифференцируются по субъектам их осуществления. Делается вывод о необходимости разработки тактических приемов преодоления противодействия с учетом его субъектного состава.

Ключевые слова: противодействие расследованию, незаконная рубка лесных насаждений, приемы противодействия, субъекты противодействия, криминалистическая классификация

Для цитирования: Унжакова, С. В. К вопросу о классификации способов (приемов) противодействия расследованию преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 72–80.

© Унжакова С. В., 2026

Legal science

Original article

ON THE ISSUE OF CLASSIFICATION OF METHODS (TECHNIQUES) OF OBSTRUCTION OF THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL LOGGING OF FOREST PLANTATIONS

Svetlana V. Unzhakova
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

Abstract. The article examines certain issues of the classification of methods (techniques) of obstruction of the investigation of crimes related to illegal logging of forest plantations. Approaches of forensic scholars to the correlation between the concepts of "method" and "technique" of obstruction are analyzed. Based on materials from investigative and judicial practice, the most common techniques of obstruction are characterized — giving deliberately false testimony, presenting a false alibi, falsification of documents, and destruction of traces of the crime. Techniques of obstruction are differentiated according to the subjects who carry them out. It is concluded that tactical techniques for overcoming obstruction need to be developed with regard to its subject composition.

Keywords: obstruction of investigation, illegal logging of forest plantations, techniques of obstruction, subjects of obstruction, forensic classification

For citation: Unzhakova, S. V. K voprosu o klassifikacii sposobov (priemov) protivodejstviya rassledovaniyu prestuplenij, svyazannyh s nezakonnoj rubkoj lesnyh nasazhdenij [On the issue of classification of methods (techniques) of obstruction of the investigation of crimes related to illegal logging of forest plantations]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 72–80.

В криминалистической науке выявление и преодоление противодействия расследованию представляют собой важное направление деятельности, обеспечивающее эффективность раскрытия и расследования преступлений. Несмотря на наличие научных исследований, посвящённых общим аспектам противодействия, целенаправленное изучение его специфики при расследовании преступлений отдельных категорий сохраняет свою актуальность. Решение этой научно-практической задачи способствует повышению качества расследования преступлений, в частности таких, как незаконная рубка лесных насаждений.

© Унжакова С. В., 2026

К субъектам противодействия относится лицо, заинтересованное в воспрепятствовании установлению объективной истины по уголовному делу с целью уклонения от уголовной ответственности или смягчения наказания лиц, причастных к совершению преступления. Своими действиями (бездействием) такие субъекты препятствуют выявлению признаков преступления, возбуждению уголовного дела, предварительному расследованию и судебному разбирательству по уголовным делам [1, с. 28]. Приемы противодействия могут быть направлены на материальные источники информации, на процесс доказывания, на потерпевших, свидетелей и иных участников процесса, а также на должностных лиц – следователя, оперативного сотрудника, дознавателя и судью.

Выбор субъектами конкретных приемов противодействия расследованию обусловлен совокупностью факторов. К числу основных относятся: содержание криминальной и следственной ситуации, вид преступления, личность противодействующего субъекта и его возможности [2, с. 40–41].

Владение следователем информацией о возможных субъектах противодействия, их мотивах, целях и избираемых способах позволяет не только своевременно выявлять факты противодействия, но и эффективно применять тактические приемы для его преодоления.

В юридической литературе авторы исследований (В. Н. Карагодин, В. П. Лавров, И. М. Лузгин, Г. Г. Зуйков, И. А. Николайчук, О. Л. Стулин, Э. У. Бабаева, А. А. Бибиков, Г. А. Зорин, А. М. Кустов, В. Е. Корноухов и др.) предлагают множество классификаций способов (приемов) противодействия расследованию, построенных на различных основаниях [3, с. 22–23; 4, с. 51; 5, с. 43]. Однако, как верно отмечают Б. Я. Гаврилов и В. П. Лавров, не всегда соблюдается принцип системного подхода, требующий использования единого основания для одного уровня классификации [2, с. 29].

Анализ научных источников свидетельствует об отсутствии терминологического единства при классификации способов противодействия. Р. С. Белкин, В. А. Овечкин обозначают различные виды деятельности по противодействию как «способы», В. Н. Карагодин, Е. О. Москвин – как «акты противодействия», С. Ю. Журавлев использует термин «формы», Р. Р. Рахматуллин – «приёмы». А. А. Навалихин разграничивает способы и приёмы противодействия, рассматривая их как парную категорию «общее – частное» [1, с. 19].

В рамках настоящего исследования под способом противодействия понимается общее направление деятельности субъекта по воспрепятствованию расследованию (например, воздействие на участников процесса), а под приемом – конкретная реализация данного способа.

Анализ следственной и судебной практики позволяет дифференцировать приемы противодействия расследованию незаконных

© Унжакова С. В., 2026

рубок лесных насаждений по различным основаниям, включая степень общности и сложности структуры, распространенность, отношение к способу совершения преступления, а также длительность противодействия [6, с. 13].

Наиболее распространенным приемом противодействия является дача заведомо ложных показаний. В ходе допросов и очных ставок подозреваемые и обвиняемые часто отрицают свою причастность к совершению преступления или искажают отдельные обстоятельства его совершения. Типичной является ситуация, когда исполнители, застигнутые на месте преступления, утверждают, что не знали о незаконности производимой рубки либо осуществляли иные правомерные действия.

Приведем примеры из судебной практики. Так, подозреваемый К. в ходе допроса утверждал, что не спиливал растущие деревья, а выехал на лесной участок исключительно с целью сбора уже спиленных стволов. Бензопилу он использовал, чтобы отпилить боковые ветви со срубленных стволов. Данные показания подтвердили свидетели защиты в судебном заседании. Однако суд признал эти доводы несостоятельными, указав, что в материалах дела имеются доказательства, подтверждающие вину лица[1].

В ходе расследования уголовного дела по факту незаконной рубки лесных насаждений подозреваемый М. отрицал свою причастность к совершению преступления, указывая, что на лесной участок прибыл со знакомым и о намерениях последнего незаконно произвести рубку ему не было известно. Аналогичные показания он дал в ходе допроса в качестве обвиняемого. На очной ставке обвиняемый настаивал на своих показаниях. Однако суд, оценив совокупность представленных доказательств, пришёл к выводу о виновности лица в совершении незаконной рубки[2].

Еще один пример иллюстрирует случай, когда подозреваемый Н. утверждал, что незаконной рубки не осуществлял, а находился на участке исключительно с целью осмотра поваленных деревьев для очистки лесного массива от гниения[3].

Одним из распространённых приёмов противодействия расследованию, направленным на сокрытие причастности к преступлению, является заявление ложного алиби. Данный приём заключается в предоставлении заведомо ложной информации о месте нахождения подозреваемого (обвиняемого) в момент совершения преступления с целью

---

[1] Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 23 февраля 2025 г. № 22-697/2025 по делу № 1-152/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/dgO5VhGkc2WJ/ (дата обращения: 25.03.2026).

[2] Приговор Третьяковского районного суда Алтайского края от 7 февраля 2025 г. по делу № 1-3/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Mx67DXUOt0bm/ (дата обращения: 05.02.2025).

[3] Апелляционное постановление Верховного суда Чувашской Республики от 26 февраля 2025 г. № 22-330/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Rh3BPTOHdEHj/ (дата обращения: 25.03.2026).

© Унжакова С. В., 2026

создания представления о невозможности его участия в преступном деянии. Чаще всего к этому приёму прибегают, когда лицо не было задержано непосредственно на месте совершения незаконной рубки. Ложное алиби может быть заявлено в ходе проверки сообщения о преступлении, на различных этапах предварительного расследования, а также в ходе судебного разбирательства.

Так, подсудимый С. в ходе судебного заседания опровергал факт своего нахождения на участке, где была совершена незаконная рубка, и, соответственно, отрицал свою причастность к инкриминируемому ему деянию. В своих показаниях он утверждал, что не мог участвовать в валке деревьев и транспортировке древесины, так как находился в другом месте. Однако, с учетом представленных доказательств, суд признал лицо виновным в совершении незаконной рубки лесных насаждений[1].

Фальсификация документов представляет собой один из наиболее распространенных приемов противодействия расследованию, направленный на легализацию незаконно заготовленной древесины. В современных условиях успешная реализация преступного умысла требует от организаторов незаконных рубок не только скрытной заготовки древесины, но и создания видимости правомерности их дальнейшего оборота. В связи с этим особое внимание уделяется приисканию или изготовлению фиктивных документов [7].

Так, гражданин Л., осуществлявший деятельность по заготовке древесины на территории Кытмановского района Алтайского края, использовал заведомо подложные документы. Действуя без ведома и согласия граждан, он подготовил от их имени заявления и доверенности на своё имя, а также предоставил в администрацию сельского поселения подложные акты обследования жилых помещений с целью включения данных лиц в списки нуждающихся в «льготной древесине». На основании сфальсифицированных документов он заключил с Министерством природных ресурсов Алтайского края договоры купли-продажи лесных насаждений, что позволило осуществить незаконную рубку[2].

Уничтожение следов преступления относится к общим и распространенным приемам противодействия. Уничтожение материальных следов (следов лесозаготовительной техники, обуви и др.) осуществляется как при непосредственном совершении незаконной рубки (входит в способ совершения), так и после её совершения, и является отдельным приемом

[1] Приговор Третьяковского районного суда Алтайского края от 7 февраля 2025 г. по делу № 1-3/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Mx67DXUOt0bm/ (дата обращения: 05.02.2025).

[2] Приговор Кытмановского районного суда Алтайского края от 17 февраля 2025 г. по делу № 1-10/2025 (№ 1-54/2024) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Y7wDSBbMaXmw/ (дата обращения: 25.03.2026).

© Унжакова С. В., 2026

противодействия, применяемым в ходе проверки сообщения или в рамках расследования уголовного дела.

В отдельных случаях с целью сокрытия незаконной рубки лесных насаждений виновные прибегают к поджогу, что влечёт более тяжкие экологические последствия и требует дополнительной квалификации содеянного по ст. 261 УК РФ.

Уничтожению могут подвергаться не только непосредственно материальные следы на месте незаконной рубки, но и SIM-карты, мобильные телефоны, используемые для координации действий. Кроме того, удаляется информация в мессенджерах и электронной почте, а также данные с GPS-трекеров.

Утаивание орудий преступлений, транспортных средств и лесозаготовительной техники также используется лицами, противодействующими расследованию.

Можно выделить такой прием, как сокрытие действий преступника параллельно с совершаемыми законными действиями (за пределами отведенного участка) или создание видимости осуществления законной лесозаготовительной деятельности.

Так, индивидуальный предприниматель, имея утверждённую технологическую карту лесосечных работ, произвел рубку не только в пределах границ отведенной лесосеки, но и за ее пределами[1].

Стремясь избежать уголовной ответственности и одновременно увеличить прибыль, отдельные лесозаготовители осуществляют незаконные рубки под видом законной деятельности: лесозаготовка под видом строительства линейных объектов на лесных участках, когда для вырубки ценных лесов, в том числе кедрачей, застройщики проектируют строительство автодорог в защитных лесах; рубки ухода; рубка для формирования противопожарного разрыва; внесение в проекты освоения лесов положений, предусматривающих рубку защитных лесов [7].

Кроме этого, со стороны подозреваемых и обвиняемых можно выделить такие приемы противодействия, как: подкуп участников процесса (ст. 309 УК РФ); неявка и (или) уклонение от явки по вызову; создание ложных следов преступления, доказательств; симуляция физического или психического заболевания.

Наряду с обвиняемым (подозреваемым) активно оказывать противодействие может защитник, использующий для этого как «законные», так и противоправные методы. Среди них: фальсификация доказательств по уголовному делу (ст. 303 УК РФ), умышленное уничтожение доказательств обвинения, разглашение данных предварительного расследования, целенаправленный срыв либо

[1] Приговор Уренского районного суда Нижегородской области от 5 февраля 2025 г. по делу № 1-107/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Fc5r2YdpVYxu/ (дата обращения: 25.03.2026).

© Унжакова С. В., 2026

затягивание отдельных следственных и иных процессуальных действий, подкуп участников уголовного судопроизводства, а также склонение свидетелей, потерпевших и экспертов к даче ложных показаний.

Субъектом противодействия расследованию может выступать сам следователь: несоблюдение требований уголовно-процессуального законодательства, искусственное затягивание сроков предварительного расследования, неверная правовая оценка содеянного, фальсификация доказательств, непроведение необходимых следственных действий либо необоснованный выбор меры пресечения, не связанной с лишением свободы, для помощи подозреваемому в реализации противодействия с его стороны и так далее.

Действия руководителя следственного органа как субъекта противодействия заключаются в следующем: дача указаний следователю о ходе и направлении расследования в интересах подозреваемого (обвиняемого); необоснованный отказ в поддержании ходатайства следователя о производстве следственных действий и иных процессуальных действий.

Свидетели и потерпевшие могут быть не только объектами противодействия, но и его субъектами и оказывать противодействие расследованию следующим образом: путем дачи ложных показаний (ст. 307 УК РФ); изменения своих первоначальных показаний; отказа от дачи показаний (ст. 308 УК РФ); уклонения от явки к следователю, в суд; сокрытия следов, орудий преступления и других предметов; уничтожения документов; утаивания криминалистически значимой информации.

Противодействие расследованию со стороны экспертов может выражаться в различных действиях: затягивание сроков производства экспертиз, направленное на срыв процессуальных сроков расследования и создание препятствий для своевременного получения доказательств; подмену или уничтожение объектов, представленных на исследование, с целью сокрытия идентификационных признаков и фальсификации вещественных доказательств; несвоевременную явку на допрос или уклонение от него, затрудняющие разъяснение и оценку выводов экспертного заключения; дачу заведомо ложного заключения (ст. 307 УК РФ); а также передачу информации о ходе и результатах экспертизы третьим лицам до представления заключения следователю.

Противодействие со стороны понятых встречается относительно редко и осуществляется ими в виде: отказа от подписания протоколов следственных действий; уклонения от явки на допрос или несвоевременного прибытия по вызову следователя; дачи ложных показаний при допросе в качестве свидетеля; разглашения информации заинтересованным лицам.

Сотрудники местных администраций, различных организаций и учреждений при противодействии расследованию используют: ограничение доступа следователя к документам; сокрытие значимой для дела информации;

© Унжакова С. В., 2026

уничтожение документов; склонение или принуждение других лиц к даче ложных показаний; невыполнение законных требований следователя.

Особого внимания заслуживает проблема незаконного покровительства со стороны работников лесхозов и лесничеств: подобные случаи нередко выявляются при легализации незаконных рубок [7].

Также противодействие могут оказывать лица, не имеющие прямого отношения к совершению преступления и к расследуемому уголовному делу, – родственники или знакомые подозреваемого (обвиняемого), которые могут утаивать криминалистически значимую информацию, угрожать иным участникам, уничтожать вещественные доказательства и так далее.

Подводя итог, следует отметить, что противодействие расследованию преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений, может оказываться широким кругом субъектов – как лицами, подлежащими привлечению к уголовной ответственности, так и иными участниками уголовного судопроизводства, а также лицами, не имеющими процессуального статуса по делу. Наиболее распространенными приемами противодействия остаются дача заведомо ложных показаний, заявление ложного алиби, фальсификация документов и уничтожение следов преступления, а также маскировка незаконной рубки под правомерную лесохозяйственную деятельность. Выявление и преодоление противодействия расследованию играют ключевую роль в обеспечении качества раскрытия и расследования преступлений. Особую актуальность эта проблема приобретает применительно к незаконным рубкам лесных насаждений, где противодействие принимает специфические формы, обусловленные множественностью заинтересованных в его сокрытии лиц. Изложенное свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки тактических приемов преодоления противодействия расследованию данной категории преступлений с учетом его субъектного состава.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грибунов, О. П., Унжакова, С. В. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учебное пособие. Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019. 132 с.

2. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учебник для вузов / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. М. : Издательство Юрайт, 2018. 205 с.

3. Лавров, В. П. Криминалистическая классификация способов сокрытия преступления // Криминалистическая сущность, средства и методы установления способов сокрытия следов преступлений. М. : МФЮЗО при Академии МВД СССР, 1987. С. 15–28.

4. Бибиков, А. А. Противодействие расследованию преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации

© Унжакова С. В., 2026

транспортных средств, и криминалистические методы его преодоления : дис. … канд. юрид. наук. Тула, 2005. 208 с.

5. Стулин, О. Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений : дис. … канд. юрид. наук. СПб., 1999. 171 с.

6. Васильева, М. А., Лавров, В. П. Приемы противодействия расследованию экологических преступлений и использование информации о них при расследовании // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 4 (16). С. 9–16.

7. Шергин, Р. Ю. Меры противодействия незаконным рубкам лесных насаждений в условиях постоянной трансформации этого вида преступности // Законность. 2021. № 4 (1038). С. 7–9.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Унжакова Светлана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

© Унжакова С. В., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 81–89
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 81–89

Юридические науки

Научная статья
УДК 343.34

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПУБЛИЧНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Земфира Ильдаровна Хасанова
Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Россия

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу норм уголовного законодательства Республики Узбекистан и Российской Федерации, предусматривающих ответственность за публичное распространение ложной информации. Проводится сопоставительный анализ положений уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Узбекистан по вопросу эффективности уголовно-правового противодействия публичному распространению заведомо ложной информации. Сравниваются особенности построения диспозиций и санкций статей, регулирующих исследуемую область общественных отношений. Выявлены объекты составов преступлений, на которые посягают преступные деяния, определен круг общественных и государственных интересов, взятых под уголовно-правовую охрану. Показаны конструктивные особенности статей из Уголовного кодекса Российской Федерации[1] и Уголовного кодекса Республики Узбекистан[2].

Ключевые слова: ложная информация, распространение, общественная безопасность, недостоверные сведения, зарубежный опыт

Для цитирования: Хасанова, З. И. Сравнительно-правовая характеристика составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за публичное распространение ложной информации в

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954.

[2] Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012- XII // Lexuz. URL: https://lex.uz/docs/111457#111470 (дата обращения: 20.04.2026).

© Хасанова З. И., 2026

законодательстве России и Республике Узбекистан // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 81–89.

Legal science

Original article

COMPARATIVE LEGAL CHARACTERISTICS OF CORPUS DELICTI CRIMINALIZING THE PUBLIC DISSEMINATION OF FALSE INFORMATION IN RUSSIAN LEGISLATION AND THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Zemfira I. Khasanova
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

Abstract. The article is devoted to a comparative legal analysis of the norms of criminal legislation of the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation, providing for liability for the public dissemination of false information. A comparative analysis of the provisions of the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Uzbekistan on the effectiveness of criminal law against the public dissemination of knowingly false information is being carried out. The features of constructing dispositions and sanctions of articles regulating the studied area of public relations are compared. The objects of the corpus delicti that are encroached on by criminal acts have been identified, the circle of public and state interests taken under criminal legal protection has been determined. The design features of articles from the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan are shown.

Keywords: false information, distribution, public safety, inaccurate information, foreign experience

For citation: Khasanova, Z. I. Sravnitel'no-pravovaya harakteristika sostavov prestuplenij, predusmatrivayushchih ugolovnuyu otvetstvennost' za publichnoe rasprostranenie lozhnoj informacii v zakonodatel'stve Rossii i Respublike Uzbekistan [Comparative legal characteristics of the corpus delicti providing for criminal liability for the public dissemination of false information in the legislation of Russia and the Republic of Uzbekistan]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 81–89.

Компаративный анализ законодательства зарубежных стран всегда имел большое значение в деле совершенствования законодательства, регулирующего вопросы борьбы с преступностью. События, произошедшие

© Хасанова З. И., 2026

в 2019 году, а именно пандемия COVID-19, оставили значительный след в истории человечества в разных сферах жизни. Помимо экологических, экономических, социальных последствий она повлияла и на законодательства множества стран [1, с. 528]. Одна из проблем, которая возникла на этом фоне, выразилась в совершении противоправных действий по распространению недостоверной информации о том, какие меры применяются органами государственной власти и органами местного самоуправления в части нераспространения вируса COVID-19. Суть проблемы заключалась в том, что ответственности в уголовном и административном законодательстве за подобные деяния предусмотрено. не было. Причем соответствующими уполномоченными оперативными подразделениями было установлено, что виновные лица, распространяя такую информацию, действовали умышленно, осознавая ее ложный характер и то, что она может наносить вред общественным и государственным интересам. А это означало, что в действиях виновных наличествовали основные признаки преступлений, но поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 3 УК РФ преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом Российской Федерации, невозможно было привлечь к уголовной ответственности лиц, распространявших недостоверные сведения о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления по борьбе с пандемией COVID-19 и ликвидации ее последствий. Противоправная деятельность стала главным инструментом недобросовестных граждан и враждебных государств с целью причинения ущерба интересам других стран. Осознавая всю степень общественной опасности действий по распространению ложной информации об обстоятельствах, связанных с пандемией COVID -19, в 2020 году Россия и другие страны-участники СНГ[1], в том числе и Республика Узбекистан, предприняли законодательные меры, закрепив в уголовных кодексах новые составы преступлений, тем самым криминализировав деяния, связанные с публичным распространением заведомо ложной и ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни, безопасности граждан и иных обстоятельствах, нуждающихся в уголовно-правовой охране.

В настоящее время проблема публичного распространения ложной информации все еще остается актуальной, поскольку развитие информационно-телекоммуникационных технологий, включая активное использование искусственного интеллекта для создания «дипфейков», привело к появлению инструментов, позволяющих «профессионально» подделать фото-, аудио- и видеоматериалы, что без привлечения сторонних экспертных учреждений и специалистов не дает возможности простым гражданам отличить фальсифицированную информацию от подлинной.

[1] Содружество Независимых Государств.

© Хасанова З. И., 2026

В Уголовном кодексе Российской Федерации имеется ряд статей (ст. 207.1., 207.2., 207.3. УК РФ), предусматривающих уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации различного содержания и при различных обстоятельствах. Группа данных составов преступлений расположена в главе 28 УК РФ «Преступления против общественной безопасности», что свидетельствует о едином объекте уголовно-правовой охраны общественной безопасности.

Анализ Уголовного кодекса Республики Узбекистан (далее – УК РУ) показывает, что в нем установлены следующие виды уголовной ответственности в рамках рассматриваемой проблематики. В частности, в соответствии со ст. 244.5. УК РУ предусмотрена ответственность за распространение не соответствующих действительности сведений о распространении карантинных и других опасных для человека инфекций. Также в соответствии со ст. 244.6. УК РУ предусмотрена ответственность за распространение ложной информации, приводящей к унижению достоинства личности или дискредитации личности, а также содержащей угрозу общественному порядку или безопасности, совершенное после применения административного взыскания за такие же действия. Анализ конструктивных особенностей данных составов преступлений показывает, что непосредственным объектом в них выступает общественная безопасность. Кроме этого, данные статьи уголовного кодекса расположены в главе 17 УК РУ «Преступления против общественной безопасности», что свидетельствует о содержании объекта преступлений. Сопоставительный анализ данных составов преступлений и статей особенной части УК РФ показывает, что непосредственные объекты данных составов преступлений совпадают.

Анализ конструктивных особенностей исследуемых составов преступлений УК РФ показывает, что большинство составов преступлений в УК РФ сконструированы по формальному типу. Исключение составляют лишь части 3 и 4 ст. 244.6 УК РУ, которые относятся к материальным составам, поскольку в них закреплены преступные последствия в виде крупного или особо крупного ущерба, а также иных тяжких последствий.

С точки зрения конструктивных особенностей, ст. 207.1. и ч. ч. 1, 2 ст. 207.3. УК РФ являются формальными. В свою очередь, в статье 207.2. УК РФ предусматриваются преступные последствия в виде неосторожного причинения вреда здоровью человека (часть 1), причинения смерти человеку по неосторожности и иные тяжкие последствия (часть 2), а также в ч. 3 ст. 207.3. УК РФ – иные тяжкие последствия.

Сравнивая анализируемые статьи из УК РФ и УК РУ, необходимо отметить, что в российском законодательстве представлена более развернутая картина в части закрепления последствий от совершения преступных действий. Вместе с тем, приведенные из УК РУ, статьи предусматривают последствия в виде причинения материального ущерба,

© Хасанова З. И., 2026

что отличает эти зарубежные составы преступлений от российских уголовно-правовых норм. В нормах российского уголовного права, посвященных уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации, жизнь и здоровье рассматриваются как важнейшая ценность. Сходство российских и зарубежных уголовно-правовых норм в рассматриваемом аспекте заключается в том, что диспозиции уголовно-правовых норм предусматривают в качестве оснований наступления ущерба «иные тяжкие последствия».

Отличительной особенностью уголовного законодательства Республики Узбекистан является то, что в плане закрепления уголовной ответственности за публичное распространение ложной информации части 1 и 2 ст. 244.6. УК РУ предусмотрено правовое условие применения уголовной ответственности только в случае повторного совершения административного правонарушения, это означает, что для составов преступлений такой категории применяется институт административной преюдиции. Но по исследованиям А. И. Бадретдинова, административную преюдицию в механизме реализации уголовной ответственности нецелесообразно рассматривать в институциональном смысле [2, с. 129], поэтому наиболее правильно следует говорить о применении административной преюдиции как правового условия, применяемого в указанной статье Уголовного кодекса Республики Узбекистан. По мнению Е. А. Ильяшенко, законодатель Узбекистана в рамках единой статьи 244.6. УК РУ систематизировал смежные уголовно-правовые запреты, объединив в ней ответственности личности и распространение, создающее угрозу общественной безопасности и общественному порядку, тем самым упорядочив и систематизировав «родственные» уголовно-правовые запреты [3, с. 85].

Кроме того, интересной представляется позиция законодателя Республики Узбекистан о разграничении понятий «распространение не соответствующих действительности сведений» (в ст. 244.5. УК РУ) и «распространение ложной информации» (в ст. 244.6. УК РУ), закрепившего эти понятия в разных статьях уголовного кодекса.

Что касается уголовного законодательства Российской Федерации, то оно в исследуемом вопросе стоит на позиции закрепления признака «заведомо ложности». По мнению специалистов, в статьях УК РУ отсутствует признак «заведомо ложности», означающий осведомленность лица и осознание им ложности распространяемой информации [4, с. 55]. Необходимо отметить, что российское законодательство стоит на принципе субъективного вменения, поэтому для справедливого, законного и обоснованного привлечения лица к уголовной ответственности необходимо, чтобы составы преступлений предусматривали признак «заведомо ложности» распространения информации. Иное означало бы повышение рисков необоснованного привлечения к уголовной

© Хасанова З. И., 2026

ответственности за распространение информации, совершенное, например, без наличия прямого умысла. В этой части конструкции российских уголовно-правовых норм являются более «гибкими» к реальной действительности.

Что касается санкций, то их содержание также различается. Статья 244.5. УК РУ предусматривает наказание в виде штрафа до двухсот базовых расчетных величин или обязательных общественных работ до трехсот часов либо исправительных работ до двух лет. Необходимо отметить, что в зависимости от способа совершения деяния, наказание может усиливаться. В содержании части 2 ст. 244.5. УК РУ указывается на способ совершения преступления, то есть распространение не соответствующих действительности сведений в печати или иным способом либо в средствах массовой информации, включая сеть Интернет. За совершение такого деяния предусмотрено лишение свободы на срок до трех лет, что в переводе на российский язык уголовного права означает преступление средней тяжести[1].

По сравнению со ст. 244.5. УК РУ, ст. 244.6. УК РУ имеет существенные различия, поскольку, во-первых, под объект уголовно-правовой охраной взяты не только права и интересы конкретной личности, но также общественный порядок и общественная безопасность, во-вторых, данный состав преступления является нормой с административной преюдицией, в-третьих, за совершение деяния, выразившегося в распространении ложной информации, не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, что свидетельствует о гуманистическом подходе узбекского законодателя при конструировании составов преступлений [5]. Вместе с тем указанные составы преступления являются достаточно «полнокровными», поскольку предусматривают ряд квалифицирующих признаков, таких как неоднократность совершения деяния либо наличие опасного рецидива, причинение крупного ущерба, во время массовых мероприятий или в случае возникновения чрезвычайной ситуации, причинение особо крупного ущерба или наступление других тяжких последствий, а также совершение преступления организованной группой или в ее интересах. Несмотря на наличие квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, за совершение таких деяний, на наш взгляд, предусмотрены достаточно мягкие санкции, если учитывать характер личности, субъекта совершения преступления, а также наиболее опасные формы проявления преступных посягательств, например, такие как соучастие. То есть, если ложную информацию распространяет рецидивист или такое распространение совершено одной из опасных форм соучастия – организованной группой, то могут быть применены такие виды наказаний,

[1] Закон Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII «Об утверждении Уголовного кодекса Республики Узбекистан» // Национальная база данных законодательства.

© Хасанова З. И., 2026

как штраф или ограничение свободы. Однако для наиболее опасных форм преступных проявлений должны применяться наиболее строгие виды уголовных наказаний.

К примеру, по российскому законодательству за совершение преступлений по ст. 207.2. и 207.3. УК РФ, кроме других видов уголовных наказаний, предусмотрено и лишение свободы.

Различия в санкциях отражают различия в подходах законодателя к общественно опасным деяниям, связанным с распространением ложной информации. На наш взгляд, российский законодатель демонстрирует «сбалансированный» подход при определении степени общественной опасности преступления, а также при установлении размеров санкций за совершенное преступление. Если в ст. 207.1. УК РФ законодатель определил более мягкий размер санкций, то в родственных составах (особенно в ст. 207.3. УК РФ) предусмотрена более строгая санкция.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ законодательств России и Республики Узбекистан в сфере уголовного противодействия публичному распространению ложной информации позволил сделать следующие выводы. Во-первых, в качестве сходства составов преступлений следует выделить время принятия исследуемых норм, то есть криминализации данных деяний в период пандемии COVID-19, что подтверждает общность вызовов современности, которые стоят перед обществами и государствами. И российский, и узбекский законодатели солидарны в определении родового объекта данных посягательств, поместив составы преступлений в главы уголовных кодексов, посвященные преступлениям против общественной безопасности. Общность законодателей в вопросе криминализации исследуемых деяний заключается в том, что во всех развитых правовых демократических государствах ложная информация рассматривается прежде всего, как угроза безопасному функционированию общества. Во-вторых, сопоставительный анализ положений российского и зарубежного уголовного законодательства позволил выявить различия в особенностях изложения нормативного материала и подходах к конструированию составов преступлений. В частности, расхождение в законодательных подходах наблюдается при определении субъективной стороны преступления. Российский законодатель использует признак «заведомо ложности» с тем, чтобы, во-первых, обеспечить соблюдение принципа субъективного вменения, во-вторых, обеспечить неотвратимость наступления уголовной ответственности для лиц, совершивших умышленное распространение ложной информации. Уголовный кодекс Республики Узбекистан, напротив, оперирует термином «распространение ложной информации» без указания на признак заведомо ложности, что, с одной стороны, упрощает процесс доказывания факта распространения, но, с другой стороны, может создавать сложности в необоснованном привлечении к уголовной ответственности,

© Хасанова З. И., 2026

поскольку лицо может добросовестно заблуждаться в том, что оно распространяет ложную информацию. В-третьих, исследуемые статьи УК РУ предусматривают в виде последствий нанесение материального ущерба, что отличает их от российских составов преступлений, где жизнь и здоровье рассматриваются как ценность, которым может быть причинен вред публичным распространением заведомо ложной информации. В-четвертых, сравнение санкций отражает различную уголовно-правовую стратегию. Уголовный кодекс Российской Федерации использует «сбалансированный» подход при определении степени общественной опасности преступления, а также при установлении размеров санкций за совершенное преступление. Узбекский законодатель, даже при наличии квалифицирующих признаков, сохраняет относительно умеренные санкции, делая акцент на ограничении свободы, а не на длительных сроках изоляции от общества. В-пятых, представляется, что Узбекская модель уголовной ответственности за публичное распространение ложной информации предусматривает применение института административной преюдиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мартыненко, Н. Э. Влияние COVID-19 на изменение уголовного закона / Н. Э. Мартыненко // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации : Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 21 мая 2021 года / Под редакцией Ю. В. Гаврилина, Ю. В. Шпагиной. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 528–533.

2. Бадретдинов, А. И. Административная преюдиция как институт гуманизации уголовной ответственности в Республике Беларусь и Российской Федерации / А. И. Бадретдинов // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № 2. – С. 128–132. – DOI 10.24412/1998-5533-2025-2-128-132. – EDN EGDLBA.

3. Ильяшенко Е. А. Уголовная ответственность за распространение заведомо ложной общественно значимой информации по законодательству стран Ближнего Зарубежья // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. № 1 (59). С. 83–87.

4. Габдрахманов Р. Л., Кужиков В. Н. Заведомо ложная информация как предмет преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 53–57.

5. Сибагатуллин, Ф. Ф. Вопросы совершения побоев лицами, подвергнутыми административному наказанию или имеющими судимость / Ф. Ф. Сибагатуллин // Право и государственность. – 2025. – № 2(7). – С. 87–90. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.7.2.014. – EDN EXSTTZ.

© Хасанова З. И., 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Хасанова Земфира Ильдаровна, адъюнкт адъюнктуры, Уфимский юридический институт МВД России, Россия, 450103, Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

© Хасанова З. И., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 90–96
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 90–96

Юридические науки

Научная статья
УДК 343.98

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗОЛЯЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПОЖАРОВ

Наталья Камировна Чепурных [1], Ольга Сергеевна Антоненко [2]
Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемным вопросам судебно-экспертного исследования изоляционных материалов (минеральной ваты, пенополистирола, пенополиуретана и иных утеплителей) в ходе расследования пожаров. Анализируется роль изоляционных материалов как объектов пожарно-технической экспертизы: их поведение при горении, характер термических повреждений, возможности идентификационного и диагностического исследования. Обосновывается, что правильные изъятие, упаковка и лабораторное исследование образцов изоляции с места пожара позволяют установить очаг и причину пожара, а также выявить признаки поджога. Предлагаются практические рекомендации для следователей и экспертов по работе с изоляционными материалами на месте происшествия.

Ключевые слова: пожарно-техническая экспертиза, изоляционные материалы, минеральная вата, пенополистирол, пенополиуретан, очаг пожара, поджог, термический анализ, вещественные доказательства, осмотр места происшествия, алгоритм исследования

Для цитирования: Чепурных, Н. К., Антоненко, О. С. Методы исследования изоляционных материалов при расследовании пожаров // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 90–96.

Legal science

Original article

METHODS OF RESEARCH OF INSULATING MATERIALS IN THE INVESTIGATION OF FIRES

© Чепурных Н. К., Антоненко О. С., 2026

Natalya K. Chepurnykh [1], Olga S. Antonenko [2]
[1, 2] East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

Аннотация. The article is devoted to problematic issues of forensic examination of insulating materials (mineral wool, expanded polystyrene, polyurethane foam and other insulation materials) during the investigation of fires. The role of insulating materials as objects of fire-technical expertise is analyzed: their behavior during combustion, the nature of thermal damage, and the possibilities of identification and diagnostic research. Gorenje It is proved that the correct removal, packaging and laboratory examination of insulation samples from the fire site make it possible to establish the source and cause of the fire, as well as to identify signs of arson. Practical recommendations are offered for investigators and experts on working with insulating materials at the scene.

Keywords: fire-technical expertise, insulation materials, mineral wool, expanded polystyrene, polyurethane foam, fire source, arson, thermal analysis, physical evidence, inspection of the accident site, research algorithm

Для цитирования: Chepurnykh, N. Ch., Antonenko, O. S. Metody issledovaniya izolyacionnyh materialov pri rassledovanii pozharov [Methods of research of insulating materials in the investigation of fires]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 90–96.

Пожары продолжают занимать значительное место в структуре преступлений и происшествий в Российской Федерации. По данным МЧС России, в 2024 году было зарегистрировано 347 506 техногенных пожаров, что хотя и меньше показателя 2023 года (360 891 пожар), тем не менее свидетельствует о сохраняющейся высокой опасности данного явления (рис. 1) [1]. Среди причин пожаров неосторожное обращение с огнём стабильно занимает первое место, однако значительная доля возгораний связана с характеристиками применяемых строительных и изоляционных материалов (рис. 2).

© Чепурных Н. К., Антоненко О. С., 2026

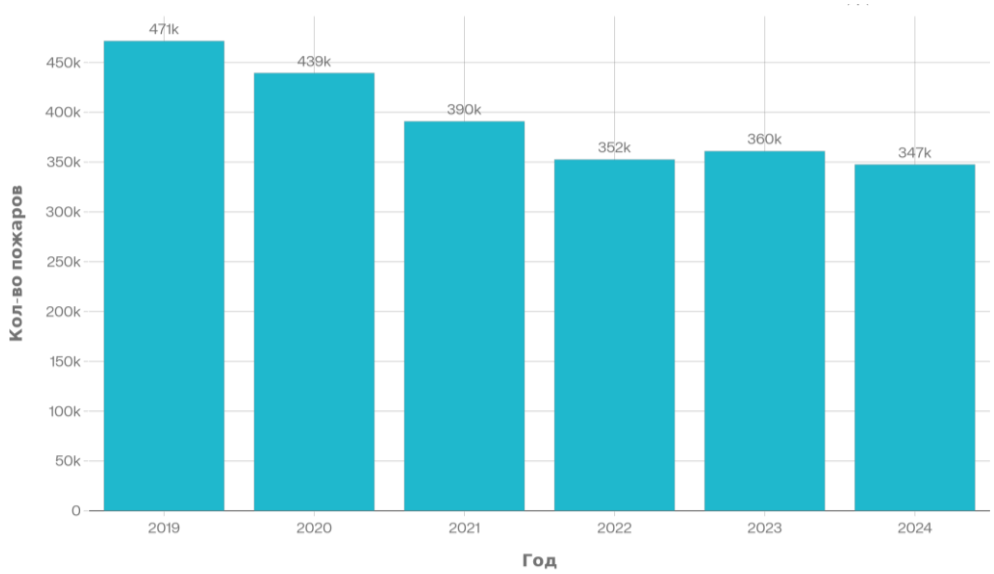

Рис. 1. Динамика количества пожаров в Российской Федерации за 2019–2024 гг. (Источник: МЧС России)

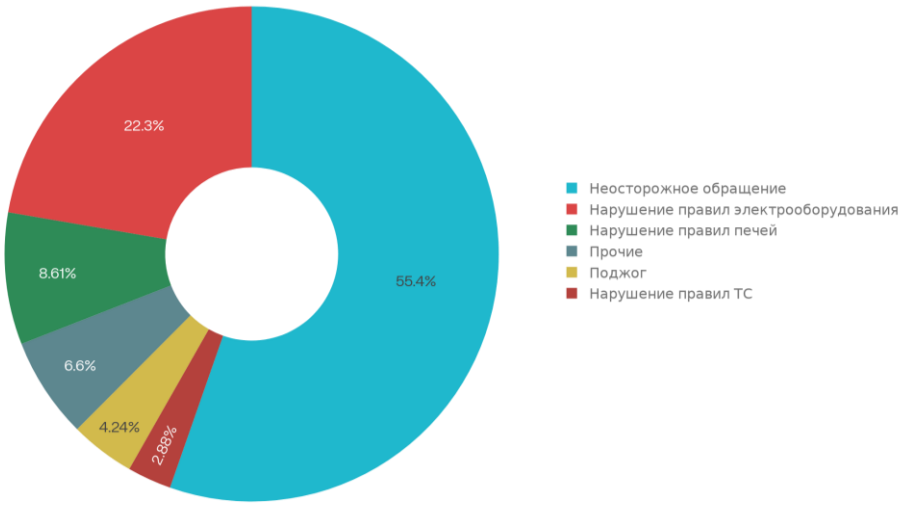

Рис. 2. Основные причины пожаров в России в 2024 г. (Источник: МЧС России)

Широкое применение горючих утеплителей в строительстве – пенополистирола, пенополиуретана, вспененного полиэтилена – создаёт условия для скрытого распространения огня внутри конструкций, что существенно осложняет установление очага и причины пожара [2]. Актуальность темы усиливается в связи с тем, что следователи и дознаватели нередко допускают ошибки при изъятии и упаковке образцов изоляционных материалов, что лишает экспертизу доказательственной ценности [3].

Степень разработанности проблемы в отечественной науке остаётся недостаточной: специальные монографические исследования, посвящённые

© Чепурных Н. К., Антоненко О. С., 2026

именно изоляционным материалам как объекту пожарно-технической экспертизы, единичны. Цель настоящей статьи – систематизировать экспертно-криминалистические подходы к исследованию изоляционных материалов при расследовании пожаров и сформулировать рекомендации по совершенствованию данной работы.

В экспертной и научной литературе не сложилось единого мнения о методологическом приоритете при исследовании изоляционных материалов на месте пожара. Казьмин В. В. и Дашко Л. В. акцентируют внимание на визуально-инструментальных методах осмотра места происшествия, позволяющих уже на месте определить зону очага по характеру термических поражений строительных конструкций [4]. Иной позиции придерживается Гераськин М. Ю., настаивающий на приоритете лабораторных методов – прежде всего ультрафиолетовой люминесценции и газовой хроматографии – для выявления следов интенсификаторов горения, сохранившихся в порах изоляционных материалов [5]. Особую научную дискуссию вызывает вопрос о применимости термического анализа (ТА) для идентификации повреждённых утеплителей: ряд исследователей признаёт метод перспективным, тогда как другие указывают на необходимость его доработки применительно к гибридным и композитным материалам [6].

В рамках исследования применялись: формально-юридический метод – при анализе нормативной базы; метод системного анализа – при классификации изоляционных материалов по группам пожарной опасности; сравнительный метод – при сопоставлении экспертных подходов; изучение материалов экспертной практики ЭКЦ МВД России. Нормативную базу составили СНиП 21-01-97, ГОСТ 30244, ГОСТ 30402-96, Федеральный закон от 22.07.2008 № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности».

В соответствии со СНиП 21-01-97* строительные и изоляционные материалы подразделяются на негорючие (НГ) и горючие (Г1–Г4), а также классифицируются по воспламеняемости (В1–В3), распространению пламени (РП1–РП4), дымообразующей способности (Д1–Д3) и токсичности продуктов горения (Т1–Т4) [7].

Таблица 1.

Основные виды изоляционных материалов и их пожарно-технические характеристики

Материал	Группа горю-чести	Воспламе-няемость	Температура воспламенения, °C	Особенности горения
Минеральная (каменная) вата	НГ (КМ0)	Не воспламеняется	>1000	Не горит; органическое связующее может давать Г1

© Чепурных Н. К., Антоненко О. С., 2026

Стекловата	НГ/Г1	В1	550 (плавление)	Волокна плавятся; связующее горит
Пенополистирол (ПСБ-С)	Г3–Г4	В3	260–290	Плавится, капает; выделяет токсичный дым
Экструдированный пенополистирол (ЭППС)	Г3–Г4	В2–В3	270–300	Скрытое распространение огня внутри конструкций
Пенополиуретан (ППУ)	Г3–Г4	В3	200–230	Выделяет HCN; быстрое самовозгорание
Вспененный полиэтилен	Г2–Г3	В2	340–360	Плавится; оплавление фиксируется при экспертизе
Пенополиизоцианурат (PIR)	Г1–Г2	В1	300–320	Образует обугленный коксовый слой

Каждый вид изоляционного материала оставляет специфическую «сигнатуру» при пожаре, что позволяет эксперту не только идентифицировать вещество, но и реконструировать динамику горения. Пенополистирол при горении образует обильный чёрный копотный налёт и характерные капли застывшего плава на нижележащих конструкциях [8]. Минеральная вата, в отличие от полимерных утеплителей, при пожаре не изменяет формы в течение 30 минут открытого воздействия пламени, что делает её деформацию (спекание, расслоение волокон) надёжным индикатором длительности и интенсивности теплового воздействия [9].

Пожарно-структурная экспертиза повреждений теплоизоляционных материалов из минеральной ваты позволяет по степени структурных изменений волокон (спекание, укорочение, образование «жемчужин» на концах) определить температурный режим и ориентировочное время воздействия огня в данной зоне конструкции [10]. Это принципиально важно при установлении места первоначального горения.

Поджог с использованием горючих жидкостей (ГЖ/ЛВЖ) нередко сопровождается их впитыванием в пористые изоляционные материалы – минеральную вату, пенобетонные блоки, рыхлые утеплители. Выявить следы нефтепродуктов в таких объектах значительно сложнее, чем в плотных конструкционных материалах, поскольку пористая структура обеспечивает интенсивное испарение. Для поиска следов ЛВЖ в изоляции рекомендуется применять ультрафиолетовое освещение (400–365 нм) непосредственно на месте пожара [5], а изъятые образцы упаковывать в

© Чепурных Н. К., Антоненко О. С., 2026

герметичные стеклянные или металлические контейнеры и немедленно направлять на газохроматографический анализ [3].

Метод термического анализа (ТА), разработанный специалистами ВНИИПО МЧС России, позволяет по термоаналитическим кривым микрообразцов (масса порядка 10 мг) идентифицировать вид изоляционного материала, определить его жаростойкость и установить, применялась ли противопожарная обработка (антипирены) [6]. Практическое значение метода состоит в том, что он применим к обгоревшим остаткам, когда визуальная идентификация материала уже невозможна.

Анализ экспертной практики ЭКЦ МВД России показывает, что типичными ошибками являются: неправильный выбор контрольных образцов (изъятие только обгоревшего материала без не обгоревшего образца-контроля); использование полиэтиленовых пакетов для упаковки образцов на следы ЛВЖ (что приводит к потере летучих компонентов); изъятие изоляции без фиксации её топографического положения в конструкции [4]. Устранение этих ошибок требует специальной подготовки дознавателей и следователей, участвующих в осмотре мест пожаров [11].

Изоляционные материалы занимают особое место среди объектов пожарно-технической экспертизы: их физико-химические свойства определяют динамику развития пожара, а характер термических повреждений несёт ценную диагностическую информацию об очаге и причине пожара. Пористая структура ряда утеплителей обеспечивает способность к накоплению следов интенсификаторов горения, что создаёт дополнительные возможности для выявления поджога. Вместе с тем реализация этих возможностей возможна только при соблюдении надлежащих правил изъятия, упаковки и лабораторного исследования образцов. Приоритетными направлениями совершенствования являются: разработка специализированных методик пожарно-технической экспертизы применительно к современным композитным и гибридным изоляционным материалам, а также внедрение обязательного модуля по работе с изоляционными материалами в программы подготовки следователей и дознавателей, специализирующихся на расследовании пожаров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2024 году». - Москва: Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2025. – 277 с.

2. Камалова, Е. Теплоизоляционные материалы: нет дыма без огня? //Кровля. Фасады. Изоляция. 2020. № 6. – 234 с.

3. Дружинина, А. Н. Особенности изъятия вещественных объектов при проведении осмотра места происшествия по делам о пожарах /

© Чепурных Н. К., Антоненко О. С., 2026

А. Н. Дружинина. - Текст : непосредственный // Молодой ученый. - 2024. - № 49 (548). - С. 468-470. - URL: https://moluch.ru/archive/548/120074.

4. Казьмин, В. В., Дашко, Л. В. Развитие пожарно-технической экспертизы в системе МВД России на современном этапе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 2 (109). С. 144–162.

5. Гераськин, М. Ю., Плотникова, Г. В., Шеков, А. А. Особенности обнаружения, изъятия и предварительного исследования вещественных доказательств при осмотре места поджога //Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (14). С. 59–65.

6. Ширванова, Д. М. Оценка пожарной опасности теплоизоляционных материалов методами термического анализа// Сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции. Охрана труда и техносферная безопасность на объектах промышленности, транспорта и социальных инфраструктур. Пенза, 2023. С. 649-652.

7. СНиП 21-01-97*. Пожарная безопасность зданий и сооружений. - М.: Госстрой России, 1997 - URL: https://docs.cntd.ru/document/871001022

8. Голованов, В. и др. Строительные конструкции и материалы: исследования огнестойкости, пожарной опасности, средств огнезащиты // Пожарная безопасность. 2012. № 2. С. 79–88.

9. Сулейманов, И. Р. Обзор пожарной опасности промышленных теплоизоляционных материалов //Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2017. Т. 1. № 8. С. 91–94.

10. Мельников, В. С. и др. Пожарно-структурная экспертиза повреждений теплоизоляционных материалов из минеральной ваты и пенополиизоцианурата //Вестник евразийской науки. 2016. Т. 8. №. 3 (34). С. 129.

11. Синюк, В. Д. Неисправности газовых шлангов и возникновение аварийных ситуаций. Причинно-следственная связь //Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 2 (26). С. 202–213.

12. Пожары и пожарная безопасность в 2023 году. Балашиха: Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) Федеральное государственное бюджетное учреждение «Всероссийский ордена «Знак Почета». Научно-исследовательский институт противопожарной обороны. (ФГБУ ВНИИПО МЧС России), 2024. – 112 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чепурных Наталия Камировна, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры судебно-экспертной деятельности, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Антоненко Ольга Сергеевна, курсант 2 года обучения переменного состава факультета подготовки сотрудников экспертно-криминалистических подразделений и подразделений предварительного расследования, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

© Чепурных Н. К., Антоненко О. С., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 97–105
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 97–105

Юридические науки

Научная статья
УДК 343

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕЛЕГАЛЬНЫХ СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО СТАТЬЕ 239 УК РФ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Семён Александрович Шмаленко [1],
Екатерина Николаевна Бархатова [2]
[1, 2] Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В данной статье представлен комплексный анализ уголовно-правовых аспектов деятельности подпольных спортивных организаций. Рассматриваются проблемы, возникающие при квалификации действий организаторов и участников таких объединений, в частности, применительно к статье 239 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Призма научных интересов сфокусирована преимущественно на таких «квазиспортивных» сообществах, которые создаются с целью организации коммерческих боёв, сопряжённых с высоким риском причинения тяжкого вреда здоровью или даже смерти их участникам. Также исследуются сложности, связанные с доказыванием умысла на создание такого формирования и его противоправной деятельности. Предлагаются пути решения выявленных проблем, направленные на совершенствование правоприменения и обеспечение эффективной защиты общественных интересов от противоправных деяний, осуществляемых под видом спортивной деятельности.

Ключевые слова: статья 239 УК РФ, «квазиспортивные» организации, подпольные спортивные организации, коммерческие бои, уголовно-правовая ответственность в сфере спорта, тяжкий вред здоровью, общественная безопасность

Для цитирования: Шмаленко, С. А., Бархатова, Е. Н. Уголовно-правовая квалификация деятельности нелегальных спортивных организаций по статье 239 УК РФ: проблемы и пути совершенствования правоприменения // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 97–105.

© Шмаленко С. А., Бархатова Е. Н., 2026

Legal science

Original article

CRIMINAL-LEGAL QUALIFICATION OF THE ACTIVITIES OF ILLEGAL SPORTS ORGANIZATIONS UNDER ARTICLE 239 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND WAYS TO IMPROVE LAW ENFORCEMENT

Semyon A. Shmalenko [1], Ekaterina N. Barkhatova [2]

[1, 2] East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of the criminal law aspects of underground sports organizations. It examines the challenges arising in qualifying the actions of the organizers and participants of such organizations, particularly in relation to Article 239 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter, the CCRF). This research focuses primarily on these "quasi-sports" communities, which are created for the purpose of organizing commercial fights that carry a high risk of causing serious bodily harm or even death to their participants. The difficulties associated with proving intent to create such a group and its illegal activities are also explored. Solutions to these identified problems are proposed, aimed at improving law enforcement and ensuring effective protection of public interests from illegal acts carried out under the guise of sporting activities.

Key words: Article 239 of the Criminal Code of the Russian Federation, «quasi-sports» organizations, underground sports organizations, commercial fights, criminal liability in the field of sports, serious bodily harm, public safety

For citation: Shmalenko, S. A., Barkhatova, E. N. Ugolovno-pravovaya kvalifikaciya deyatel'nosti nelegal'nyh sportivnyh organizacij po stat'e 239 UK RF: problemy i puti sovershenstvovaniya pravoprimeneniya [Criminal-legal qualification of the activities of illegal sports organizations under Article 239 of the Criminal Code of the Russian Federation: problems and ways to improve law enforcement]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 97–105.

Спорт представляет собой сложное многофункциональное историческое социальное явление, формирующее физическую культуру личности и во многом отвечающее за создание механизмов социальной интеграции. Философия спорта, его ценностные ориентиры и мобильная социальная система способствуют возникновению положительных эффектов как для отдельно взятого индивида, так и для общества в целом.

© Шмаленко С. А., Бархатова Е. Н., 2026

Привести статистические данные о количестве лиц, систематически занимающихся спортом в контексте мирового масштаба, практически невозможно, так как это сопряжено с рядом методологических затруднений. Данная проблема обусловлена отсутствием единообразных критериев учёта, различиями в подходах к определению массового, любительского и профессионального спорта, а также варьированием показателей регулярности занятий в зависимости от национальных стандартов и исследовательских оценок. Тем не менее, по данным Всемирной организации здравоохранения (World Health Organization), в мире около 1,8 млрд. человек (составляет приблизительно 31 % взрослого поколения) имеют недостаточный уровень физической активности, что свидетельствует о фактах малого охвата активными спортивными занятиями населения планеты[1].

В России же такая статистика ведется. Согласно отчёту Минспорта РФ от 20 марта 2026 г. за 2025 год, более 84 млн. человек в России систематически занимаются физической культурой и спортом, что составляет свыше 62 % населения в возрасте от 3 до 79 лет. Приведённые цифры свидетельствуют о масштабности спортивной сферы в нашей стране и её значимости для государственной политики[2].

Наряду с этим, на современном этапе развития общества нельзя не констатировать, что в сфере физической культуры и спорта, как и в иных социальных сферах, под воздействием процессов глобализации и технологического прогресса сформировался ряд острых проблем, требующих пристального внимания и комплексного правового регулирования. Особую актуальность в данном контексте приобретают вопросы уголовно-правового характера.

В частности, в последние годы наблюдается тенденция к криминализации отдельных сегментов спортивной деятельности с такими проблемами, как: манипулирование результатами спортивных соревнований (договорные матчи); коррупционные проявления, использование субстанций и (или) методов, запрещённых в спорте (допинг); экстремистские проявления в спортивной сфере. Указанные явления получили широкое освещение в научной литературе и нормативно-правовых актах как на международном, так и на национальном уровнях [1, с. 8].

Кроме того, отдельного внимания заслуживает такое социально-

[1] Почти 1,8 млрд взрослых подвергаются риску заболеваний по причине недостаточной физической активности // Всемирная организация здравоохранения: сайт. URL: https://www.who.int/ru/news/item/26-06-2024-nearly-1.8-billion-adults-at-risk-of-isease- from-not-doing-enough-physical-activity (дата обращения: 15.05.2026)

[2] Спортом в России занимается 84 млн человек, за год +585 тысяч бодибилдеров – новые подсчеты Минспорта // СПОРТС: сайт. URL: https://www.sports.ru /aquatics/blogs/3391804.html (дата обращения: 14.05.2026)

© Шмаленко С. А., Бархатова Е. Н., 2026

правовое явление, как формирование «квазиспортивных» сообществ (например, спортивных клубов), осуществляющих организацию коммерческих боёв. Деятельность указанных организаций нередко сопряжена с причинением участникам тяжкого вреда здоровью либо наступлением летального исхода, что обусловливает необходимость исследования данного феномена в контексте уголовно-правового воздействия и, в частности, применения положений ст. 239 УК РФ.

Статья 239 УК РФ предусматривает ответственность за создание некоммерческой организации, посягающей на личность или права граждан, либо религиозного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью[1]. На первый взгляд, применение данной нормы в сегменте спорта, а именно в отношении организаторов подпольных коммерческих боёв, может показаться неочевидным или вовсе не представляться возможным, поскольку диспозиция статьи формально ориентирована на некоммерческий статус субъекта. Трактование её реализации в этом контексте требует многостороннего анализа.

Для выявления оснований подобной правовой интерпретации необходимо обратиться к историческому ретроспективному анализу, который фиксирует определённую преемственность организационных и управленческих моделей подпольных спортивных структур. Исторические данные свидетельствуют о том, что в СССР, начиная с середины 1970-х годов, функционировали нелегальные спортивные объединения, направлением деятельности которых являлась организация и проведение коммерческих поединков [2, с. 148]. Поединки проводились без регламентации допустимых приёмов и продолжались до выявления абсолютного победителя. Контингент участников нередко составляли профессиональные спортсмены, а также и лица, имеющие отношение к службе в силовых структурах. Такие мероприятия отличались высокой степенью финансовой активности: за участие выплачивались значительные денежные вознаграждения, а также существовала система ставок. В целом, денежный оборот таких сообществ достигал для того периода высоких показателей. Следует отметить также и то, что в число «заинтересованных» зрителей регулярно входили представители советской теневой экономики, включая лиц, занимавшихся спекулятивной и коррупционной деятельностью[2]. Высокий уровень травматизма таких поединков нередко приводил к получению участниками тяжёлых повреждений, а в отдельных случаях мог повлечь и летальный исход, что в современном трактовании

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: фед. закон Рос. Федерации от 13 июн. 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.02.2026) // Собр. законодательства РФ. - 1996. - №25. - Ст. 2951.

[2] Про подпольные игры Александра Иншакова // LiveJournal: сайт. URL: https://budda-i.livejournal.com/10882.html (дата обращения: 19.05.2026).

© Шмаленко С. А., Бархатова Е. Н., 2026

нормы уголовного права рассматривается как квалифицирующий признак причинения вреда здоровью, в том числе подпадающий под диспозицию ст. 239 УК РФ.

В этом отношении ключевым аспектом для квалификации по ст. 239 УК РФ является наличие признаков такой некоммерческой организации, которая своей деятельностью осуществляет посягательство на конституционные права граждан на жизнь и здоровье, что выражается в создании условий, при которых участники подвергаются значительному риску причинения тяжкого вреда здоровью или даже смерти.

«Квазиспортивные» сообщества, организующие коммерческие бои, не имеют официальной регистрации и действуют под видом спортивных клубов или секций, что, в свою очередь, будет создавать определённые сложности в правоприменении. Тем не менее, их деятельность по своей сути является организованной, имеет определённую структуру и направлена на достижение конкретных целей, что позволяет рассматривать их как объединения, подпадающих под понятие «организации» в широком смысле. Данное положение косвенно подтверждает наличие возможности применения в этом отношении именно ст. 239 УК РФ в том виде, в котором она закреплена в уголовном законодательстве на сегодняшний день.

Таким образом, становится понятно, что эта норма может быть использована, если такая нелегальная организация функционирует как «псевдоспортивное» объединение, использующее методы насилия над гражданами, участвующими в проводимых этими объединениями мероприятиях, что соответствует диспозиции статьи в части последствий. Тем не менее другое положение диспозиции, закрепляющее отсутствие коммерческой цели, вызывает существенные трудности при подобной интерпретации.

Следовательно, при рассмотрении ст. 239 УК РФ в контексте преступлений в сфере спорта в её настоящей формулировке, требуется чётко определять все существенные признаки подобных «квазиспортивных» организаций. В этой связи наиболее значимым и, вероятно, единственным допустимым основанием для применения указанной правовой дефиниции в действующей редакции выступает цель на организацию поединков, главная задача которых заключается в демонстрации тяжких телесных повреждений, в некоторых случаях приводящих к летальному исходу. Лишь в указанном аспекте, предположительно, возможна квалификация деяний по ст. 239 УК РФ, поскольку данная норма, как было отмечено, содержит условие о некоммерческом характере деятельности такого сообщества, что порождает очевидное юридическое противоречие.

В рамках обозначенного следует отметить и положение руководителей таких объединений. Организаторы указанных обществ, сознательно допуская отсутствие должного медицинского контроля, профессионального судейства, соблюдения правил безопасности и

© Шмаленко С. А., Бархатова Е. Н., 2026

использования защитной экипировки, фактически способствуют действиям, которые могут привести к последствиям, обозначенным ранее.

Следует также отметить, что вовлеченность в нерегламентированные поединки, характеризующиеся повышенной степенью опасности, не подпадают под категорию легитимной спортивной деятельности. В связи с этим, если в ходе таких состязаний участник получит повреждения, повлекшие тяжкий вред здоровью, лицо, причинившее их, может быть подвергнуто уголовному преследованию. Тогда, вероятно, квалификация содеянного будет зависеть от формы вины и осуществляться либо по ч.1 ст. 118 УК РФ (при неосторожном причинении вреда), либо по ст. 111 УК РФ (соответственно, при умышленном характере действий), что определяется фактическими обстоятельствами дела.

Для привлечения лица к ответственности по ст. 239 УК РФ крайне важно дать правильную квалификацию деянию. Вместе с тем правоприменительная практика демонстрирует существенные сложности при установлении умысла лиц, инициирующих создание подобных структур. При этом следует принять во внимание объективно высокий уровень повреждений, характерный для ряда спортивных дисциплин, в частности, контактных единоборств. В связи с этим при правовой оценке данного состава преступления приоритет надлежит отдавать подтверждению наличия прямого умысла: лицо отчётливо понимает, что формирует общественное объединение, деятельность которого связана с применением физической силы против граждан, нанесением вреда их здоровью, осуществляет руководство данной структурой, принимает участие в её функционировании либо продвигает её идеи и сознательно стремится к наступлению указанных последствий. Установление факта, что первостепенной задачей создания такой организации являлось именно посягательство на личность и права граждан, требует скрупулёзного формирования доказательственной базы, охватывающей свидетельские показания, детальный анализ регламентов поединков, организационных условий их проведения, а также финансовой составляющей. Применение в этом отношении ст. 239 УК РФ представляется крайне неоднозначным, исходя из факторов, обозначенных ранее.

Подводя итог проведённого анализа, следует констатировать, что, несмотря на определённые сложности правоприменительной практики, рассматриваемые мероприятия носят явно незаконный характер. Организация подобных поединков преимущественно осуществляется в коммерческих целях, что и обусловливает их предпринимательскую природу. Следовательно, их проведение требует официальной регистрации и легализации. В противном случае организаторы подлежат привлечению к ответственности за незаконное предпринимательство в порядке

© Шмаленко С. А., Бархатова Е. Н., 2026

ст. 14.1 КоАП РФ[1] или ст. 171 УК РФ. Также в случае квалификации указанных мероприятий как спортивных состязаний, их проведение подпадает под действие Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 329)[2]. Согласно данному нормативному акту, учредителем соревнований вправе выступать исключительно юридическое лицо, обязанное утвердить регламент, календарный план, условия допуска участников, а также обеспечить организационно-финансовое сопровождение. Несмотря на наличие данных формальных требований, их нарушение влечёт преимущественно административную ответственность. При этом существующее законодательство ориентированно главным образом на регулирование официальных мероприятий, включённых в утверждённые календарные планы органов государственной и муниципальной власти. Правовой режим организации неофициальных состязаний, включающих поединки без правил, остаётся фрагментарным и недостаточно проработанным.

Применение ст. 239 УК РФ к рассматриваемым правоотношениям представляется нецелесообразным и не имеет практической реализации в настоящее время в силу её доктринальной направленности на некоммерческие, идеологически мотивированные объединения как религиозного (деятельность сопряжена с насилием или причинением вреда здоровью граждан), так и экстремистского характера (побуждающие к отказу от исполнения гражданских обязанностей) [3, с. 126]. Коммерческая составляющая подпольных боёв исключает квалификацию деяния по данной норме, что подтверждается отсутствием соответствующей судебной практики.

Фактически уголовная ответственность возникает не за сам факт организации нелегальных соревнований, а за причинение вреда здоровью или жизни участников. При этом наличие согласия об отсутствии претензий или добровольный характер участия не исключает возбуждения уголовного дела по фактам тяжких телесных повреждений или летального исхода.

В зависимости от обстоятельств дела, к организаторам могут применяться дополнительные составы преступлений, в частности ст. 171.2 УК РФ Незаконные организация и проведение азартных игр (например, если имел место приём ставок на нелегальных боях) и ст. 238 УК РФ Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: фед. закон Рос. Федерации от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 02.05.2026) // Собр. законодательства РФ. - 2001. - №52 (ч.1). - Ст. 4929.

[2] О физической культуре и спорте в Российской Федерации: фед. Закон Российской Федерации от 4 дек. 2007 г. №329-ФЗ (последняя редакция) // Собр. законодательства РФ. – 2007. - №50. – Ст. 6242.

© Шмаленко С. А., Бархатова Е. Н., 2026

продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требований безопасности.

Как отмечает представитель Адвокатской палаты г. Москвы Константин Кудряшов, проведение боя рассматривается законодательством о защите прав потребителей как оказание услуги, требующее обеспечения безопасности, независимо от наличия гражданско-правовых соглашений. Подобные документы могут иметь значение лишь в деликтных спорах, но не препятствуют привлечению к уголовной ответственности. На практике мера наказания зачастую коррелирует с уровнем общественного резонанса (вероятнее всего, происшествие привлечёт внимание СМИ и общественности), что в случаях с тяжкими последствиями существенно повышает риск реального лишения свободы для организаторов [1] . По вышеотмеченной ст. 238 УК РФ такой срок лишения свободы составляет 6 лет. Также может грозить штраф в размере от 100 до 500 тысяч рублей.

Судебная и следственная практика подтверждает тенденцию квалификации подобных деяний по смежным составам. В частности, это проявляется в деле о гибели 21-летнего молодого человека, устраивающегося в ЧОП «Дельта» в Улан-Удэ в августе 2022 г. По версии следствия, 56-летний руководитель группы быстрого реагирования ЧОП установил требования к кандидатам для приёма на работу на предприятие – претенденты должны были участвовать в спаррингах по рукопашному бою с более опытными соперниками. Организатор нелегальных спаррингов, предусматривавший нанесение ударов без ограничений (что, по большому счёту, и является боями без правил), был осуждён к 2,5 годам лишения свободы по ч. 2 ст. 201 УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК РФ[2]. Данный прецедент демонстрирует, что фактическая организация поединков без правил приравнивается к созданию условий, опасных для жизни, и влечёт ответственность за наступившие последствия.

Похожая правовая проблематика проявилась в ходе пресечения турнира лиги PrimeFL на территории бывшего СИЗО «Кресты» в Санкт-Петербурге в июне 2025 г. Проведение мероприятия без согласования с органами МВД, МЧС и муниципальной администрацией, а также отсутствие утверждённого плана обеспечения безопасности стали основаниями для вмешательства силовых структур. Также в ходе проверки у части иностранных участников были выявлены нарушения

[1] Уголовник против мигранта, Лютый против Маги: поколение зумеров подсело на уличные бои // Комсомольская Правда: сайт. URL: https://www.msk.kp.ru/daily/27446/4649988/ (дата обращения: 19.05.2026).

[2] Организатор боев без правил в Улан-Удэ получил 2,5 года колонии общего режима // MK RU В Бурятии: сайт. URL: https://ulan.mk.ru/social/2024/02/21/organizator-boev-bez-pravil-v-ulanude-poluchil-25-goda-kolonii-obshhego-rezhima.html (дата обращения: 20.05.2026).

© Шмаленко С. А., Бархатова Е. Н., 2026

миграционного законодательства[1]. В совокупности это свидетельствует об игнорировании требований ФЗ № 329 и норм безопасности при организации неофициальных спортивных мероприятий.

Таким образом, анализ нормативной базы и правоприменительной практики подтверждает невозможность эффективно использовать ст. 239 УК РФ для противодействия подпольным коммерческим поединкам. Существующие механизмы ответственности носят фрагментарный характер и применяются со смежными составами (ст. 171, 171.2, 238, 111 УК РФ). Для устранения выявленных правовых пробелов представляется целесообразным систематизация действующих норм и разработка специализированной уголовно-правовой конструкции, прямо предусматривающей ответственность за организацию нелегальных коммерческих состязаний, сопряжённых с риском причинения вреда здоровью участников. Подобное нововведение позволит учесть, как предпринимательскую природу данных мероприятий, так и необходимость обеспечения безопасности граждан, тем самым создав единообразную правоприменительную практику.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в спорте: коллективная монография / Под ред. Е. Н. Рахмановой. СПб.: Астерион, 2021. 460 с.

2. Прокопенко, Т. И., Агеев, А. В., Резенькова, Н. В. Коммерческие аспекты проведения спортивных соревнований // Наука. Инновации. Технологии. 2008. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommercheskie-aspekty-provedeniya-sportivnyh-sorevnovaniy (дата обращения: 19.05.2026).

3. Карпачева, Т. С. Преступления руководителей и участников тоталитарных сект против общественной безопасности и общественного порядка (на примере ст. 239 УК РФ) // Московский юридический журнал. 2019. № 4. URL: https://www.lawmgoujournal.ru/jour/article/view/89/69 (дата обращения: 18.05.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бархатова Екатерина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Шмаленко Семён Александрович, курсант 3 года обучения переменного состава факультета подготовки сотрудников экспертно-криминалистических подразделений и подразделений предварительного расследования, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

[1] ММА-шоу в Крестах. Почему кулачный турнир в самой знаменитой тюрьме России стал поводом для скандала // Фонтанка.Ру: сайт. URL: https://www.fontanka.ru/2025/06/25/75636407/ (дата обращения: 21.05.20026)

© Шмаленко С. А., Бархатова Е. Н., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 106–112
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 106–112

Исторические науки

Научная статья
УДК 34

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВЫХ СУДОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Юрий Сергеевич Степаненко [1], Дмитрий Владимирович Михаэлис [2]
[1, 2] Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В настоящей работе приводятся правовые аспекты деятельности мировых судов, образованных в Российской империи в ходе судебной реформы 1864 г. Принципиально новая модель суда действовала на буржуазных, демократических принципах. В ходе обновления судебной системы появились четкие требования к кандидатам на должность судей, главной обязанностью которых было рассмотрение незначительных уголовных и гражданских дел с учетом специфики местного населения. Ключевой особенностью мировых судей была их выборность местным населением.

Ключевые слова: судебная реформа, мировой суд, Российская империя, судебные уставы, контрреформа

Для цитирования: Степаненко, Ю. А., Михаэлис, Д. В. Правовой аспект деятельности мировых судов в Российской империи // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 106–112.

Historical science

Original article

LEGAL FOUNDATIONS OF THE WORLD COURTS IN THE RUSSIAN EMPIRE

Yuri S. Stepanenko [1], Dmitrii V. Mikhaelis [2]
[1, 2] East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

© Степаненко Ю. А., Михаэлис Д. В., 2026

Abstract. This paper examines the legal aspects of the activities of the world courts established in the Russian Empire during the judicial reform of 1864. This fundamentally new model of the court operated on bourgeois and democratic principles. As part of the judicial system's renewal, clear requirements were established for candidates for the position of judges, whose primary responsibility was to handle minor criminal and civil cases tailored to the local population. A key feature of the world judges was their election by the local population.

***Keywords*:** judicial reform, world court, Russian Empire, judicial statutes, counter-reform

***For citation*:** Stepanenko, Yu. A., Mikhaelis, D. V. Pravovoy aspect deyatel'nosti mirovyh sudov v Rossijskoj imperii [The legal aspect of the activity of magistrates' courts in the Russian Empire]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 106–112.

Судебная реформа 1864 г. занимает особое место в истории Российской государственности. Среди всех созданных по ее результатам институтов мировые суды выделялись не только новизной, но и концептуальной завершенностью правовой модели, ориентированной на защиту повседневных интересов населения. Правовой статус мировых судей, их компетенция и особенности судопроизводства формировали уникальную подсистему, которая существенно отличалась от общих судебных установлений и воплощала идею доступного правосудия. Анализ нормативной базы и практики ее применения позволяет оценить правовую природу этого института в динамике – от становления до фактической ликвидации в ходе контрреформ в период правления Александра III.

Правовой фундамент института мировых судей составили Судебные Уставы от 20 ноября 1864 г., состоящие из четырех частей: Учреждение судебных установлений (далее – УСУ), Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Они вводили принципиально новую модель местной юстиции, основанную на выборности судей, их независимости от административной власти и всесословности суда [1, с. 1–4].

Нововведения проявились в порядке формирования мировых судов. Судьи избирались уездными земскими собраниями, а в столицах – городскими думами сроком на три года [2, с. 2]. Законодатель сознательно отказался от назначения судей Правительствующим Сенатом. Как отмечал исследователь отечественной судебной системы Г. А. Джаншиев, правительство «было бы поставлено в крайне затруднительное положение, если бы приняло на себя их избрание: ибо начальствующим лицам во всяком случае труднее найти столь значительное число вполне достойных лиц для

© Степаненко Ю. А., Михаэлис Д. В., 2026

замещения всех должностей мировых судей, чем обывателям каждой местности приискать людей для определенного округа» [2, с. 2]. В этом подходе прослеживается важная правовая идея, состоящая в том, что суд, разбирающий местные дела, должен формироваться при участии местных жителей самого участка. Можно предположить, что это требование вводилось для более качественной работы судей, которые хорошо знакомы с местными обычаями и самими людьми.

Устав судебных установлений утверждал ряд требований к кандидатам в мировые судьи. Ключевыми требованиями являлись: достижение 25-летнего возраста, наличие образования, либо сдача экзамена, либо служба не менее трех лет в должности, где можно приобрести практические судебные навыки, наличие собственности, отсутствие судимости [1, с. 3]. Любопытно, что обязательного юридического образования для мировых судей не требовалось, законодатель счел, что практический опыт и знание местных условий важнее формальной квалификации, необходимой для судей общих инстанций. Имущественный ценз был призван обеспечить независимость судьи от материальных соблазнов. Кандидат должен был владеть землей или недвижимостью определенной стоимости: в сельской местности – не менее пятнадцати тысяч рублей, в столицах – не менее 6000 р., в прочих городах – не менее 3000 р. [2, с. 2].

Также следует подчеркнуть, что выборность мировых судей не являлась выбором в чистом виде, а представляла собой сложную многоступенчатую процедуру, включавшую составление списков кандидатов предводителем дворянства, утверждение их губернатором и лишь затем голосование в земском собрании. Таким образом, административный контроль присутствовал уже на стадии формирования судейского корпуса, что создавало предпосылки для последующего ограничения независимости мировых судей.

Место мирового суда как судебной инстанции определялось кругом дел, отнесенных к его ведению. Законодатель исходил из идеи, что мировые судьи должны рассматривать дела малозначительные с точки зрения публичного интереса, но чрезвычайно важные для повседневной жизни обывателей. Кандидат юридических наук Е. А. Волосатых отмечает, что «обязанность по примирению сторон в уголовном и гражданском процессе – это главная обязанность мирового судьи, квинтэссенция его предназначения, суть самого института мировых судов» [3, с. 4]. Таким образом, главной обязанностью мировых судов было склонение сторон к мировому соглашению.

Гражданская юрисдикция мировых судей распространялась на иски стоимостью до 500 р. Сумма эта была достаточно значительной для своего времени и охватывала большинство имущественных споров, возникавших между представителями податных сословий. В уголовно-правовой сфере

© Степаненко Ю. А., Михаэлис Д. В., 2026

мировые судьи рассматривали дела о проступках, наказание за которые ограничивались штрафом до 300 р., арестом до трех месяцев, либо тюремным заключением до одного года [1, с. 4].

Существенной особенностью компетенции мировых судей являлось право рассматривать дела не только по формальным признакам, но и с учетом местных обстоятельств и отношений сторон. Мировой судья должен был обладать «наглядным знанием местных обстоятельств», что и обусловливало требование ценза оседлости. Замысел законодателя в том, чтобы судья выступал не просто правоприменителем, но и авторитетным посредником, способным урегулировать конфликт на основе здравого смысла.

Помимо судебных функций, на мировых судей возлагались обязанности, сегодня относимые к компетенции нотариуса и административных органов: они приводили к присяге должностных лиц, участвовали к в освидетельствовании рекрутов, разбирали жалобы мещанского сословия. Такое совмещение функций отражало стремление создать универсальный орган местной юстиции, максимально доступный для населения.

Порядок судопроизводства мирового суда был закреплен процессуальными нормами Судебных Уставов. Мировой судья был избавлен от сложных бюрократических процедур, характерных для судов общей юрисдикции. Жалобы могли подаваться как в письменной, так и в устной форме. Судья был обязан принять обращение в любое время и в любом месте. Это положение превращало мировой суд в самый доступный орган правосудия, максимально приближенный к населению [1, с. 2]. Дознания и предварительного расследования по делам, подсудным мировым судьям не проводилось. Судья самостоятельно вызывал стороны, допрашивал свидетелей и выносил решение. При признании обвиняемым своей вины и отсутствии оснований подозревать самооговор производство могло завершиться в одно заседание без дальнейшего разбирательства. Такой порядок обеспечивал ту самую скорость процесса, которая декларировалась в качестве одной из главной целей мировой юстиции [4, с. 2].

Апелляционной инстанцией для мировых судей выступал мировой съезд, представлявший собой коллегиальный орган, собиравшийся периодически для пересмотра решений участковых судей. Председательствовал на съезде почетный мировой судья, избиравшийся из числа наиболее авторитетных жителей участка. Кассационной инстанцией являлся Правительствующий Сенат. Правоведы того времени высоко оценивали процессуальную модель мирового суда. По мнению Н. Н. Трофимовой, мировую юстицию характеризовали «максимальная приближенность к населению, обособленность и замкнутость системы, построенной на началах выборности, всесословности, независимости судей,

© Степаненко Ю. А., Михаэлис Д. В., 2026

несменяемости судей в пределах выборного срока, гласности и состязательности.» [5, с. 89]. Именно совокупность этих принципов обеспечивала особое место мирового суда в судебной системе Российской Империи.

Правовая конструкция мирового суда, столь прогрессивная для своего времени, оказалась уязвимой перед политической обстановкой. Уже в 1880-е годы начался пересмотр принципов судебной реформы, затронувший прежде всего институт мировых судей. Таким образом, период контрреформ характеризовался постепенным разрушением наиболее демократических элементов судебной системы.

Ключевым актом, изменившим правовое положение мировой юстиции, стало Положение о земских участковых начальниках 1889 года. Этим актом мировые суды упразднялись на большей части территории Российской империи, а их полномочия передавались земским начальникам – должностным лицам, соединявшим судебные и административные функции. Назначение земских начальников производилось министром внутренних дел, что фактически уничтожало принцип независимости суда от администрации. Правоведы расходятся в оценках контрреформы. Одни исследователи, как указывает доктор исторических наук Е. А. Крестьянников, рассматривали ее как закономерную реакцию самодержавия на чрезмерный либерализм судебных установлений [6, с. 3]. Другие, вслед за дореволюционным ученым И. В. Гессеном, оценивали произошедшее как полуреформу, то есть отступление от принципов, не успевших укорениться в правовой культуре [6, с. 3]. Таким образом правовой статус мирового судьи из независимого выборного судьи перешел в назначаемого чиновника, подконтрольного административной системе.

Мировые суды сохранились лишь в столицах и некоторых крупных городах – Москве, Санкт-Петербурге, Харькове, Одессе. В остальной империи функции мирового суда выполняли земские начальники, городские судьи и уездные члены окружных судов. Такое положение сохранялось вплоть до 1912 г., пока не был принят закон о восстановлении мировой юстиции, реализованный лишь частично из-за начавшейся Первой мировой войны и последующих революционных событий.

Особая ситуация складывалась в национальных окраинах и отдаленных регионах империи. Как показывают исследования сибирской мировой юстиции, в этом регионе институт мировых судей имел существенную специфику. Е. А. Крестьянников отмечает, что в Сибири мировые судьи сочетали функции правосудия и предварительного следствия, что породило дискуссию среди юристов о допустимости такого совмещения. Данный феномен иллюстрирует гибкость правовой системы империи, допускавшей региональные модификации общего института [6, с. 4].

© Степаненко Ю. А., Михаэлис Д. В., 2026

Правовой опыт деятельности мировых судов Российской империи представляет интерес не только с исторической, но и с теоретико-правовой точки зрения. Созданная Судебными уставами модель местной юстиции основывалась на оригинальном сочетании принципов: выборности при сохранении административного контроля, упрощенного производства при соблюдении базовых процессуальных гарантий, независимости судьи при отсутствии государственного жалования.

Таким образом, правовой аспект деятельности мировых судов в Российской империи раскрывается через анализ нормативной базы, определявшей их статус, компетенцию и процедуру. Судебные уставы 1864 г. создали оригинальную модель местной юстиции, основанную на принципах доступности, оперативности и выборности судей. Контрреформы 1880–1890-х гг. существенно изменили эту модель, подчинив мировую юстицию административному контролю. Историческая эволюция института демонстрирует диалектику правовых принципов и политической целесообразности, неизменно актуальную для любого государства, ставящего перед собой задачу обеспечения эффективного и справедливого правосудия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Демичев, А. А. Генезис и становление мирового суда в Российской империи // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2011. № 4-1. С. 34-45.

2. Михаэлис, Д. В. К вопросу об изменении статуса мировой юстиции в Российской империи в период контрреформ 1881–1917 гг. (на примере сибирского региона) // Вестник Калмыцкого университета. 2022. № 4(56). С. 45–50.

3. Большакова, В. М. Сравнительно-правовой анализ института мировых судей в Российской империи и Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 7-1. С. 7–17.

4. Низаева, С. Р., Деньмухамедов, Д. А. История становления и развития института мирового судьи // Human Progress. 2025. Т. 11, № 9. С. 1–10.

5. Трофимова, Н. Н. Мировая юстиция Центрально-промышленного района России в 1864–1889 гг.: генезис, региональные особенности судоустройства и деятельности: дис. канд. юрид. наук. – Владимир, 2004. 199 с.

6. Крестьянников, Е. А. Особенности устройства института мировых судей в дореволюционной Сибири: вопросы судейской независимости и исполнения несудебных обязанностей // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 94–102.

© Степаненко Ю. А., Михаэлис Д. В., 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ
Степаненко Юрий Сергеевич, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.
Михаэлис Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

© Степаненко Ю. А., Михаэлис Д. В., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 113–121
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 113–121

Исторические науки

Научная статья
УДК 94(470)

ПЕРВЫЕ КРИМИНАЛИСТЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Алексей Александрович Сысоев
Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности проведения первых инициативных научных исследований в области предупреждения, расследования и раскрытия преступлений, осуществлявшихся сибирскими криминалистами в досоветское время. Отражены особенности проведения криминалистических исследований с использованием практического опыта борьбы с проявлениями уголовной преступности в условиях повышенной криминальной активности местного населения.

Ключевые слова: криминалистические исследования, уголовная преступность, Восточная Сибирь, полиция, общественность

Для цитирования: Сысоев, А. А. Первые криминалисты Восточной Сибири: исторический экскурс // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 113–121.

Historical science

Original article

THE FIRST CRIMINOLOGISTS OF EASTERN SIBERIA: A HISTORICAL EXCURSION

Alexey A. Sysoev
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

Abstract. The article discusses the features of conducting the first proactive scientific research in the field of crime prevention, investigation, and detection carried out by Siberian criminologists in the pre-Soviet era. It reflects the features of conducting forensic research using the practical experience of combating

© Сысоев А. А., 2026

criminal activity in conditions of increased criminal activity among the local population.

Keywords: forensic research, criminality, Eastern Siberia, police, public

For citation: Sysoev, A. A. Pervye kriminalisty Vostochnoj Sibiri: istoricheskij ekskurs [The first criminologists of Eastern Siberia: a historical digression]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 113–121.

Тревожным сигналом для правоохранительных структур Империи явилось небывалое повышение криминальной активности российского населения в начале XX столетия. Число зарегистрированных уголовных преступлений в период с 1861 по 1913 г. увеличилось на 2289 тыс., а с учетом прироста населения в 2 раза [1, с. 26]. Особенно быстро увеличилось количество преступлений против частной собственности. К 1910 г. их доля составляла 55% от всех преступлений, совершенных в пределах страны [1, с. 34].

Участившиеся случаи краж, грабежей и разбоев указывали на явное снижение уровня личной и имущественной безопасности населения Российской империи. Одной из причин кризиса служило несоответствие уровня правоохранительной деятельности российской полиции новым социально-экономическим реалиям. Для адекватного ответа криминальным вызовам требовалось изменение структуры и кадрового состава полицейских органов. Критически низкий уровень профессиональной подготовки и примитивные методы оперативно-розыскной деятельности еще более усугубляли положение.

Осознавая чрезвычайную опасность нараставших проблем, политическое руководство стремилось к проведению реформ. Изыскивались и новые пути повышения качества правоохранительной деятельности. Большое внимание уделялось положительному опыту работы зарубежных правоохранительных структур. Постепенно увеличивалось количество центров профессиональной подготовки. С 1907 г. получило широкое распространение и специализированное печатное издание «Вестник полиции».

Примечательно, что на страницах этого журнала публиковались не только официальные распоряжения правительства и сюжеты из правоохранительной практики. В меру возможного редакция старалась ознакомить полицейских чинов и с основами криминалистики и криминологии.

В первом номере журнала учредители ориентировали своих будущих читателей на борьбу с преступностью с использованием передовых достижений науки и техники. «Поэтому и создаются новые общие теории

© Сысоев А. А., 2026

борьбы с преступностью; этим путем возникают в специальной области учения о неизвестных еще дотоле приемах расследования, уличающих виновных» – отмечали авторы издания [2, с. 20].

Видным ученым-криминологам и ученым-криминалистам того времени становилось очевидным, что без тщательного изучения и анализа данных, касающихся структуры преступной среды, особенностей ее распространения, способов совершения преступлений, эффективное противодействие криминальному миру невозможно.

К указанному времени критическая ситуация складывалась на восточных рубежах страны. Здесь, в Восточной Сибири, проблема борьбы с общеуголовной преступностью стояла в разряде первоочередных и наиболее злободневных. Благодаря пенитенциарной политике самодержавия к концу XIX в. темпы штрафной колонизации края превзошли естественный прирост его коренного населения. Так, за период с 1880 по 1885 гг. в Иркутской губернии появилось на свет 18610 младенцев. За то же время на ее территорию были доставлены 21698 осужденных преступников [3, с. 2]. Вследствие этого количество уголовных преступлений, совершаемых в городах и уездах губернии, было в несколько раз больше, чем в западных и центральных областях России. Так, если к 1913 г. число зарегистрированных преступлений в г. Иркутске составило 48,3 на тыс. чел., то в среднем по России этот показатель равнялся только 17,19[1].

Неудивительно поэтому, что проблема противодействия проявлениям общеуголовной преступности приобретала уровень наиболее приоритетных и воспринималась местным населением намного острее. В некоторых случаях отсутствие сил и средств компенсировалось отдельными чиновниками полицейского ведомства настоящим профессионализмом и научным подходом. Благодаря иркутским летописцам сохранились сведения об одном из таких энтузиастов – полицейском приставе титулярном советнике Николае Дмитриевиче Добронравове.

Собирая и систематизируя оперативные материалы, Николай Дмитриевич исследовал различные типы преступников. Результатом многолетних научных изысканий стало выступление Н. Д. Добронравова в Санкт-Петербургском антропометрическом обществе. По сведениям Н. С. Романова, в 1897 г. иркутский сыщик продемонстрировал отечественным ученым-криминалистам «альбом с весьма интересными фотографиями типов убийц, дающими ясное представление о тех "людях-зверях" – рецидивистах, которыми населена каторга Сибири» [4, с. 365].

Следует особо отметить, что свои научные изыскания пристав Добронравов успешно реализовал в ходе раскрытия самых громких

[1] Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО), ф. 25, оп. 10, д. 114, л. 25.

© Сысоев А. А., 2026

уголовных преступлений. При его непосредственном и деятельном участии были изобличены члены известных банд Лябоха и Черевинского, раскрыта криминальная деятельность полицейского фискала Н. Д. Бурова [5, с. 63].

Особого внимания заслуживает эпизод, когда после трех лет безрезультатных розысков в Томской пересыльной тюрьме Добронравов обнаружил преступника-рецидивиста Семена Алексеевича Тарасова, виновного в многочисленных убийствах и грабежах. Несмотря на сложнейшие обстоятельства, полицейский пристав сумел разыскать Тарасова, успешно сменившего имя, и отбывавшего новое наказание за тройное убийство в Томске уже под фамилией Козлов [6, с. 178]. В результате особо опасного преступника препроводили под строгим надзором в Иркутский тюремный замок, где по решению военно-окружного суда 5 октября 1891 г. казнили через повешение. После этого громкого дела по инициативе Иркутского полицмейстера капитана А. М. Озерского под началом пристава следственных дел Добронравова был организован «небольшой отряд сыщиков»[1]. Сам же Николай Дмитриевич остался в памяти иркутян как один из первых сибирских криминалистов.

В дальнейшем научные исследования в области предупреждения, расследования и раскрытия преступлений были успешно продолжены другими чиновниками иркутской полиции. Так, летом 1901 г. при Иркутском полицейском управлении полицмейстером Николаем Антоновичем Никольским был открыт музей «редкостных орудий, которые употреблялись при совершении убийств или краж». По описанию очевидцев тех событий в музее экспонировалось достаточно большое количество различных орудий, когда-либо использованных злоумышленниками при совершении преступлений. Среди прочих демонстрировались: большая старинная шпага (1654 г.), изъятая с места совершения убийства, несколько разнохарактерных «фомок», железный ломик с приспособлением для нанесения ударов жертве, специальные бесшумные коловороты для вскрытия дверей и несколько чугунных гирек. Посетители отмечали, что «музей был весьма интересен, и со временем мог сослужить серьезную службу в деле открытия преступлений» [7, с. 3].

Примечательно, что при Министерстве внутренних дел подобный музей был создан лишь через 12 лет. Циркулярным распоряжением МВД от 3 октября 1912 г. № 93129 полицейским чиновникам Империи сообщалось о том, что «в целях надлежащей осведомленности в современных приемах борьбы с преступностью и применения совершенствуемых методов научной техники уголовного сыска и расследования преступлений в Департаменте Полиции учреждается музей уголовного сыска и научной техники раскрытия преступлений». В соответствии с циркуляром всем начальникам губерний, в которых имелись сыскные отделения, указывалось организовать

[1] ГАИО, ф. 32, оп. 1, д. 5555, л. 1.

© Сысоев А. А., 2026

сбор и доставку в музей Департамента Полиции предметов или копий таковых, из числа хранящихся в сыскных отделениях и относящихся к технике уголовного сыска[1].

Таким образом руководство Департамента Полиции приступило к проведению криминалистических исследований на централизованных началах и в масштабах всей Империи. Именно тогда были заложены основы научных изысканий с использованием практического опыта борьбы с проявлениями уголовной преступности. Сбор и систематизация материалов из различных районов Империи предполагали возможность обобщения и выработки тактических способов и определенной методики расследования преступлений.

Между тем, как оказалось, причины небывалой криминальной активности на территории региона интересовали не только полицейских чиновников. Местная общественность, которой приходилось испытывать все тяготы этого «социального зла» на себе, также не могла оставаться в стороне.

В 1912 г. на страницах сибирской прессы бывшим политическим ссыльным Дмитрием Ивановичем Голенищевым-Кутузовым (псевдоним – Д. Илимский**)** была предпринята попытка проведения научного анализа статистических сведений о количестве уголовной преступности в двух сибирских городах Иркутске и Томске. Автор использовал официальные сведения о происшествиях, публикуемые на страницах сибирской прессы. Сопоставляя количество и специфику преступлений, совершенных за второе полугодие 1911 г., Голенищев-Кутузов пришел к выводу о наибольшей профессионализации уголовной преступности в столице Восточной Сибири. Статистические сведения указывали на то, что домовые кражи со взломом происходили в Иркутске в пять раз чаще, чем в Томске. Распределение случаев тайного хищения имущества граждан по группам в зависимости от числа участников свидетельствовало об организованном характере действий преступников. В Иркутске, по заключению Голенищева-Кутузова, преобладали шайки воров, в Томске же – одиночки. Наличием преступной организации объяснялась и практиковавшаяся система сбыта краденных вещей. Привлекаемые исследователем источники свидетельствовали, что в Иркутске полиция обнаруживала краденные вещи уже в третьих руках, у скупщиков краденного. Наиболее же характерной чертой для Иркутска автор считал преобладание рецидивного характера уголовной преступности. По его сведениям, «почти в половине случаев обнаружения преступников героем дела является уголовный ссыльный, иногда получивший даже права», то есть уже неоднократно осужденный правонарушитель.

[1] Государственный архив Читинской области (далее – ГАЧО), ф. 226, оп. 2, д. 71, л.14.

© Сысоев А. А., 2026

Кроме этого, Голенищевым-Кутузовым был выявлен сезонный характер определенных видов противоправных деяний. Статистические данные о высоком количестве домовых краж в летний период, по мнению исследователя, объяснялись пристрастием иркутских обывателей к проживанию в этот период на загородных дачах. Резкое увеличение раскрытия мелких карманных краж в октябре показывало осознанное стремление преступников уйти за незначительные преступления на «зимние квартиры» (провести зимний период в тюрьме) – явление, характерное для сибирской действительности с суровыми зимними условиями проживания для людей, лишенных всяческой социальной базы.

В своих выводах Голенищев-Кутузов указывал на особую криминальную специфику административного центра Восточной Сибири. По мнению автора, Иркутск в начале XX в. по массовости преступлений намного опережал большинство крупных городов Европейской России. В качестве главных факторов, оказывавших непосредственное влияние на ухудшение криминогенной обстановки, Дмитрий Иванович отмечал «уголовную ссылку, транзит безработных и голодных, глухие предместья, недостаток предприятий, дающих работу круглый год» [8, с. 1].

Примечательно, что к похожим выводам в конце XIX в. пришел еще один известный исследователь Восточной Сибири русский публицист, писатель и общественный деятель Н. М. Ядринцев. В качестве основных причин повышенной криминальной активности местного населения Николай Михайлович указывал особенности реализации российской пенитенциарной политики. В своей работе «Сибирь как колония», опубликованной в 1882 г., Ядринцев на основе анализа имевшихся статистических данных о количестве и категориях осужденных за различные виды противоправных деяний пришел к достаточно значимым выводам. По мнению ученого, значительная доля наиболее тяжких противоправных деяний на территории края совершалась ссыльными, а динамика роста уголовной преступности в значительной мере зависела от темпов насыщения региона осужденными преступниками.

Гипотеза, высказанная ученым, получила свое подтверждение в более поздних публикациях отечественных исследователей, утверждавших, что «русская государственность проделала в Сибири громадный карательно-исправительный опыт, стоящий миллионы денег, реки слез и море крови» [9, с. 294].

Опубликованная в журнале «Дело» работа Ядринцева «Бродячее население Сибири» позволила выявить рецидивный характер российской пенитенциарии на территории Восточной Сибири [10, с. 74]. Развернутое исследование феномена сибирского бродяжничества выявило его криминальную природу, а не психическую как это считалось раньше [6, с. 36].

© Сысоев А. А., 2026

Очередным шагом на пути к выработке научно-обоснованных принципов противодействия криминальным проявлениям стало изучение образа жизни уголовных преступников. Секретным распоряжением министерства внутренних дел от 22 декабря 1913 г. начальники губерний оповещались о начале сбора сведений о преступной среде. Для более успешной постановки дела борьбы с уголовной преступностью предполагалось изучение «воровского языка»[1].

Администрации Иркутской губернии предписывалось поручить чинам общей и сыскной полиции собрать и предоставить к 1 мая 1914 г., как можно больший объем сведений об особенностях общения уголовных преступников. При этом особенный интерес полицейского департамента вызывали «слова воровского жаргона, которые имеют исключительно местное употребление». Такую лексику рекомендовалось выделять особо.

Основной объем работ по сбору и систематизации сведений, касающихся местного «воровского» языка, начальник края поручил полицейским г. Иркутска. По прошествии месяца каждый из 5 полицейских приставов предоставил в городское управление необходимую для завершения работы информацию. Однако основу конечного «списка слов воровского языка, употребляемых в г. Иркутске» составили сведения, добытые чиновниками Иркутского сыскного отделения во главе с его начальником Александром Николаевичем Романовым.

В итоговый «словарь воровского жаргона», употребляемого иркутскими уголовными преступниками, вошло более 50 слов и словосочетаний, характерных для криминальной среды, образовавшейся на территории Иркутской губернии[2]. Собранный и систематизированный чиновниками полиции лексический и фразеологический жаргонный материал отражал региональную специфику и позволял сыщикам разрабатывать оперативные комбинации с внедрением агентов в преступную среду.

Деятельное участие начальника Иркутского сыскного отделения в подготовке «списка воровских слов» не было случайным. Этот чиновник обладал способностями к аналитическому мышлению и не раз в своих докладах вышестоящему руководству демонстрировал результаты научных изысканий. Очевидно и то, что в начале XX столетия профессионалам уголовного сыска становилось ясно, что эффективное противодействие вызовам многочисленного и уже хорошо организованного криминального мира без пристального и всестороннего изучения особенностей его развития невозможно.

Сообщая в декабре 1914 г. полицмейстеру коллежскому асессору Степану Архиповичу Петровскому сведения о деятельности отделения за

[1] ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 2846, л. 40.
[2] ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 2846, л. 24.

© Сысоев А. А., 2026

прошедший год, Н. А. Романов одновременно давал и краткую характеристику криминальной ситуации, сложившийся на улицах города. Начальником сыскного отделения был изучен этнический состав представителей местного криминального сообщества и дана соответствующая профессиональным наклонностям классификация. В результате проведенных исследований выяснилось, что в Иркутской губернии к категории разбойников, бандитов и грабителей принадлежат грузины. Убийствами с целью грабежа занимались преимущественно русские из каторжан. К ворам-взломщикам относились поляки. Последние же в качестве воров-рецидивистов специализировались на взломе потолков и полов и являлись резчиками железных касс. Приемом и сбытом краденных вещей занимались мелкие торговцы евреи. Замыкали преступную иерархию воры-взломщики, отмытчики и карманщики, выходцы из слоев исключительно бедного городского населения в возрасте от 15 до 20 лет[1].

Таким образом в ходе длительных и во многом инициативных исследований ученые, публицисты и чиновники полиции Восточной Сибири стремились установить причины повышенной криминальной активности местного населения. Благодаря трудам этих энтузиастов были заложены научные основы изучения феномена «штрафной» колонизации Сибири, оказавшей глобальное воздействие на специфику криминальных проявлений среди местного населения. В некоторых случаях изучение особенностей развития местного уголовного сообщества позволяло вырабатывать наиболее действенные тактические приемы противодействия его представителям. Инициативный характер проводимых исследований свидетельствовал о насущной необходимости использования научно обоснованных принципов борьбы с криминальным миром. Опережение общероссийских тенденций в изучении некоторых криминалистических и криминологических проблем указывало на специфические особенности развития Восточно-Сибирского региона как полигона пенитенциарных экспериментов Российского самодержавия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миронов, Б. Н. Преступность в России в XIX – начале XX века //Отечественная история. – 1998. – №1. – С. 26.

2. Судебные известия // Вестник полиции. – 1907. – №1. – С. 20.

3. Статистика в вопросах о ссылке и переселенческом. // Иркутские губернские ведомости. – 1890. – № 11. – С. 2.

4. Романов, Н .С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. – Иркутск, 1993 – С. 365.

5. Криминальные хроники Иркутска: хронологический перечень. / Автор-составитель А. А. Сысоев. – Иркутск, 2013. – 354 с

[1] ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 2846, л. 40.

© Сысоев А. А., 2026

6. Сысоев, А. А. Пенитенциарный рецидив как проявление множественной уголовной преступности в Восточной Сибири на рубеже XIX–XX столетий // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2019. – № 2. – С. 177-182.

7. Местная хроника // Иркутские губернские ведомости. – 1901. – № 154. – С. 3.

8. Илимский, Д. Уголовщина сибирских городов // Голос Сибири. – 1912. – № 324 – С. 1.

9. Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири // Сибирь ее современное состояние и ее нужды: сборник статей / под редакцией И. С. Мельника. – С. Пб., 1908. – С. 292–311.

10. Бродячее население Сибири // Дело. – 1868. – № 11, отд. 1. – С. 74.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сысоев Алексей Александрович, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

© Сысоев А. А., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 122–127
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 122–127

Исторические науки

Научная статья
УДК 94(57).084.9

«ПРИВЫКАНИЕ К СУРОВОЙ ЗЕМЛЕ»: КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБУСТРОЙСТВО КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Даниил Иршатович Хамзин [1], Анна Владимировна Прокопьева [2]
[1, 2] Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье исследуется процесс адаптации и хозяйственного обустройства крестьян-переселенцев (голендров, белорусов, поляков) в Иркутской губернии в период столыпинской аграрной реформы. На основе анализа научной литературы и полевых интервью автора (2025 г.) рассматриваются ключевые факторы успешной интеграции: взаимодействие со старожилами, особенности домостроительства, развитие сельскохозяйственных практик, а также сохранение этноконфессиональной идентичности в новых условиях. Особое внимание уделяется анализу материальной и духовной культуры переселенцев, их вкладу в экономическое и культурное развитие региона. Авторы делают вывод о долгосрочном позитивном влиянии переселенческого движения на формирование социально-экономического и культурного ландшафта Восточной Сибири. Современные потомки переселенцев, как показало исследование, не планируют покидать Сибирь, а молодое поколение готово жить и работать в сельской местности при наличии рабочих мест и жилья.

Ключевые слова: крестьянское переселение, Иркутская губерния, адаптация, голендры, белорусы, поляки, домостроительство, сельское хозяйство, культурное наследие

Для цитирования: Хамзин, Д. И., Прокопьева, А. В. «Привыкание к суровой земле»: культурная адаптация и хозяйственное обустройство крестьян-переселенцев в Иркутской губернии в начале XX века // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 122–127.

© Хамзин Д. И., Прокопьева А. В., 2026

Historical science

Original article

«ADJUSTING TO THE HARSH LAND»: CULTURAL ADAPTATION AND ECONOMIC ARRANGEMENT OF PEASANT SETTLERS IN THE IRKUTSK PROVINCE IN THE EARLY 20TH CENTURY

Daniil I. Khamzin [1], Anna V. Prokopyeva [2]

[1, 2] East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

Abstract. The article examines the process of adaptation and economic arrangement of peasant settlers (Golendry, Belarusians, Poles) in the Irkutsk province during the Stolypin agrarian reform. Based on the analysis of scholarly literature and the author's field interviews (2025), key factors of successful integration are considered: interaction with old-timers, features of house construction, development of agricultural practices, and the preservation of ethno-confessional identity in new conditions. Special attention is paid to the analysis of the material and spiritual culture of the settlers, their contribution to the economic and cultural development of the region. The conclusion is made about the long-term positive impact of the resettlement movement on the formation of the socio-economic and cultural landscape of Eastern Siberia. As the study showed, modern descendants of the settlers do not plan to leave Siberia, and the younger generation is ready to live and work in rural areas if there are jobs and housing.

Keywords: peasant resettlement, Irkutsk province, adaptation, Golendry, Belarusians, Poles, house construction, agriculture, cultural heritage

For citation: Khamzin, D. H., Prokopyeva, A. V. «Privykanie k surovoj zemle»: kul'turnaya adaptaciya i hozyajstvennoe obustrojstvo krest'yan-pereselencev v irkutskoj gubernii v nachale xx veka [«Adjusting to the harsh land»: cultural adaptation and economic arrangement of peasant settlers in the irkutsk province in the early 20th century]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 122–127.

В начале XX века масштабное переселенческое движение, инициированное в рамках аграрной реформы П. А. Столыпина, стало одним из ключевых факторов преобразования геополитического и социально-экономического облика Сибири. Иркутская губерния, воспринимавшаяся как богатый, но суровый край, стала новым домом для тысяч крестьян из западных губерний Российской империи. Среди них были представители

© Хамзин Д. И., Прокопьева А. В., 2026

различных этнических и конфессиональных групп: голендры (потомки голландских колонистов), белорусы, поляки. Их адаптация к новым климатическим условиям, хозяйственным реалиям и социокультурной среде старожильческого населения представляет собой сложный и многогранный исторический опыт.

Цель данной статьи – на основе анализа исторических исследований и полевых материалов, собранных автором, проанализировать механизмы культурной адаптации и хозяйственного обустройства крестьян-переселенцев в Иркутской губернии. В задачи входит: рассмотреть государственную политику поддержки переселенцев; выявить особенности их взаимодействия со старожилами; проанализировать специфику домостроительства и аграрных практик различных этнических групп; оценить роль духовной культуры в сохранении идентичности.

Методологической основой исследования послужили принципы историзма и системности. Применялись историко-сравнительный и историко-типологический методы, а также метод полевого интервьюирования, позволивший зафиксировать устные свидетельства потомков переселенцев.

1. Государственная политика и первые испытания

Столыпинское переселение (1906–1917 гг.) представляло собой целенаправленную государственную программу, направленную на решение аграрного вопроса в центральных губерниях и одновременное укрепление позиций России в Сибири. Государство не только способствовало переселению, но и «активно и на регулярной основе шло соответствующее информирование» [1, с. 97], в том числе выпускались брошюры с ценами, условиями получения ссуд и описаниями свободных земель. Для Иркутской губернии, воспринимавшейся как лесная местность, поощрялось переселение крестьян из лесных регионов Смоленской, Могилевской, Гомельской, Витебской губерний. Переселенцам выплачивались пособия: 120 рублей на семью при остановке у железной дороги и 250 рублей – в отдалённых районах, например, в верховьях Лены [2, с. 89].

Однако на практике путь к обустройству был крайне тяжёлым. Люди прибывали на заросшие лесом участки и были вынуждены годами жить в землянках, обрабатывая землю и строя дома. Как отмечает А. В. Прокопьева, «в дом заезжали в лучшем случае через два года после переселения» [2, с. 90]. Государственной помощи часто не хватало, и положение многих семей оставалось крайне тяжёлым. Тем не менее поток переселенцев не ослабевал, чему способствовал «избыток» населения в европейской части страны и надежда на получение собственной земли.

2. Взаимодействие со старожилами и обмен опытом

Встреча новосёлов и старожилов не всегда была гладкой, но итогом их знакомства, как правило, становился взаимовыгодный обмен опытом. Старожилы помогали переселенцам освоить специфику местного

© Хамзин Д. И., Прокопьева А. В., 2026

земледелия и животноводства в суровых климатических условиях, а переселенцы, в свою очередь, привносили новые агротехнические практики. Так, по свидетельствам информаторов, переселенцы оказали заметное влияние на развитие маслоделия, посевы льна и сахарного производства в регионе.

Со временем отношения перерастали в совместное проживание и взаимопомощь. Старожилы вспоминают совместные праздники, трудовые будни, дни, когда плечом к плечу встали на защиту страны от врага в военные годы, затем пережили период совместного горя по погибшим родным и друзьям, а потом и великого восстановления страны после разрушений фашистами. Это свидетельствует о глубокой интеграции переселенцев в местное сообщество и формировании новой, общей сибирской идентичности.

3. Особенности домостроительства и обустройства быта

Одним из ключевых маркеров этнической идентичности и адаптации стали особенности домостроительства. Каждая группа привносила свои традиции, которые видоизменялись под влиянием сибирских реалий.

Голендры строили характерные дома-комплексы. «Заходишь в ограду справа – хозяйственная часть, а слева – дом. Жилую часть всегда белили снаружи и внутри. Таким образом, из хозяйственной части можно было по закрытому коридору перейти в дом и так обратно, минуя улицу». Такая планировка с хозяйственной частью, обращённой к дороге, защищала жилые помещения от холодных северных ветров. Солнечная ориентация окон позволяла освещать дом в течение всего дня [3, с. 285].

Белорусы подходили к строительству с тщательным планированием. Они разбивали широкие прямые улицы, через каждые шесть домов формировали переулки, возле каждого дома устраивали палисадник с рябиной. Их дома из лафета (брёвен, обтёсанных со всех сторон) выделялись искусной резьбой на наличниках, карнизах и воротах. «Декоративное украшение изб в деревнях началось благодаря белорусам, которые показали местным жителям это направление в оформлении своего жилища». Внутреннее пространство белорусской хаты было строго структурировано и символично, отражая картину мира: печь, красный угол, порог и окна несли особую семантическую нагрузку.

Поляки, пережив первые тяжёлые годы в землянках, строили дома с двухскатными крышами и колонным крыльцом, в целом схожие с сибирскими домами того времени, но также вносили свои элементы в местную строительную культуру.

4. Хозяйственная деятельность и экономический вклад

Переселенцы сыграли значительную роль в интенсификации сельского хозяйства губернии. Голендры, белорусы и поляки привезли с собой не только трудолюбие, но и специфические навыки. Белорусы, например, первыми в Сибири начали культивировать лён, организуя

© Хамзин Д. И., Прокопьева А. В., 2026

совместную его обработку несколькими семьями для производства тканей и масла.

В советский период, особенно с 1950-х годов, с созданием и укреплением совхозов (таких, например, как «Таёжный») жизнь в переселенческих деревнях стабилизировалась. Появление современной техники, решение жилищного вопроса (выделение бруса, помощь в строительстве), организация социальной инфраструктуры (клубы, школы, дороги) создали условия для закрепления молодёжи на селе. «Совхоз решал жилищный вопрос, поэтому молодежь охотно оставалась на селе и с радостью развивала здесь жизнь». В совхозе «Таёжный» было налажено кормозаготовительное направление, производство витаминно-травяной муки и даже конных саней, что приносило значительный доход [4, с. 149].

5. Духовная жизнь и сохранение идентичности

Несмотря на постепенную интеграцию, переселенческие группы стремились сохранить свою религиозную и культурную идентичность. Для голендров, исповедовавших лютеранство, центром духовной жизни стало лютеранское общество в Пихтинске. Они использовали «ксёнжку» – свод молитв на польском языке, изданный в Польше в позапрошлом веке. Их кладбища отличались особыми крестами с одной перекладиной в изголовье.

Белорусы сохраняли православные традиции, насыщенные народными верованиями и обрядовостью, особенно в похоронно-поминальной практике.

Поляки, будучи в основном католиками, изначально имели в деревне Вершина свой костёл и ксендза. Важнейшим элементом сохранения идентичности для польской диаспоры был родной язык, который одно время даже преподавался в школе [5, с. 39].

Однако с течением времени, особенно в советский период, происходила неизбежная языковая и культурная ассимиляция. Религиозная жизнь приходила в упадок, молодое поколение хуже владело языком предков. Возрождение интереса к своим корням началось лишь в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Исторический опыт адаптации крестьян-переселенцев в Иркутской губернии представляет собой модель сложного, но в целом успешного взаимодействия различных этнокультурных групп в процессе освоения новых территорий. Несмотря на первоначальные тяготы, государственная поддержка (хотя и не всегда достаточная), собственное трудолюбие и постепенное налаживание контактов со старожилами позволили голендрам, белорусам и полякам не только выжить, но и внести существенный вклад в хозяйственное и культурное развитие региона.

Их адаптация носила двусторонний характер: с одной стороны, они перенимали эффективные практики выживания в суровых условиях Сибири, с другой – обогащали местную материальную и духовную культуру новыми элементами (строительными техниками, агрокультурами,

© Хамзин Д. И., Прокопьева А. В., 2026

ремёслами, эстетическими формами). Этот синтез стал основой формирования уникального сибирского социокультурного ландшафта.

Как показали современные интервью, проведённые автором, потомки переселенцев считают Сибирь своей родиной и не планируют её покидать. Более того, сохраняется потенциал для развития сельских территорий: «молодежь готова жить и трудиться в сельской местности при условии наличия работы и жилья» [5, с. 40].

Таким образом, исторический опыт столыпинских переселенцев сохраняет свою актуальность, демонстрируя важность создания устойчивых социально-экономических условий для закрепления населения в регионах нового освоения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Прокопьева, А. В. «Привыкание к сибирской жизни»: исторический опыт адаптации крестьян-переселенцев в Иркутской губернии и его современное наследие // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 3. С. 97–107. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-97-107. EDN: KAXLXM.

2. Прокопьева, А. В. Социальная политика государства // Анализ проблем в области экономики : сборник трудов аспирантов и преподавателей по материалам 16-й Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 23–25 февраля 2016 года. Иркутск : Восточно-Сибирский институт экономики и права, 2016. С. 88–91. EDN: WEXQKJ.

3. Российские реформаторы XIX–начала XX в. / отв. ред. А.П. Корелин. Москва : Международные отношения, 1995. 317 с.

4. Татарникова, А. И., Загороднюк, Н. И. Массовое переселение крестьян в Западную Сибирь в конце XIX–начале XX в. в санитарно-гигиеническом измерении // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 148–154. DOI: 10.17223/15617793/437/21. EDN: YYNYVWH.

5. Островский, Л. К. Польские крестьяне в Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 38–40. EDN: IVADCW.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Прокопьева Анна Владимировна, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Хамзин Даниил Иршатович, курсант 3 года обучения, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

© Хамзин Д. И., Прокопьева А. В., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 128–135
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 128–135

История

Научная статья
УДК 343.98

РАЗВИТИЕ КРИМИНАЛИСТИКИ КАК НАУКИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В НАЧАЛЕ 20 ВЕКА

Владимир Васильевич Черных [1], София Вячеславовна Лустова [2]
[1, 2] Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления криминалистики как самостоятельной отрасли научного знания в начале XX века. Анализируется роль реформ органов внутренних дел Российской империи в институционализации научных методов раскрытия преступлений. Прослеживается влияние западноевропейских криминалистических школ на отечественную практику. Особое внимание уделяется деятельности первых научно-судебных кабинетов, внедрению дактилоскопии и судебной фотографии. Показано, что организационные преобразования полицейского аппарата и формирование специализированных подразделений создали институциональную основу для перехода от эмпирического сыска к научно обоснованному расследованию.

***Ключевые слова*:** криминалистика, органы внутренних дел, начало XX века, дактилоскопия, судебная экспертиза, научно-судебные кабинеты, полицейская реформа

Для цитирования: Черных, В. В., Лустова, С. В. Развитие криминалистики как науки в контексте истории органов внутренних дел в начале 20 века // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 128–135.

Historical science

Original article

THE DEVELOPMENT OF CRIMINALISTICS AS A SCIENCE IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE EARLY 20TH CENTURY

© Черных В. В., Лустова С. В., 2026

Vladimir V. Chernykh [1], Sofia V. Iustova [2]
[1, 2] East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

Abstract. The article examines the formation of criminalistics as an independent branch of scientific knowledge in the early 20th century. The role of the reforms of the internal affairs bodies of the Russian Empire in the institutionalization of scientific methods of crime investigation is analyzed. The influence of Western European criminalistic schools on Russian practice is traced. Particular attention is given to the activities of the first forensic science laboratories, the introduction of fingerprinting and forensic photography. It is shown that organizational transformations of the police apparatus and the formation of specialized units created the institutional basis for the transition from empirical detection to scientifically grounded investigation.

Keywords: criminalistics, internal affairs bodies, early 20th century, fingerprinting, forensic examination, forensic laboratories, police reform

***For citation*:** Chernykh, V. V., Lustova, S. V. Razvitie kriminalistiki kak nauki v kontekste istorii organov vnutrennih del v nachale 20 veka [The development of criminalistics as a science in the context of the history of internal affairs bodies in the early 20th century]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 128–135.

Криминалистика, понимаемая как система научных приёмов и методов собирания, исследования и оценки доказательств, сформировалась на рубеже XIX и XX столетий. Её возникновение неразрывно связано с историей тех государственных структур, которые непосредственно осуществляли борьбу с преступностью, то есть органов внутренних дел. Вместе с тем изучение генезиса криминалистического знания в отечественной науке нередко ведётся обособленно от анализа институциональных преобразований полицейского аппарата, что обедняет картину. Попытка восполнить этот пробел и обусловливает выбор темы настоящей статьи.

Предпосылки для научного подхода к расследованию преступлений складывались постепенно. На протяжении почти всего XIX века полицейское дознание в Российской империи опиралось на личный опыт сыщика, агентурные сведения и допросные приёмы, во многом унаследованные ещё от эпохи Петра I [1, с. 12]. Квалификация чинов сыскной полиции варьировалась от губернии к губернии; единые стандарты подготовки отсутствовали. Между тем к концу столетия рост городского населения, развитие транспортной сети и усложнение форм преступной деятельности сделали очевидной недостаточность прежних методов.

© Черных В. В., Лустова С. В., 2026

Европейский контекст подталкивал к переменам. В 1893 году австрийский профессор Ганс Гросс опубликовал «Руководство для судебных следователей как систему криминалистики», где впервые обосновал криминалистику в качестве самостоятельной дисциплины [2, с. 3]. Термин быстро вошёл в оборот юридических факультетов Германии, Австро-Венгрии и Франции. Параллельно Альфонс Бертильон внедрил антропометрическую систему идентификации в парижской префектуре, а Фрэнсис Гальтон и Эдвард Генри разработали классификацию папиллярных узоров. Все эти новации довольно скоро достигли Санкт-Петербурга: русская полицейская элита внимательно следила за европейскими публикациями.

Первым проводником научных методов в российскую практику стал Евгений Фёдорович Буринский. Основав в 1889 году при Санкт-Петербургском окружном суде лабораторию для исследования документов, он заложил фундамент отечественной судебной экспертизы. Буринский применял фотографические методы усиления невидимых записей, восстановления угасших текстов, выявления подчисток и травлений. Его работы получили признание на международном уровне: в 1900 году Парижская академия наук отметила их медалью. Лаборатория Буринского, впрочем, существовала на правах полуофициальной инициативы, и финансирование оставалось крайне скудным.

Переломным для институционализации криминалистики стало первое десятилетие XX века. Ряд тяжких преступлений, получивших широкий общественный резонанс (серия вооружённых ограблений в Москве и Варшаве в 1905–1908 годах, громкие дела о подлогах), обнажил неспособность сыскной полиции противопоставить преступникам что-либо, кроме агентурных методов. Правительство приступило к реформированию полицейского аппарата [3, с. 3]. В 1908 году был принят Закон об организации сыскной части, учредивший сыскные отделения при полиции крупнейших городов. Эти подразделения, в отличие от прежних структур, получили собственные штаты, бюджеты и, что особенно важно, прямое указание на необходимость применения «научных способов» раскрытия преступлений.

Одновременно с реформой сыскной части развивалась сеть научно-судебных кабинетов. К 1912 году при Министерстве юстиции действовали кабинеты в Петербурге, Москве, Киеве и Одессе [4, с. 4]. Каждый из них располагал оборудованием для фотографической, микроскопической и химической экспертизы. Петербургский кабинет, возглавлявшийся А. И. Макаренко, за 1912–1914 годы провёл около 1 200 экспертиз, почти половина которых касалась исследования документов и почерков. Киевский кабинет специализировался на баллистических исследованиях. Между кабинетами и сыскными отделениями полиции выстраивалось взаимодействие: следственные органы направляли вещественные

© Черных В. В., Лустова С. В., 2026

доказательства на экспертизу, а эксперты давали заключения, принимавшиеся судами.

Внедрение дактилоскопии в России происходило постепенно, хотя и заметно быстрее, чем антропометрии Бертильона. В 1906 году Департамент полиции МВД направил циркуляр о введении дактилоскопической регистрации во всех тюремных учреждениях империи. К 1909 году центральное дактилоскопическое бюро при Департаменте полиции располагало картотекой, насчитывавшей свыше 70 тысяч карт [5, с. 22]. По сведениям В. И. Лебедева, за первые три года работы бюро удалось установить личность более чем 4 000 преступников, скрывавших свои настоящие имена. Для провинциальных полицейских управлений результат выглядел поразительным: прежде идентификация рецидивистов занимала недели переписки с различными губерниями.

Судебная фотография к этому времени прочно вошла в арсенал расследования. Опираясь на методику Бертильона, русские криминалисты разработали собственные приёмы фиксации места происшествия: ориентирующую, обзорную, узловую и детальную съёмку. С. Н. Трегубов в учебнике 1915 года «Основы уголовной техники» подробно описал правила масштабной фотосъёмки вещественных доказательств и систему хранения негативов [6, с. 7]. Труд Трегубова, адресованный прежде всего практикам, то есть чинам полиции и судебным следователям, стал одним из первых отечественных пособий, объединивших приёмы криминалистической техники в единое руководство.

Немаловажным фактором развития криминалистики послужило приглашение иностранных специалистов. В 1911–1912 годах швейцарский криминалист Рудольф Арчибальд Рейсс прочитал курс лекций в Санкт-Петербурге и Москве. Курс охватывал технику обнаружения, фиксации и изъятия следов, методы исследования огнестрельного оружия, приёмы допроса [7, с. 15]. Слушателями выступали не только университетские преподаватели, но и офицеры сыскной полиции, прокуроры, судебные следователи. Лекции Рейсса, изданные отдельной книгой, долгое время оставались настольным пособием для практиков.

Институциональная структура, сложившаяся к 1914 году, при всей своей незавершённости представляла собой систему, включавшую три уровня. На первом уровне располагались сыскные отделения полиции, производившие оперативно-розыскные мероприятия с использованием элементов криминалистической техники (дактилоскопирование задержанных, фотографирование, осмотр мест происшествий). Второй уровень образовывали научно-судебные кабинеты, выполнявшие экспертные исследования по запросам органов расследования. Третий уровень, пока ещё формировавшийся, составляли университетские кафедры и курсы, где закладывались теоретические основы дисциплины. Взаимосвязь между этими уровнями обеспечивалась через механизм

© Черных В. В., Лустова С. В., 2026

назначения экспертиз, обмен методическими рекомендациями и совместное участие в расследовании сложных дел.

Первая мировая война внесла коррективы в развитие криминалистических институций. Ресурсы перенаправлялись на нужды военного ведомства; часть сотрудников научно-судебных кабинетов была мобилизована. Вместе с тем война стимулировала развитие отдельных направлений, связанных с идентификацией погибших, исследованием поддельных документов и выявлением шпионажа. Баллистическая экспертиза, ранее развивавшаяся медленно, в годы войны получила мощный импульс: объём огнестрельного оружия, поступавшего на исследование, вырос в разы.

Революция 1917 года и последовавший распад прежнего государственного аппарата означали формальное прекращение деятельности всех полицейских структур. Декретом Совета народных комиссаров от 28 октября (10 ноября) 1917 года была учреждена рабоче-крестьянская милиция, а сыскная полиция ликвидирована. Однако кадровый потенциал криминалистики не был утрачен полностью. Ряд специалистов, работавших в научно-судебных кабинетах, продолжил деятельность уже в советских учреждениях. В 1919 году при Центророзыске НКВД РСФСР организован кабинет судебной экспертизы, который возглавил П. С. Семёновский, занимавшийся дактилоскопией ещё при царской полиции [8, с. 31].

Преемственность прослеживалась и в учебной литературе. И. Н. Якимов, выпустивший в 1925 году первый советский учебник криминалистики, опирался на дореволюционные разработки Трегубова, Макаренко, Лебедева [9, с. 9]. Структура его пособия, разделённого на «уголовную технику» и «уголовную тактику», повторяла логику Гросса и Рейсса. Вместе с тем Якимов переосмыслил ряд положений, адаптировав их к условиям советского уголовного процесса, где предварительное расследование перешло к следователям прокуратуры и милиции, а суд присяжных был упразднён.

Анализ рассмотренного периода позволяет выделить несколько закономерностей. Во-первых, становление криминалистики в России не было автономным научным процессом: оно определялось практическими потребностями органов внутренних дел, которые, в свою очередь, зависели от масштабов и характера преступности. Рост городской преступности после революции 1905 года стал главным стимулом реформ. Во-вторых, заимствование зарубежного опыта, прежде всего австрийского, немецкого и французского, происходило избирательно: российские практики адаптировали методы под местные условия, а не копировали слепо. В-третьих, институционализация криминалистического знания протекала параллельно с реформированием полицейского аппарата; без создания

© Черных В. В., Лустова С. В., 2026

сыскных отделений, обеспеченных штатами и бюджетами, научно-судебные кабинеты оставались бы «экспертизой без заказчика».

Вместе с тем к ограничениям проведённого анализа стоит отнести фрагментарность источниковой базы по ряду провинциальных полицейских управлений, деятельность которых слабо документирована. Дальнейшее исследование может быть направлено на реконструкцию региональных практик внедрения криминалистических методов в губерниях Сибири и Дальнего Востока, а также на сопоставление темпов институционализации криминалистики в Российской империи и сопоставимых по масштабу государствах того периода.

Особого внимания заслуживает вопрос о подготовке кадров для сыскной полиции. До реформы 1908 года систематического обучения полицейских чинов приёмам расследования не существовало. Попытки организовать курсы предпринимались отдельными начальниками сыскных отделений, однако они носили эпизодический характер. Ситуация начала меняться после того, как В. И. Лебедев в 1908–1910 годах прочитал серию лекций о дактилоскопии для чинов петербургской полиции. Опыт признали удачным, и по распоряжению директора Департамента полиции аналогичные занятия стали проводиться в Москве и Варшаве. Программа охватывала дактилоскопирование, фотографирование по методу Бертильона, элементарные приёмы осмотра места преступления и описание примет по словесному портрету. Формально курсы длились от двух до четырёх недель; реальные сроки, по свидетельству участников, нередко сокращались из-за кадрового дефицита.

Параллельно с ведомственным обучением криминалистика проникала в университетскую среду. В 1910–1911 годах на юридическом факультете Московского университета А. А. Жижиленко и С. П. Мокринский включили элементы криминалистической техники в курсы уголовного процесса. В Казанском университете приват-доцент Г. Г. Тельберг организовал практические занятия по дактилоскопии для студентов. На юридическом факультете Киевского университета Святого Владимира проводились демонстрации микроскопического исследования документов. Впрочем, эти инициативы оставались разрозненными: единой учебной программы по криминалистике до 1917 года так и не сложилось, и дисциплина существовала в виде факультативных дополнений к уголовному праву.

Отдельным направлением, получившим развитие именно в начале XX века, стала криминалистическая регистрация. Помимо дактилоскопии, российская полиция использовала фотографическую регистрацию по методу Бертильона, учёт по словесному портрету и коллекционирование преступных кличек и примет. Центральное регистрационное бюро Департамента полиции к 1912 году вело несколько картотек параллельно: дактилоскопическую, фотографическую, по кличкам и по способу совершения преступлений. Эффективность системы, однако, снижалась из-

© Черных В. В., Лустова С. В., 2026

за отсутствия единых стандартов заполнения карт, запаздывания почтовых отправлений из отдалённых губерний и нехватки квалифицированных регистраторов. Попытка ввести единообразные бланки дактилоскопических карт, предпринятая в 1911 году, была реализована лишь частично.

Криминалистическое исследование документов, заложенное Буринским, к 1910-м годам превратилось в наиболее развитую отрасль судебной экспертизы. Эксперты научно-судебных кабинетов исследовали подчистки, дописки, травления, подделки подписей и печатей, поддельные денежные знаки и ценные бумаги. Методический арсенал включал микрофотографию, ультрафиолетовое и инфракрасное облучение, химический анализ чернил и бумаги. В 1913 году Московский кабинет провёл экспертизу по делу о подложном векселе на сумму 250 тысяч рублей, применив метод цветоделительной фотографии для выявления двух слоёв записей. Заключение было принято судом в качестве решающего доказательства; дело получило широкий резонанс в юридической печати.

Таким образом, период с конца XIX века до 1917 года можно охарактеризовать как время становления криминалистики в тесной связи с реформированием органов внутренних дел. Научные методы расследования внедрялись не спонтанно, а в результате целенаправленных организационных решений: создания сыскных отделений, учреждения научно-судебных кабинетов, организации курсов повышения квалификации. Кадровая и методическая преемственность между дореволюционной и советской криминалистикой свидетельствует о том, что накопленный опыт не был утрачен, а лёг в основу дальнейшего развития дисциплины. Потенциал для более глубокого изучения этого периода далеко не исчерпан, и архивные материалы региональных полицейских управлений могут дополнить существующие представления новыми фактами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аверьянова, Т. В. Криминалистика : учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. 4-е изд. М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. 928 с.

2. Буринский, Е. Ф. Судебная экспертиза документов, производство её и пользование ею / Е. Ф. Буринский. – СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1903. 352 с.

3. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс ; пер. с нем. Смоленск : Тип. Я. Н. Подземского, 1895. 1040 с.

4. Колдин, В. Я. Криминалистика: информационные технологии доказывания / В. Я. Колдин. М. : Зерцало-М, 2020. 752 с.

5. Крылов, И. Ф. В мире криминалистики / И. Ф. Крылов. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1980. 279 с.

© Черных В. В., Лустова С. В., 2026

6. Лебедев, В. И. Искусство раскрытия преступлений. Дактилоскопия / В. И. Лебедев. СПб., 1909. 96 с.

7. Рейсс, Р. А. Научная техника расследования преступлений / Р. А. Рейсс ; пер. с фр. СПб., 1912. 158 с.

8. Торвальд, Ю. Сто лет криминалистики. Пути развития криминалистики / Ю. Торвальд ; пер. с нем. М. : Прогресс, 1975. 440 с.

9. Трегубов, С. Н. Основы уголовной техники, научно-технические приёмы расследования преступлений / С. Н. Трегубов. Петроград : Сенатская тип., 1915. 334 с.

10. Якимов, И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике / И. Н. Якимов. М. : Изд-во НКВД РСФСР, 1925. 430 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Черных Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Лустова София Вячеславовна, курсант, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

© Черных В. В., Лустова С. В., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 136–145
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 136–145

Социология

Научная статья
УДК 81.272

АНГЛИЦИЗМЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: МОДА ИЛИ СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТ ОБЩЕНИЯ

Александр Михайлович Ворожцов [1], Дарья Михайловна Пахорукова [2]
[1, 2] Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия,
[1] Восточно-Сибирский институт МВД России г. Иркутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена социологическому анализу англицизмов в повседневной речи российской молодежи в условиях глобализации. В центре внимания находится вопрос о том, почему студенты и молодые взрослые используют английские слова в своей речи даже там, где существуют русские эквиваленты. Авторы показывают, как англицизмы выступают средством коммуникативной экономии, обслуживают цифровую и профессиональную среду, помогают маркировать групповую принадлежность, а также становятся символическим ресурсом самопрезентации.

Ключевые слова: глобализация, языковая идентичность, молодежь, англицизмы, студенческая речь, цифровая коммуникация, молодежный социолект, рунглиш, социальные сети, самопрезентация

Для цитирования: Ворожцов, А. М., Пахорукова, Д. М. Англицизмы в повседневной речи российской молодежи: мода или современный инструмент общения // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 136–145.

Sociology

Original article

ANGLICISMS IN THE SPEECH OF YOUNG PEOPLE: FASHION STATEMENT OR MEANS OF COMMUNICATION

Alexander M. Vorozhtsov [1], Daria M. Pakhorukova [2]
[1] East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia
[1, 2] Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

© Ворожцов А. М., Пахорукова Д. М., 2026

Abstract. The article is devoted to a sociological analysis of Anglicisms in the everyday speech of Russian youth in the context of globalization. The study focuses on the reasons why students and young adults incorporate English words into their Russian discourse even when native equivalents exist. Anglicisms are examined as a means of communicative economy, a tool for navigating digital and professional environments, a marker of group affiliation, and a symbolic resource for self-presentation.

Keywords: globalization, linguistic identity, youth, Anglicisms, student speech, digital com-munication, youth sociolect, runglish, social media, self-presentation

For citation: Vorozhtsov, A. M., Pakhorukova, D. M. Anglicizmy v povsednevnoj rechi rossijskoj molodezhi: moda ili sovremennyj instrument obshcheniya [Anglicisms in the Speech of Young People: Fashion Statement or Means of Communication]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 136–145.

Использование англицизмов в речи российской молодежи в последнее время является дискуссионной темой. На первый взгляд может показаться, что речь идет о словах вроде «кринж», «дедлайн», «чекнуть» и других, пришедших из цифровой среды. Однако эти слова – лишь часть видимых изменений в процессе цифровой глобализации. Развитие социальных сетей привело к изменению природы коммуникаций, появлению новых символических «кирпичиков», таких как мемы, хэштеги, лайки, которые размывают границы между языками. В таких условиях англицизмы из дополнений превращаются в естественные элементы коммуникативной среды, несущие новый смысл и добавляющие «красок» в общение.

Социологический интерес к этому явлению обусловлен тем, что идентичность молодежи в обществе подтверждается через повседневные практики, частью которых является языковой выбор. Он вместе с другими критериями определяет принадлежность человека к различным социальным сообществам и служит способом поиска «себя».

Особенно заметным это становится в цифровой среде. В исследовании Ю. А. Кочетовой и М. В. Климаковой отмечается: «…в социальных сетях особое внимание уделяется самопрезентации, социальному сравнению, прослеживается сильная зависимость от обратной связи, они дают возможность найти поддерживающие сообщества…» [1]. Авторы подчеркивают, что вовлеченность в цифровую среду создает как риски (например, разрыв между виртуальным и реальным «Я»), так и расширяет возможности для самовыражения и занятий творчеством.

© Ворожцов А. М., Пахорукова Д. М., 2026

Поэтому употребление англицизмов требует разведения двух подходов: «дань моде» – предположение, что использование англоязычных заимствований происходит потому, что они звучат современно; и «инструмент общения» – необходимый элемент коммуникации, добавляющий новые смыслы и позволяющий самовыражаться.

На основе современных исследований можно сделать вывод о том, что язык активно формирует наш опыт и непосредственно влияет на то, как мы видим окружающий мир и осознаем самих себя. Это характеризует и молодежный язык: зачастую выбор между эквивалентом и англицизмом – это выбор между разными символическими реальностями, прошлым и настоящим. Использование молодым человеком слова «контент» вместо «содержание» не просто изменение лексической оболочки. Это способ подключиться к конкретному дискурсивному полю – полю цифровых сообществ, блогинга, игровых и учебных коммуникаций.

Всё это происходит в рамках идущей глобализации и приводит к экономии речевых усилий: приживаются зачастую именно короткие, компактные заимствования, позволяющие заменить целый речевой оборот, например *ремикс* – новая обработка известной мелодии. В условиях ускорения социальных процессов для молодежи, выросшей на пространстве коротких сообщений, быстрого контента, большого объема информации, это особенно удобно. Следовательно, англицизмы нельзя рассматривать лишь как давление английского языка. Это еще и ответ на внутреннее требование ускоренной коммуникации.

Важно обратить внимание на гибридизацию. Англицизмы не просто встраиваются в речь, но и видоизменяются, подстраиваясь к русской морфологии, фонетике, словообразованию. Возникают такие формы, как *чекнуть*, *замьютить*, *рофлить*, *кринжануть/кринжовый*. Молодежь не перестает говорить по-русски, она делает русский язык площадкой для включения в мировые медиапотоки. Такой подход позволяет избежать две крайности: первая – алармизм, согласно которому любые англицизмы – это угроза для языка и национальной идентичности; вторая – безоговорочное принятие англизации.

Рассмотрим разные практики употребления англицизмов. В статье И. В. Приваловой, А. А. Петровой и Л. Н. Гишкаевой рассматриваются употребления заимствований в молодежном дискурсе в долгосрочной перспективе. Всего были использованы данные 345 онлайн- и офлайн-опросов, материалы лексикографических источников. Авторы отмечают, что молодежная реальная речь изменяется гораздо быстрее, чем словари и корпусные фиксации. Но особенно важна мысль о том, что молодежный социолект распределяет говорящих по символическим границам: те, кто понимают определенные слова – «свои», те, кто не понимают – «чужие» [2]. Язык молодежи становится способом различения, включения и

© Ворожцов А. М., Пахорукова Д. М., 2026

самоописания – это точка соприкосновения лингвистики и социологии культуры.

Показательна работа Е. В. Муруговой, К. Д. Дмитриевой, М. Г. Карпенко, Е. А. Махониной, А. Г. Петровой о культуре использования англицизмов в студенческом медиапространстве. В данной работе были проанализированы социальные сети студентов, а также проведены анкетирования более 360 респондентов. В корпусе студенческого медиапространства было выделено более 80 наиболее частотных англицизмов. По сферам употребления первое место заняла лексика общения в мессенджерах – 24 %, затем в сфере IT – 15 % и онлайн-сервисов – 13 %. Студенты отмечали, что употребляют англицизмы из-за экономии речевых усилий (86 %), а 52 % считают, что англицизмы помогают выделиться. Только 9 % отвечали, что употребляют эти слова и выражения потому, что это модно [3].

Не менее показательна статья Д. А. Шипулиной, основанная на опросе студентов первого курса Алтайского филиала РАНХиГС. В ней зафиксирована «оборотная сторона медали», а именно – осознание молодежью, что использование англицизмов может обеднять речь. При этом сами респонденты связывают русский язык со смысловой насыщенностью, выразительностью и богатством [4]. Это очень показательный момент, который обращает наше внимание на то, что внутри молодежной среды существует рефлексия, споры об уместности заимствований и различие между необходимостью и демонстративной словесной модой.

Первое и наиболее рациональное объяснение популярности англицизмов связано с тем, что они называют новые объекты, действия, состояния. Например, свой предметный мир есть у цифровой среды и сетевой повседневности: *сторис*, *контент*, *репост*, *дизлайк*, *юзер* и другие слова. Ускоренный формат молодежной коммуникации во многих ситуациях просто не позволяет использовать более длинные и громоздкие аналоги, которые могут не совпадать с реальностью. Именно поэтому главнейшей причиной использования англицизмов называют языковую экономию.

Социальные сети адаптируют язык к краткости, неформальности, поощряют всяческие сокращения (*прив* – вместо привет, *щас* – вместо сейчас); акронимы (*кд* – как дела; чд – что делаешь; мб – может быть, с этим акронимом так же ассоциируется англицизм *мэйби,* который означает то же самое). В такой среде англицизмы – естественный элемент, который хорошо «вписывается» в логику. Они короче, легче в визуальном восприятии и быстрее считываются как часть глобального интернет-дискурса. Это не «просто удобство», а культурная форма цифрового сообщества.

Закрепление англицизмов в речи российской молодежи совершенно не случайно: многие молодые люди с младенчества погружены в

© Ворожцов А. М., Пахорукова Д. М., 2026

информационную среду. Следовательно, для молодого поколения язык социальных сетей, мессенджеров и контентных платформ не является вторичным по отношению к повседневной речи: он и есть повседневная речь, но в другой форме. Речь идет не только о словах, которые используются для названия технологий, но и о словах для описания эмоций, оценки, иронии, дружеского взаимодействия, конфликтов или поддержания контакта. Такие слова как *кринж*, *токсичный* или *вайб*, позволяют быстро указать эмоциональную тональность ситуации, отношение к событию или человеку, обозначить свое настроение. Англицизмы в данном случае удобны именно потому, что уже насыщены коллективно распознаваемыми коннотациями, выработанными в мемах, чатах, роликах и комментариях. Отсюда становится понятно, почему англицизмы так тесно связаны с идентичностью. Они становятся не просто быстрым аналогом или тематическим словарем, но и способом говорить «по-своему», в стиле своей среды, «на одном языке» со своими сверстниками, единомышленниками.

Одна из самых интересных линий в исследованиях связана с тем, что англицизмы используются и в профессиональных сообществах. В опросе Донского государственного технического университета 80 % студентов указали, что употребляют подобную лексику и в профессиональном окружении. При этом анализ ответов по факультетам показал наличие частично специализированных англицизмов: у студентов-информатиков – *сервер*, *юзер*, *онлайн*; у дизайнеров и архитекторов – *мудборд*, *референс*, *майндмэп*; у прикладных лингвистов – *спикинг*, *ивент*, *чекап*. Авторы отмечают, что лишь около 20 % употребляемых англицизмов действительно зависят от специализации, но сама профессиональная среда остается важным пространством их реализации [3].

Этот результат позволяет сделать важное социологическое наблюдение. Для студента англицизм – это форма включения в профессиональное будущее. Еще не обладая высоким статусом, он осваивает речевой код среды, с которой связывает карьерные ожидания. Это особенно заметно в сферах маркетинга, IT, дизайна, образования и так далее. В итоге англицизмы становятся не только отражением уже сформированной компетенции, но и средством символической подготовки к желаемому профессиональному статусу. Для социологов это тоже актуально: такие слова как *модератор*, *дедлайн*, *спич*, *фриланс* присутствуют в профессиональной речи уже даже более старшего поколения. Для социологов важно наблюдать профессионализмы не только в своей области, но и в других сферах.

Мотив «казаться успешным» возникает отсюда. Это не проявление пустого снобизма, но попытка символически присвоить желаемый образ в условиях, когда карьерный успех ассоциируется со знанием второго языка (особенно английского). Это отличительная черта, которая позволяет заявить окружающим: «Я в курсе событий, понимаю ситуацию».

© Ворожцов А. М., Пахорукова Д. М., 2026

Одной из устойчивых функций англицизмов является их способность объединять людей. Она объясняется самой структурой молодежной жизни. В школьном/студенческом возрасте особое значение имеют горизонтальные связи: кружки, игровые объединения, чаты, друзья. Принадлежность к ним демонстрируется через атрибутику: стиль одежды, аксессуары, аватары и посты в социальных сетях, и, конечно, сленг. Англицизмы выполняют функцию «пароля»: тот, кто использует их уместно, подтверждает свою принадлежность к определенной социальной группе.

Было бы неверно сводить англицизмы только к профессиональной или цифровой реальности. Значительная часть этой лексики служит эмоциональной маркировке опыта. В исследовании О. А. Фроловой среди наиболее частотных единиц выделены слова из поля эмоциональной экспрессии и оценочных суждений: *кринж*, *вайб*, *агриться*, *изи*, *токсичный* и др. [5]. Такие слова удобны потому, что объединяют в себе высокую семантическую плотность и краткость. Например, слово «кринж» не равно просто «неловко»; оно уже включает меметическую и культурную рамку публичного стыда и неловкости. Педагоги И. В. Романова, О. В. Коннова, А. В. Глазкова связывают социальные сети с распространением мемов, изобретением новых выражений и расширением языковой креативности [6]. В условиях, когда эмоция все чаще циркулирует в формате шутки, реакции, стикера, короткой подписи, слова с высокой меметической узнаваемостью получают преимущество. Англицизмы удобны здесь тем, что уже несут за собой глобальный культурный след: они приходят вместе с сериалами, стримами, видеоконтентом, музыкой.

В современном словарном обиходе присутствует и определённый компонент моды. Мода – это не причина, которая исчерпывает явление, а механизм его распространения. Когда 52 % студентов Донского государственного технического университета говорят, что англицизмы помогают выделиться, это показывает, что лексический выбор участвует в игре различения. Но тот факт, что только 9 % прямо связывают использование англицизмов с модой, заставляет скорректировать распространенное бытовое объяснение [3]. Молодежь не воспринимает свои англицизмы как бессодержательное подражание тренду. Она скорее рассматривает их как функциональные и социально удобные средства самопрезентации.

Здесь уместно говорить о символическом капитале. Английский язык в современном мире ассоциируется с цифровыми технологиями, карьерными траекториями, международной мобильностью, академической и профессиональной компетентностью. Поэтому даже отдельные английские вкрапления в русскую речь могут работать как сигналы «современности». Студент, использующий подобную лексику, предъявляет себя как человека, знакомого с актуальными медиакодами и престижными дискурсивными мирами. Это вовсе не означает сознательной манипуляции.

© Ворожцов А. М., Пахорукова Д. М., 2026

Чаще речь идет о привычной, полуавтоматической форме стилистического самораспоположения: говорящий выбирает те слова, которые соответствуют желаемому образу себя и привычной среде признания.

Мода, следовательно, не противоположна идентичности. Она является одной из форм ее публичного оформления. Молодежь использует модные слова не потому, что они «ничего не значат», а потому, что через них быстрее всего считываются нужные культурные ассоциации. Именно поэтому англицизмы особенно активно циркулируют в средах, где важна скорость распознавания статуса: в блогинге, маркетинге, креативных индустриях, университетских чатах, неформальных учебных группах, профессиональных сообществах начинающих специалистов. Здесь модность слова и его идентификационная функция совпадают.

По сути, современный англицизм часто выполняет ту же функцию, что когда-то выполняли элементы молодежного жаргона в целом: он позволяет одновременно выразить принадлежность к поколению и дистанцироваться от более старших групп.

Широкое распространение англицизмов в молодежной речи имеет и институциональное измерение. Англицизмы выступают не только элементом неформального общения, но и фактором изменения самой педагогической коммуникации. Это особенно заметно в образовательных организациях, где формальный академический язык сосуществует с молодежным цифровым социолектом. Н. В. Михалкин в своей статье анализирует включение сленга, жаргонизмов и англицизмов в общение студентов гуманитарных специальностей и настаивает на необходимости развивать такую культуру студенческого коллектива, которая позволяла бы сохранять чистоту, понятность и интересность речи для обеих сторон — и студентов, и преподавателей. Автор подчеркивает, что в учебной коммуникации стоит минимизировать непонятные англицизмы и жаргонные формы, если они затрудняют доступность и точность высказывания. Это не отменяет сам факт молодежного словотворчества, но показывает границу его уместности [7].

Социологически это означает, что англицизмы нельзя оценивать вне контекста поля общения. Внутри молодежного чата слово *кринж* или *лайкнуть* может работать идеально: оно быстро, точно и эмоционально понятно. В формальной аудитории или в официальном письменном тексте та же единица может создавать помехи, если адресат не принадлежит к тому же поколенческому и цифровому кругу. Следовательно, проблема заключается не в наличии англицизмов как таковых, а в умении переключать коды в зависимости от ситуации. Там, где такого переключения нет, действительно возникает межпоколенческий барьер и ощущение речевой «небрежности».

Отсюда следует важный вывод, касающийся вопроса идентичности. Молодежная языковая идентичность формируется через обучение

© Ворожцов А. М., Пахорукова Д. М., 2026

ситуативной рефлексии: знание о том, когда использование англицизма будет уместным, а когда он превратится в коммуникативную помеху. Чем сложнее среда общения молодого человека, тем важнее его способность «переключаться» между стилями общения. Именно эта способность, а не автоматическое «следование моде» становится показателем зрелой языковой компетентности.

С распространением англицизмов в новейшей литературе растет и критическое мнение по отношению к ним. В статье Е. Е. Хазимуллиной о молодежном рунглише звучит тревога. Автор подчеркивает, что чрезмерное использование англицизмов может серьезно расшатать нормы и изменить языковые вкусы, а рост их интенсивного распространения связан с интернетом, играми, социальными сетями и ориентацией на западную культуру [8]. В этой работе верно подмечено, что использование англицизмов закономерно вызывает тревогу: оно затрагивает повседневную и неотъемлемую сферу коммуникации, связанную с культурной идентичностью.

Н. В. Михалкин занимает более сдержанную, нормативно-ориентированную позицию. Он подчеркивает, что есть необходимость минимизировать в учебном процессе англоязычные нововведения, если они препятствуют ясности и точности общения [7]. С точки зрения социологии это значит, что вокруг англицизмов сталкиваются два режима ценностей: молодежная горизонтальная коммуникация и академическая формальность. Этот конфликт является закономерным, в структуре современного общества разные группы предъявляют к речи разные требования. В такой ситуации роль преподавателя как транслятора знаний и эксперта в обучении студентов повышается [9].

Однако важно не подменять анализ паникой. Тот факт, что англицизмы иногда воспринимаются как угроза норме, еще не означает, что они сводятся к деградации языка. Исследования 2024–2025 годов, напротив, показывают, что многие из них функционально мотивированы, социально распределены и включены в реальные практики общения. Поэтому более продуктивной выглядит не запретительная, а дифференцирующая стратегия: различать, где англицизм нужен для точности и социальной узнаваемости, а где он служит лишь избыточной стилизацией. Именно такая позиция позволяет увидеть возможные риски и пользу от использования данного явления.

Итак, англицизмы в повседневной речи российской молодежи нельзя удовлетворительно объяснить формулой «это просто модно». Социологически это означает, что англицизм — не просто слово, а социальный маркер. Через него молодой человек сообщает о своей включенности в цифровое поколение, о близости к определенному стилю жизни, о владении сетевыми культурными кодами, о притязании на современность и часто — о стремлении войти в более престижные

© Ворожцов А. М., Пахорукова Д. М., 2026

профессиональные миры. При этом сам процесс не является однозначно позитивным или негативным: он порождает креативные гибридные практики и тревогу о норме, и возводит межпоколенческие барьеры, а также скрытые линии культурного различия. Но именно эта сложность и показывает, что речь идет не о поверхностной моде, а о реальном механизме формирования идентичности в современном мире.

Поэтому наиболее точный ответ на вопрос, вынесенный в заглавие, звучит так: англицизмы в повседневной речи российской молодежи являются и данью моде, и инструментом конструирования идентичности, но ведущей оказывается именно вторая функция. Мода объясняет скорость распространения отдельных слов, тогда как идентичность объясняет их устойчивость, социальный смысл и воспроизводимость в разных средах. Англицизмы сохраняются в молодежной речи потому, что позволяют быть понятным, современным, «своим» и в определенной степени успешным – не только в воображении, но и в конкретных коммуникационных практиках глобализированного общества. Однако при этом не надо забывать, что русский язык очень богат. В последнее время появляются русские слова, которые тоже органично вписываются в современную молодежную речь: *быковать*, *быть в танке*, *вывозить*, *дос*, *др*, *душнила*, *жиза*, запузырить и другие, [10]. У большинства англицизмов есть русские и удобные аналоги: *дедлайн* – крайний срок, *фидбек* – отклик, *юзер* – пользователь, *хейтер* – злопыхатель, *фейк* – подделка. Всё это показывает, что время только англицизмов закончилось и ему на смену приходят русские слова, позволяющие ускорить коммуникацию и продолжить логику языкового творчества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кочетова, Ю. А., Климакова, М. В. Подросток в цифровой среде: идентичность и образ себя // Социальные науки и детство. 2025. Т. 6, № 3. С. 85–98. — DOI 10.17759/ssc.2025060306.

2. Привалова И. В., Петрова А. А., Гишкаева Л. Н. Методы мониторинга англицизмов в русскоязычном молодежном дискурсе // Русистика. 2024. Т. 22, № 4. С. 633–661. — DOI 10.22363/2618-8163-2024-22-4-633-661.

3. Муругова, Е. В., Дмитриева, К. Д., Карпенко, М. Г., Махонина, Е. А., Петрова А. Г. Культура использования англицизмов в студенческом медиапространстве // Филология: научные исследования. 2025. № 4. С. 45–58. — DOI 10.7256/2454-0749.2025.4.71041.

4. Шипулина, Д. А. Особенности использования англицизмов в речевой практике студенческой молодежи // Вестник молодежной науки Алтайского государственного аграрного университета. 2024. № 1. С. 189. — ISSN 2782-2567.

© Ворожцов А. М., Пахорукова Д. М., 2026

5. Фролова, О. А. Англицизмы как функционально-прагматические маркеры цифровой коммуникации русскоговорящей молодежи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 9. С. 3012–3020. — DOI 10.30853/phil20240434.

6. Романова, И. В., Коннова, О. В., Глазкова, А. В. Влияние социальных сетей на язык и коммуникацию // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 3 (51). С. 12–19. — DOI 10.18454/RULB.2024.51.20.9.

7. Михалкин, Н. В. Особенности языка современной студенческой молодежи в России и способы его совершенствования // Язык и текст. 2024. Т. 11, № 2. С. 43–51. — DOI 10.17759/langt.2024110204.

8. Хазимуллин, Е. Е. Русский язык в свете молодежного рунглиша // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 69–86. — DOI 10.20323/2658_7866_2023_4_18_69.

9. Ворожцов, А. М. Роль преподавателя высшей школы как эксперта в обучении студентов // Сборник научных трудов Четвертой международной научно-практической конференции «Экспертные институты в условиях построения безопасного мира». Иркутск, 2025. С. 377–378.

10. Толковый словарь русского молодёжного сленга // Словарь сленга URL: https://slovar-slenga.tilda.ws/ (дата обращения: 15.03.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ворожцов Александр Михайлович, начальник кафедры тактико-специальной подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664003 г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110;
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и социологии, Иркутский государственный университет, Россия, 664003 г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1;
Пахорукова Дарья Михайловна, студентка 2 курса факультета социологии, Иркутский государственный университет, Россия, 664003 г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1.

© Ворожцов А. М., Пахорукова Д. М., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 146–150
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 146–150

Социология

Научная статья
УДК 34.015

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ УКЛОН В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Станислав Игоревич Свиридов [1], Анна Владимировна Прокопьева [2]
[1, 2] Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена обвинительного уклона в российском уголовном процессе. На основе междисциплинарного подхода анализируются психологические факторы, способствующие формированию устойчивой профессиональной установки на обвинение у субъектов судопроизводства. Делается вывод о необходимости интеграции достижений юридической психологии в практику для нейтрализации когнитивных искажений и преодоления системной тенденции к минимальному числу оправдательных приговоров (менее 1%).

Ключевые слова: юридическая психология, история психологии, полицейская психология, правоприменение, юридический конфликт, исторический анализ

Для цитирования: Свиридов, И. С., Прокопьева, А. В. Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 146–150.

Sociology

Original article

ACCUSATORY BIAS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Stanislav I. Sviridov [1], Anna V. Prokopyeva [2]
[1, 2] East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the phenomenon of accusatory bias in the Russian criminal process. Based on an interdisciplinary

© Свиридов И. С., Прокопьева А. В., 2026

approach, psychological factors are analyzed that contribute to the formation of a stable professional attitude towards accusation among the subjects of legal proceedings. It is concluded that it is necessary to integrate the achievements of legal psychology into practice in order to neutralize cognitive distortions and overcome the systemic trend towards a minimum number of acquittals (less than 1%).

Keywords: legal psychology, history of psychology, police psychology, law enforcement, legal conflict, historical analysis

For citation: Sviridov, I. S., Prokopyeva, A. V. Obvinitel'nyj uklon v ugolovnom sudoproizvodstve [Accusatory bias in criminal proceedings]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 146–150.

Низкий процент оправдательных приговоров в российской судебной практике является не просто статистической аномалией, а устойчивой системной тенденцией, сохраняющейся на протяжении десятилетий. Показатели, не превышающие 0,5–1% от общего числа приговоров по стране, закономерно порождают в научной и экспертной среде дискуссии о глубинных дисфункциях уголовного процесса. Центральное место в этих дискуссиях занимает гипотеза о существовании устойчивого «обвинительного уклона» — комплекса профессиональных установок, организационных практик и неформальных норм, которые смещают всё судопроизводство в сторону обвинения, затрудняя вынесение оправдательных решений даже при наличии сомнений.

Традиционный догматический анализ данной проблемы, как правило, ограничивается сферой процессуальных норм, эффективности судебного контроля и гарантий сторон защиты. Однако такой подход зачастую упускает из виду ключевой человеческий фактор — психологию профессиональной деятельности самих субъектов уголовного процесса: следователей, дознавателей, прокуроров и судей. Их решения, оценка доказательств и даже толкование закона неизбежно опосредованы когнитивными схемами, профессиональными деформациями и социально-психологическим контекстом. Именно в этом аспекте становится особенно актуальным потенциал юридической психологии. Как верно отмечают исследователи, «история развития юридической психологии в XXI веке – это история адаптации к новым вызовам времени» [1, с. 69].

Сегодня одним из наиболее острых вызовов является преодоление инерции обвинительного мышления — глубинной установки, при которой обвинение воспринимается как приоритетная или даже единственно возможная цель процессуальной деятельности. Таким образом, комплексное изучение обвинительного уклона невозможно без интеграции

© Свиридов И. С., Прокопьева А. В., 2026

правового и психологического знания, что и определяет актуальность и новизну предлагаемого исследования.

Психология профессиональной деятельности как фактор формирования уклона

Деятельность следователя, прокурора и судьи неизбежно сопряжена с высокой психологической нагрузкой и требует специфических профессиональных компетенций. В этом контексте особую роль играет психология правоохранительной деятельности, которая «включает в себя работу субъектов правосудия и предоставление психологических услуг, таких как тестирование кандидатов в полицию, продвижение по службе, увольнение и вмешательство в работу с проблемными полицейскими, отсюда возник термин «полицейская психология»» [2, с. 767]. Однако эта система часто фокусируется на отборе и адаптации, но в меньшей степени – на нейтрализации когнитивных искажений, таких как «туннельное зрение» (концентрация на версии обвинения) и подтверждающая предвзятость. Эти искажения, усиливаясь на каждом этапе расследования, формируют устойчивую установку на обвинение, которая затем воспринимается как профессиональная норма, а не как субъективная ошибка.

Стрессовые ситуации, в которых постоянно находятся сотрудники, могут провоцировать иррациональные особенности поведения [3, с. 221], что в условиях процессуальной состязательности может неосознанно смещать их позицию в сторону обвинения. Формальное закрепление следователя и прокурора за «стороной обвинения» лишь институционализирует эту психологическую установку, превращая её в профессиональную деформацию. Таким образом, сама организационная структура и профессиональная субкультура правоохранительных органов способствуют формированию и закреплению обвинительного уклона, требуя ответа в виде новых методик психологического сопровождения. Это подтверждает тезис о том, что «история развития юридической психологии в XXI веке – это история адаптации к новым вызовам времени» [1, с. 69], где одним из ключевых вызовов является преодоление инерции обвинительного мышления в системе правосудия.

Психологические аспекты работы с жертвами и конфликтом

Важным достижением современной юридической психологии является смещение фокуса не только на обвиняемого, но и на потерпевшего. «Одним из лучших результатов при поддержке психологии поведенческой клиники является специализированная психологическая помощь, оказываемая в центрах помощи жертвам преступлений при прокуратуре, которые предоставляют помощь в кризисных ситуациях, экстренную помощь по телефону и психологическую оценку, ориентированную на правдивость юридических показаний, а также предотвращение преступности и жертв» [4, с. 122]. Однако эта необходимая работа по поддержке потерпевшего, если она не уравновешена столь же

© Свиридов И. С., Прокопьева А. В., 2026

внимательным отношением к правам обвиняемого, может невольно усиливать обвинительный настрой всего процесса.

Уголовный процесс по своей сути является острой формой юридического конфликта, особенность которого заключается в том, что «против кого бы ни предпринимались противозаконные действия: индивида, групп, социальных институтов, «нарушитель» автоматически становится недобросовестным лицом в гражданско-правовых отношениях, оппонентом общественно-правовой системы общества» [5, с. 161]. Такое изначальное позиционирование подозреваемого как «оппонента системы» создает мощный социально-психологический фон, давящий на всех участников процесса и затрудняющий сохранение беспристрастности.

Таким образом, проблема обвинительного уклона не может быть решена исключительно путем внесения процессуальных поправок. Она требует комплексного подхода, учитывающего психологию профессиональной деятельности правоохранителей и судей. Развитие юридической психологии как раз и является ответом на этот вызов. Внедрение системных психологических знаний в подготовку кадров, создание служб психологического сопровождения, нейтрализующих профессиональные деформации, и осознание глубинной природы юридического конфликта – необходимые шаги для того, чтобы состязательность и презумпция невиновности превратились из деклараций в ежедневную практику. Статистика оправдательных приговоров, остающаяся крайне низкой (всего 0,2–0,3 % в Иркутской области за 2019–2021 гг. и менее 1 % в целом по России), свидетельствует, что правовые механизмы не работают без учета человеческого фактора, которым и призвана заниматься юридическая психология.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Прокопьева, А. В., Верхозина, М. В. История развития юридической психологии // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1(27). С. 69–74.

2. Мухутдинов, М. А. История развития юридической психологии // Вестник науки. 2023. Т. 1, № 11(68). С. 767–771.

3. Ардашев, Р. Г. Иррациональные особенности поведения сотрудников полиции в стрессовой ситуации // Актуальные проблемы адаптации курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России к условиям профессиональной деятельности: сборник научных трудов. Москва, 2023. С. 221–224.

4. Александрова, Н. В., Анохина О. В., Абасов, К. А. Изучение юридической психологии в контексте истории психологической науки // Журнал прикладных исследований. 2024. № 1. С. 122–127.

© Свиридов И. С., Прокопьева А. В., 2026

5. Слабкая, Д. Н., Новиков, А. В. Феномен юридического конфликта. Юридическая психология // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10, № 1-1. С. 161–167.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Прокопьева Анна Владимировна, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.
Свиридов Станислав Игоревич, курсант, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

© Свиридов И. С., Прокопьева А. В., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 151–157
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 151–157

Социология

Научная статья
УДК 316

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КРИМИНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Екатерина Александровна Шацкая [1], Ирина Буиновна Дымбрылова [2], Татьяна Васильевна Баирова [3]
[1-3] Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается одна из сложных проблем – вовлечение в совершение преступлений несовершеннолетних. Авторы обозначили ряд причин, способствующих противоправному поведению, среди которых недостатки в воспитании, отсутствие достаточных условий для нормальной жизнедеятельности детей, а также раннее употребление алкоголя. Выделены основные методы психологического воздействия со стороны криминальных лиц, к которым отнесены обещание материального вознаграждения, манипуляции, обман, психологическое давление.

Ключевые слова: вовлечение, криминальная деятельность, преступность, социологические и психологические механизмы, социологические и психологические факторы

Для цитирования: Шацкая, Е. А., Дымбрылова, И. Б., Баирова, Т. В. Социологические и психологические механизмы вовлечения несовершеннолетних в криминальную деятельность // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 151–157.

Sociology

Original article

SOCIOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF INVOLVEMENT OF MINORS IN CRIMINAL ACTIVITY

Ekaterina A. Shatskaya[1], Irina B. Dymbrylova[2], Tatiana V. Bairova[3]
[1–3] East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

© Шацкая Е. А., Дымбрылова И. Б., Баирова Т. В., 2026

Abstract. The article examines one of the most difficult problems – the involvement of minors in the commission of crimes. The authors identified a number of reasons that contribute to illegal behavior, including deficiencies in education, the creation of sufficient conditions and their implementation for the normal functioning of children, as well as early alcohol consumption. The main methods of psychological influence are highlighted, which include the promise of material rewards, deception, and psychological pressure.

Keywords: involvement, criminal activity, criminality, sociological and psychological mechanisms, sociological and psychological factors

For citation: Shatskaya, E. A., Dymbrylova, I. B., Bairova, T. V. Sociologicheskie i psihologicheskie mehanizmy vovlecheniya nesovershennoletnih v kriminal'nuyu deyatel'nost' [Sociological and psychological mechanisms of involvement of minors in criminal activity]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 151–157.

Преступность – одна из самых острых социальных проблем, стоящих перед любым обществом и государством. Предупреждение, выявление и искоренение данного феномена являлось основной задачей государства во все времена. В современном российском обществе проблема вовлечения людей в преступную деятельность остаётся актуальной. Охрана прав, свобод и законных интересов детей от негативного воздействия взрослых, вовлекающих их в преступную и антиобщественную деятельность, является важной задачей, стоящей перед государством.

Вовлечение в криминальную деятельность является опасным явлением для жизнедеятельности общества и государства. Современные социологические исследователи уделяют большое внимание данному вопросу. К примеру, в своей теории «дифференциальная ассоциация» Эдвин Сазерленд пришел к выводу о том, что преступность — результат многообразных дифференцированных связей и контактов, обучения личности противоправному поведению в социальных микрогруппах (в семье, на улице, в трудовых коллективах и т. п.)

Процесс вовлечения подростков в противоправную деятельность является предметом глубокого изучения в юридической психологии и криминологии. Это сложная система социально-психологических механизмов, направленных на манипуляцию сознанием и поведением несовершеннолетних. Такие исследования важны для разработки эффективных мер профилактики преступлений среди молодежи и защиты их законных интересов.

Современный этап развития человеческого сообщества характеризуется интенсивностью социальных преобразований,

© Шацкая Е. А., Дымбрылова И. Б., Баирова Т. В., 2026

обусловливающих не только изменения в структуре и динамике общей преступности, но и формирование индивидуальных особенностей отдельных индивидов к противоправному поведению. В данном контексте существенно возрастает разнообразие форм и способов криминальной реализации личности, расширяя спектр возможных путей приобретения опыта участия в преступлениях.

Вовлечение в преступность несовершеннолетних в современной России является острой проблемой, которая представляет угрозу для жизни, здоровья, нормального нравственного и физического развития ребёнка. Необходимость защиты детей от негативного влияния взрослых, выраженная в отсутствии родительского внимания и контроля, семейные конфликты, насилие, жестокое обращение, алкоголизм и наркомания родителей, недостаток эмоциональной поддержки и любви, признана мировым сообществом, в том числе и Российской Федерацией.

Необходимо отметить, что с 8 января 2025 года были внесены изменения в ст. 150 УК РФ[1], ужесточающие ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий.

Нарушение закона лицами столь юного возраста говорит о том, что в обществе имеются явные недостатки в воспитании, создании достаточных условий и их реализации для нормальной жизнедеятельности детей. Взрослые в преступных целях, используя свой криминальный опыт и транслируя маргинальный образ жизни как приемлемый, навязывают подросткам идеи и взгляды преступного мира, осознавая, что те в силу их возрастных особенностей являются самой уязвимой группой людей. Противоправные действия совершеннолетних лиц представляют повышенную опасность не только потому, что они посягают на нормальное развитие детей, разрушая их психику, склоняя к аморальным жизненным ценностям, но и способствуют дальнейшему увеличению числа совершаемых ими преступлений [1, с. 203].

На протяжении всего существования российского государства, законодатель уделял внимание проблемам, связанным с обеспечением защиты детей от негативного влияния взрослых. В результате современным законодательством выработана целостная и сбалансированная нормативная правовая база, направленная на противодействие вовлечению несовершеннолетних в криминальную деятельность, как административная

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 19.02.2024) (дата обращения 02.02.2026).

© Шацкая Е. А., Дымбрылова И. Б., Баирова Т. В., 2026

(ст. 5.35 КоАП РФ) [1] и уголовная (ст. 156 УК РФ), так и гражданская (ст. 1073 ГК РФ)[2], поскольку активные противоправные действия взрослых по вовлечению носят характер повышенной общественной опасности из-за негативного воздействия на взросление и становление личности ребёнка.

За редким исключением, большинство преступлений по вовлечению детей происходят с участием воспитанников детских домов, которые столкнулись с различными жизненными сложными ситуациями и имеют психологические травмы. Даже если изначально семья была благополучна, утрата родителей и состояние сиротства само по себе способны лишить ребёнка важных жизненных ориентиров. Вследствие этого дети, выросшие в условиях детского дома, имеют повышенную склонность к проявлению делинквентного поведения. Тем не менее многие проявления такого поведения остаются вне поля зрения общественности либо воспринимаются обществом как незначительные проступки, не заслуживающие какого-либо реагирования.

Эта проблема представляет собой одну из наиболее распространённых трудностей современного российского общества. Ведь ребёнок зачастую отражает особенности поведения собственных родителей, и опыт детства непосредственно влияет на дальнейшее формирование личности и поведенческих реакций взрослого индивида.

В современной реальности большинство преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения. Употребление и распитие алкогольной продукции, а также одурманивающих средств наносит существенный вред здоровью человека, в особенности в раннем возрасте. С течением времени подобные занятия могут привести к хронической алкогольной и иной зависимости. Бродяжничество и попрошайничество разрушают нормальные ценностные представления подростков о жизни, формируют маргинальное, низкое социальное мышление и навязывают негативные наклонности.

Употребление алкогольной продукции вызывает в организме человека ряд негативных физиологических и психологических изменений. Если же систематическое употребление спиртных напитков для человека является постоянным и привычным занятием, это перерастает в такой вид антиобщественной деятельности, в ходе которой желание распивать алкогольные напитки становится жизненно необходимой практикой. Здесь уже происходит перелом в структуре личности, когда прежние нравственные установки заменяются аморальными идеалами. Описанные

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : КоАП : принят Гос. Думой 20 декабря 2001 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения 24.01.2026).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (часть первая) : принят Гос. Думой 21 октября 1994 года : последней ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 24.01.2026).

© Шацкая Е. А., Дымбрылова И. Б., Баирова Т. В., 2026

выше процессы воздействует на несовершеннолетних значительно интенсивнее, в силу их несформированной личности.

Гораздо более жестокое наказание светит лицам, на которых закон возложил обязанность по воспитанию несовершеннолетнего, таких как родители, опекуны, педагогические работники и другие, а те, в свою очередь, не просто нарушили свою святую обязанность, но и вовлекли подростка в антисоциальную деятельность [1]. Те качества и ценности, которые были привиты ребенку родителем в детстве, в будущем повлияют не только на него самого, но и на окружающее его общество.

Противоправные действия взрослых в отношении подростков: обман, угрозы и т. п. нарушают права несовершеннолетних. Пропаганда, агитация подростков к совершению противоправных действий наносят вред психическому и физическому здоровью, нравственному развитию в силу своей повышенной степени опасности.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что наиболее распространены три основные группы методов вовлечения подростков в преступную деятельность. К первой группе относятся обещания материального вознаграждения. Это могут быть деньги, подарки или иные материальные блага, игра на естественных желаниях подростков иметь больше ресурсов и чувствовать себя значимым. Вторая группа включает принуждение путем обмана совершить противоправное действие. Подростков вводят в заблуждение относительно реальных целей и последствий участия в незаконных действиях, убеждая их, что происходящее совершенно законно или даже полезно. Третья группа подразумевает психологическое давление. Это постоянные уговоры, манипуляции чувством вины, использование выражения «все делают так», формирование чувства привязанности к группе, усиливающее желание соответствовать ожиданиям окружающих [2, с. 69].

Методы психологического воздействия определяют особенности психики подростка, такие как повышенная эмоциональная чувствительность, стремление к самоутверждению и потребность в признании сверстников.

Кроме того, главным механизмом является участие и влияние взрослого лица с определенным статусом и авторитетом. Например, опытный преступник, используя различные приемы, может играть роль наставника, учителя или друга, создавая иллюзию заботы и поддержки, что существенно снижает критичность восприятия подростком опасных ситуаций.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень верховного суда Российской Федерации. – 2011. – №4.

© Шацкая Е. А., Дымбрылова И. Б., Баирова Т. В., 2026

1. Механизм вовлечения через отношения зависимости. Это не распространенный метод, но достаточно опасный, так как включает становление и развитие зависимых связей между взрослым человеком и подростком. Примером служит ситуация, когда взрослый оказывает финансовую поддержку подростку, обещает защиту или покровительство в обмен на выполнение определенных заданий. Постепенно подросток привыкает и становится зависимым, испытывая страх потерять выгоду или доверие взрослого, что увеличивает вероятность согласия на участие в преступлениях.

2. Физическое принуждение и угроза. Жестким методом вовлечения является явное применение силы или угрозы её применения. Этот способ характеризуется наличием самой опасности для здоровья или благополучия подростка. Угрозы физического характера, распространения ложной информации, порочащей честь и достоинство, или уничтожения личного имущества воспринимаются подростком крайне серьезно и становятся сильным фактором, заставляющим согласиться на совершение преступления [3, с. 151].

Важно отметить, что квалификация каждого метода вовлечения зависит от конкретных обстоятельств дела. Во-первых, угроза должна быть реальной и, во-вторых, вызвать объективные признаки немедленного наступления негативных последствий. Практика судов учитывает возраст и личностные характеристики подростка, уровень его зрелости и способность адекватно оценивать ситуацию.

Итак, сформулируем некоторые особенности мотивации преступного поведения несовершеннолетних:

– доминирование инфантильных идей совершения преступлений, вызванных стремлением удовлетворить любопытство, самоутвердиться, завоевать авторитет среди сверстников, «быть крутым» и пр.;

– преимущественная ситуативность при совершении преступления;

– наличие нарушений того или иного элемента мотивационно-потребностной сферы [4, с. 635].

Таким образом, процесс вовлечения подростков в криминальную среду имеет комплексный характер, включающий разнообразные формы влияния и давления. Эти знания необходимы специалистам правоохранительных органов, педагогам и родителям для своевременного выявления признаков возможного вовлечения несовершеннолетнего в противоправную деятельность и принятия соответствующих профилактических мер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зибер, А. Э., Рубачева, Е. Л. Социально-психологические особенности формирования криминального поведения несовершеннолетних // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 202–205.

© Шацкая Е. А., Дымбрылова И. Б., Баирова Т. В., 2026

2. Керопян, Е. Г. Проблема вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность // Актуальные проблемы российской науки и практики в условиях глобально меняющегося мира : Сборник научных трудов Всероссийской научно-теоретической конференции в рамках Всероссийского фестиваля науки, спорта и творчества среди обучающихся ведомственных образовательных организаций «Любите Россию! Служите России! Храните Россию!», Санкт-Петербург - Пушкин, 07–11 октября 2024 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 69–71.

3. Волостных, А. А. Актуальные проблемы и профилактика вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // Вестник науки. 2025. № 2 (83). С. 151–157.

4. Ильянкова, В. С., Морозов, А. В. Личностные особенности несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступления // Человек: преступление и наказание. 2023. № 4. С. 630–646.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шацкая Екатерина Александровна, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Дымбрылова Ирина Буиновна, курсант 3 года обучения, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Баирова Татьяна Васильевна, курсант 3 года обучения, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

© Шацкая Е. А., Дымбрылова И. Б., Баирова Т. В., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 158–165
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 158–165

Социология

Научная статья
УДК 316

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Екатерина Александровна Шацкая [1], Полина Романовна Шемякина [2]
[1, 2] Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В данной статье анализируется психологический аспект профессиональной деятельности сотрудников исправительных учреждений как ключевой фактор функционирования и сохранения уголовно-исполнительной системы. Авторы подмечают такую особенность, как противоречивая природа деятельности сотрудников исправительных учреждений, вынужденных сочетать репрессивно-карательные и исправительно-реабилитационные функции в условиях закрытой, агрессивной и потенциально опасной среды, что приводит к глубоким внутренним ролевым конфликтам, хроническому стрессу и высокому риску профессиональной деформации. В работе детально рассматривается специфика синдрома эмоционального выгорания в пенитенциарной среде, проявляющаяся в эмоциональном истощении, что прямо угрожает кадровой стабильности и безопасности учреждений. В качестве системного решения предлагается комплекс мер психологического обеспечения, включающий профессиональный отбор по психологическим критериям. Анализ основных факторов профессиональной деятельности сотрудников обосновывает необходимость психологически грамотной организации труда как критического условия для сохранения психического здоровья сотрудников, их личной безопасности и общей эффективности функционирования пенитенциарной системы.

Ключевые слова: исправительное учреждение, психологическая специфика, стресс-факторы, профессиональный контакт, адаптация сотрудников

Для цитирования: Шацкая, Е. А., Шемякина, П. Р. Социально-психологические особенности организации деятельности сотрудников исправительных учреждений // Научный дайджест Восточно-Сибирского

© Шацкая Е. А., Шемякина П. Р., 2026

института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 158–165.

Sociology

Original article

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE ORGANIZATION OF CORRECTIONAL OFFICERS' ACTIVITIES

Ekaterina A. Shatskaya[1], Polina R.Shemyakina[2]
[1, 2] East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

Abstract. This article analyzes the psychological aspect of the professional activities of correctional officers as a key factor in the functioning and preservation of the penal system. A feature was noted, such as the contradictory nature of the activities of correctional officers, who are forced to combine repressive, punitive and correctional rehabilitation functions in a closed, aggressive and potentially dangerous environment, which leads to deep internal role conflicts, chronic stress and a high risk of professional deformation. The paper examines in detail the specifics of the burnout syndrome in the penitentiary environment, manifested in emotional exhaustion, which directly threatens the personnel stability and security of institutions. As a system solution, a set of psychological support measures is proposed, including professional selection based on psychological criteria. The analysis of the main factors of professional activity of employees substantiates the need for a psychologically competent work organization as a critical condition for maintaining the mental health of employees, their personal safety and the overall effectiveness of the functioning of the penitentiary system.

Keywords: correctional institution, psychological specifics, stress factors, professional contact, adaptation of employees

For citation: Shatskaya, E. A., Shemyakina, P. R. Social'no-psihologicheskie osobennosti organizacii deyatel'nosti sotrudnikov ispravitel'nyh uchrezhdenij [Socio-psychological features of the organization of correctional officers' activities]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 158–165.

В настоящее время в сфере законодательства и организации деятельности Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) разрабатываются направления совершенствования системы

© Шацкая Е. А., Шемякина П. Р., 2026

исправительных учреждений. Это трактуется необходимостью не только правовой закрепленностью и организационно-управленческими функциями, но и решением социально-психологических проблем исполнения наказания сотрудниками ФСИН [1] . Данное предложение обусловлено тем, что поддержание благоприятного социально-психологического климата в коллективах является составной частью успешной деятельности пенитенциарных учреждений. В большинстве стран мира отдают предпочтение идеям гуманизма и учета человеческого фактора, нежели жестокому и суровому отношению к осужденным лицам, отбывающим наказание в исправительных учреждениях.

Лишение свободы представляет собой принудительное помещение человека в изоляцию от общества и содержание лиц, отбывающих наказание, без унижения человеческого достоинства и чести данных лиц. Государство, беря на себя исключительную обязанность по ограничению в правах осужденных, становится гарантом их законного исполнения, обеспечивает базовые нравственные и социальные права граждан и человека. Необходимость рассмотрения данного проблемного вопроса обусловлена современными требованиями учета человеческого фактора в правовом государстве.

Деятельность сотрудников исправительных колоний общего, строгого и особого режимов, колоний-поселений, воспитательных колоний является высоконапряженной и психологически сложной сферой профессиональной активности. Работа в условиях закрытых систем связана с постоянным взаимодействием с осужденными, выполнением контрольно-надзорных функций и обеспечением режимных требований и предъявляет высокие требования к социальным и психологическим качествам личности сотрудника [1, с. 140]. Психологическая специфика этой деятельности обусловлена необходимостью постоянного нахождения в среде, характеризующейся повышенной агрессивностью, неопределенностью и потенциальной опасностью для каждого сотрудника. В этом контексте понимание психологических особенностей организации труда становится ключевым условием не только для сохранения психического здоровья сотрудников, но и для обеспечения эффективного функционирования всей пенитенциарной системы. Деятельность сотрудников исправительных учреждений призвана обеспечить выполнение основных целей, направленных на реализацию функций по принудительной изоляции осужденных от общества, их исправление и профилактику совершения ими новых преступлений.

Эти цели могут быть обеспечены лишь соблюдением режима содержания, которым устанавливаются определенные запреты и правила

[1] Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/

© Шацкая Е. А., Шемякина П. Р., 2026

поведения, являющиеся обязательными для исполнения осужденными. Проявление девиантного поведения со стороны осужденных порождает законную реакцию со стороны сотрудников исправительных учреждений – применение физической силы или специальных средств, а при нападении, побегах из исправительных учреждений – применение огнестрельного оружия.

Деятельность, осуществляемая сотрудниками данной службы, безусловно, заключает в себе некоторые особенности, среди которых выделяется: правовой характер, включенность в профессиональные отношения, которые характеризуются тем, что одна из сторон обладает набором властных полномочий, вследствие чего каждый акт правоприменения влечет за собой последствия. Данный вид деятельности также носит экстремальный характер с разными по уровню стресс-факторами [2, с. 55]. Данными факторами, связанными с условиями труда, являются: длительное пребывание в замкнутом пространстве, напряженный график дежурств, необходимость постоянной бдительности и готовности к нестандартным ситуациям. Существенное влияние оказывает характер взаимодействия с контингентом осужденных, которое сочетает в себе элементы принуждения, контроля, а также элементы воспитательного и социально-психологического воздействия. Сотруднику требуется поддерживать сложный баланс между соблюдением дистанции и установлением профессионального контакта, необходимого для решения служебных задач. Противоречие между репрессивно-карательной и исправительно-реабилитационной функциями учреждения находит свое отражение во внутреннем психологическом конфликте сотрудников, что может приводить к ролевой неопределенности и эмоциональному напряжению [3, с. 101]. Кроме того, постоянное столкновение с девиантными формами поведения, негативными эмоциями и криминальной субкультурой создает риск профессиональной деформации, проявляющейся в цинизме, повышенной подозрительности, эмоциональной холодности и агрессивности. Эти деформации не только снижают эффективность труда, но и негативно сказываются на личной жизни сотрудника.

Чаще всего воздействию стрессогенных факторов подвержены сотрудники, которые в процессе осуществления своей служебной деятельности производят обыски, досмотры осужденных, а также территорий и помещений, пресекают случаи противодействия и неповиновения, то есть наиболее плотно контактируют в повседневной деятельности с осужденными.

Деятельность сотрудников исправительных учреждений представляет собой уникальную профессиональную среду, характеризующуюся двойственностью социальных ролей и постоянным пребыванием в условиях ограниченной свободы [4, с. 385]. Психологическая организация их труда

© Шацкая Е. А., Шемякина П. Р., 2026

требует особого подхода, учитывающего как специфику контингента, так и индивидуального набора психологических характеристик и черт характера.

Уникальность деятельности сотрудников исправительных учреждений заключается также в ее ярко выраженной нормативной регламентированности, которая, с одной стороны структурирует деятельность, а с другой – может приводить к формализму и ригидности поведения. Сотрудник вынужден действовать в строгих рамках инструкций, уставов и законов, что требует от него высокого уровня самоконтроля и ответственности. Данное психологическое состояние создает дополнительное негативное когнитивное и эмоциональное напряжение, особенно в условиях постоянно изменяющейся оперативной обстановки.

Говоря о факторах различного уровня стресса, важно отметить, что центральное место в психологическом обеспечении деятельности сотрудников занимает проблема профессионального стресса и синдрома эмоционального выгорания. Хронический стресс является неотъемлемым спутником работы в условиях изоляции и повышенной ответственности за безопасность. Данный фактор формируется под влиянием высокой рабочей нагрузки, монотонности отдельных режимных процедур, а также под воздействием потенциальных угроз личной безопасности в силу особенностей профессиональной служебной деятельности. Постоянное состояние повышенной готовности к чрезвычайной ситуации ведет к мобилизации ресурсов организма, что при длительном воздействии истощает психофизиологические резервы [5, с. 336]. Эмоциональное выгорание развивается как следствие длительного психоэмоционального напряжения в процессе профессионального общения. Оно выражается в эмоциональном истощении, деперсонализации (формальном, обезличенном отношении к осужденным) и снижении профессиональных достижений.

Исследования показывают, что симптоматика выгорания у сотрудников исправительных учреждений часто имеет специфические черты [6, с. 50–51]. Например, деперсонализация может принимать форму жесткого, нивелирующего индивидуального отношения не только к осужденным, но и к коллегам. Снижение профессиональных достижений проявляется в потере веры в эффективность своей работы, в скептическом отношении к целям исправления и ресоциализации, в ощущении рутинности и бессмысленности труда. Все вышеперечисленные состояния напрямую влияют на текучесть кадров, уровень дисциплины и, в конечном счете, на безопасность учреждения.

Психологическая подготовка и сопровождение сотрудников выступают в качестве важнейших инструментов преодоления указанных негативных явлений. Психологическая подготовка должна носить системный и непрерывный характер, начиная с этапа профессионального отбора. Она направлена на развитие у сотрудников исправительных учреждений профессионально важных качеств, таких как эмоциональная

© Шацкая Е. А., Шемякина П. Р., 2026

устойчивость, стрессоустойчивость, коммуникативная компетентность, способность к эмпатии в профессиональных границах, развитое правосознание и самоконтроль. Ключевым элементом является профессиональный психологический отбор, цель которого – не только выявление лиц, непригодных к службе по медицинским или психологическим показателям, но и кандидатов, которые наиболее полно будут соответствовать определенному профессиональному профилю сотрудника ФСИН.

Важным компонентом является обучение навыкам психологической саморегуляции, техникам управления конфликтами, методам распознавания и нейтрализации манипулятивного поведения осужденных. Сотрудники должны уметь распознавать первые признаки профессионального стресса и эмоционального выгорания у себя, а также у своих коллег и оказывать минимальную поддержку в обоих случаях. Особое место в подготовке занимают тренинги, моделирующие сложные и конфликтные ситуации, с которыми сотрудник может столкнуться в ходе службы. Это позволяет отработать алгоритмы действий и снизить уровень тревоги перед неопределенностью до минимума.

Профессиональная адаптация сотрудников уголовно-исполнительной системы носит фундаментальный характер. Она выступает ключевым инструментом формирования устойчивости к стрессу и фрустрации, неизбежным в сложных ситуациях будущей работы. Способность к разумному риску и адекватному поведению в напряженных условиях развивается параллельно со становлением личности, опираясь на её жизненный опыт, сформированные ранее модели реагирования и общий уровень развития. Однако существуют некоторые сложности для сотрудников исправительных учреждений, прибывших недавно, профессиональные навыки и знания которых еще недостаточны, что приводит к большему количеству ошибок, допускаемых в процессе служебной деятельности, фрустрации, иногда дезадаптации [7, с. 218]. На протяжении своей жизни человек может сталкиваться с необходимостью приспособления к разным изменениям внешней среды, поэтому принято говорить о разных видах адаптации:

– социально-психологическая;
– профессиональная;
– правовая;
– общественно-политическая;
– учебная;
– бытовая.

Процесс прохождения полного цикла профессиональной адаптации представляет собой психологическое и психофизиологическое приспособление к требованиям данной профессии и находит свое отражение в обучении и практическом применении профессиональных

© Шацкая Е. А., Шемякина П. Р., 2026

навыков и умений определенного уровня, в формировании профессионально-значимых черт личности. Присущая человеку профессиональная активность предопределяет выбор типа поведения в процессе адаптации.

Адаптация, то есть процесс вхождения в профессиональную среду, может проходить по двум основным путям. Первый предполагает активное воздействие на окружающую обстановку, её изменение в соответствии с собственными ценностями и взглядами на профессию. Такой путь нередко сопровождается повышенной конфликтностью во взаимодействии с коллективом. Второй путь заключается в изменении самого себя: корректировке установок, совершенствовании навыков и умений для соответствия требованиям деятельности и принятым в организации нормам. Существует также третий сценарий – дезадаптация, выражающаяся в добровольном уходе из профессиональной среды [8, с. 97]. К этому может привести невозможность ни принять существующие порядки, ни изменить их в желаемом направлении. В контексте работы персонала уголовно-исполнительной системы наибольший практический интерес представляют именно первые два типа адаптации, поскольку оба, хотя и разными способами, ведут к успешному вхождению в профессию.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что деятельность сотрудников ФСИН обладает высокой степенью специфичности и противоречивости. Постоянный непосредственный контакт с осужденными и требования выполнения поставленных служебных задач несут в себе некоторый риск для жизни и здоровья самих сотрудников данной правоохранительной структуры России. Таким образом, психологически грамотная организация деятельности выступает критически важным условием не только для поддержания базового психического здоровья сотрудника, но и для обеспечения его личной безопасности и предотвращения от когнитивных и эмоциональных перегрузок, что поспособствует сохранению прежнего уровня работоспособности. Перспективой дальнейших исследований видится углубленное изучение эффективности конкретных психотехнологий и программ сопровождения деятельности сотрудников исправительных учреждений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бойко, В. В. Энергия эмоций в общении / В. В. Бойко. – Москва: Филинъ, 1996. – 472 с.

2. Илимбетов, Р. Р. Коммуникативная толерантность и стрессоустойчивость персонала учреждения ФСИН // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 2-3 (14-15). – С. 55–62.

3. Маняхин, А. В. Социально-психологическая характеристика особенностей ролевого взаимодействия сотрудников учреждений уголовно-

© Шацкая Е. А., Шемякина П. Р., 2026

исполнительной системы и лиц, осужденных к лишению свободы / А. В. Маняхин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2014. – Т. 7. – № 3. – С. 99–104.

4. Федорова, Е. М. Правовые основы и зарубежный опыт психологической работы с резервом кадров на выдвижение в УИС // Актуальные проблемы защиты прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы: сборник материалов круглого стола. М.: НИИ ФСИН России, 2018. С. 382–387.

5. Огородников, В. И. Современное Кадровое обеспечение УИС: проблемы и перспективы / В. И. Огородников // Организационно-правовое обеспечение деятельности уголовно-исполнительной системы: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А. И. Зубкова и Дню российской науки, Рязань, 8 февраля 2022 г. – Рязань: Академия ФСИН России, 2022. – С. 336–340.

6. Кузнецова, Л. Э., Бочарова К.А. Особенности профессионального развития личности сотрудника уголовно-исправительного учреждения // Исследования молодых ученых : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Казань, июнь 2019 г.). – Казань : Молодой ученый, 2019. – С. 50–51.

7. Гусев, А. С., Коваленко, Ю. О. Об усовершенствовании системы стимулирования курсантов ведомственных учебных заведений ФСИН России к образовательной и служебной деятельности // Социальные и гуманитарные исследования современности на международном и национальном уровне: Сборник научных статей. – Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство «Зебра»), 2024. – С. 217–220.

8. Прикладная юридическая психология: учеб. пособие для вузов / под ред. проф. А. М. Столяренко. М.: ЮНИТИ - ДАНА, 2001. 639 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шацкая Екатерина Александровна, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Шемякина Полина Романовна, курсант, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

© Шацкая Е. А., Шемякина П. Р., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 166–171
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 166–171

Педагогические науки

Научная статья
УДК 796.011.3

ВЛИЯНИЕ АЭРОБНОЙ ТРЕНИРОВКИ НА ФИЗИЧЕСКУЮ ПОДГОТОВКУ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Альберт Янович Бондарь
Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема снижения уровня аэробной выносливости курсантов образовательных организаций МВД России в процессе профессиональной подготовки. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований выявлено противоречие между объективной потребностью в высоком функциональном состоянии сотрудников полиции и фактическим дефицитом циклических нагрузок аэробной направленности в рабочих программах по физической подготовке. Установлено, что доминирование средств единоборств при редукции беговых упражнений приводит к достоверному снижению показателей кардиореспираторной системы (ЖЕЛ – жизненной емкости легких, пробы Штанге и Генчи) к старшим курсам. Обоснована эффективность включения двух-трех дополнительных аэробных тренировок в неделю, обеспечивающих прирост максимального потребления кислорода (МПК) на 11–12%. Сформулированы практические рекомендации по оптимизации учебного процесса: равномерное распределение аэробных нагрузок, вариативность средств, индивидуализация контроля, внедрение спортивно-ориентированных технологий.

Ключевые слова: аэробная тренировка, физическая подготовка, курсанты, слушатели, образовательные организации МВД, выносливость, максимальное потребление кислорода, функциональное состояние, профессионально-прикладная физическая подготовка

Для цитирования: Бондарь, А. Я. Влияние аэробной тренировки на физическую подготовку курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 166–171.

© Бондарь А. Я., 2026

Pedagogical Sciences

Original article

THE IMPACT OF AEROBIC TRAINING ON THE PHYSICAL FITNESS OF CADETS AND TRAINEES AT EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN INTERIOR MINISTRY

Albert Y. Bondar
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

Abstract. The article discusses the problem of reducing the level of aerobic endurance of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the process of professional training. Based on the analysis of domestic and foreign studies, a contradiction has been revealed between the objective need for a high functional state of police officers and the actual shortage of cyclic aerobic loads in physical training work programs. It has been established that the dominance of martial arts techniques in reducing running exercises leads to a significant decrease in the parameters of the cardiorespiratory system (VEL, Barbell and Genchi tests) by the senior years. The effectiveness of including two or three additional aerobic workouts per week, providing an increase in BMD by 11-12%, is substantiated. Practical recommendations for optimizing the educational process are formulated: uniform distribution of aerobic loads, variability of means, individualization of control, and the introduction of sports-oriented technologies.

Keywords: aerobic training, physical training, cadets, trainees, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs, endurance, maximum oxygen consumption, functional state, professionally applied physical training

For citation: Bondar, A.Y. Vliyanie aerobnoj trenirovki na fizicheskuyu podgotovku kursantov i slushatelej obrazovatel'nyh organizacij MVD Rossii [The impact of aerobic training on the physical fitness of cadets and students of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 166–171.

Современная система профессиональной подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации функционирует в условиях непрерывно возрастающих требований к уровню физической готовности выпускников [1, с. 12–15]. Специфика оперативно-служебной деятельности сотрудника полиции, характеризующаяся внезапным возникновением экстремальных ситуаций, высоким психоэмоциональным напряжением и

© Бондарь А. Я., 2026

необходимостью мобилизации максимальных физических усилий, требуется для функционального состояния организма [2, с. 227]. В данном контексте аэробная выносливость, как интегральное проявление деятельности кардиореспираторной системы, приобретает значение не просто общефизического качества, а профессионально значимого критерия пригодности. Анализ современных научных публикаций свидетельствует о наличии устойчивого противоречия между объективной потребностью практических органов МВД России в сотрудниках с высоким уровнем аэробной производительности и фактическим содержанием рабочих программ дисциплины «Физическая подготовка» в ведомственных образовательных организациях МВД России, где доминирующее положение занимает освоение боевых приемов борьбы при явном дефиците циклических нагрузок умеренной мощности [1, с. 156–160; 2, с. 229].

Теоретический анализ проблемы позволяет констатировать, что аэробная тренировка оказывает многоплановое положительное влияние на организм курсантов. С физиологической точки зрения систематическое выполнение циклических упражнений (бег на средние и длинные дистанции, передвижение на лыжах) способствует экономизации функций миокарда, увеличению систолического объема крови и повышению максимального потребления кислорода (МПК) [2, с. 170]. Именно МПК является наиболее объективным предиктором успешности выполнения профессиональных задач, связанных с длительным преследованием правонарушителя, действиями в условиях задымления или на неблагоприятной местности. Кроме того, хорошо тренированная аэробная система обеспечивает более быстрое восстановление после анаэробных нагрузок, доминирующих при силовом задержании, что в совокупности формирует феномен профессиональной надежности сотрудника [1, с. 289]. Вместе с тем эмпирические данные, полученные в ходе мониторинга образовательного процесса в Восточно-Сибирском институте МВД России, демонстрируют тревожную тенденцию: к третьему курсу обучения у курсантов достоверно снижаются показатели жизненной емкости легких. Данное исследование напрямую связывает выявленную негативную динамику с редукцией аэробного компонента в структуре учебных занятий на старших курсах, где основное время отводится отработке приемов задержания и обезвреживания. Данное обстоятельство свидетельствует о наличии серьезного пробела в системе непрерывного физического совершенствования и необходимости пересмотра соотношения средств общей и специальной физической подготовки.

Методологический подход к исследованию проблемы аэробной тренировки в образовательных организациях МВД должен базироваться на принципах спортивно-ориентированного физического воспитания. Суть данного подхода заключается в конверсии высокоэффективных технологий спортивной тренировки в образовательный процесс по физической

© Бондарь А. Я., 2026

подготовке, что предполагает не фрагментарное использование отдельных легкоатлетических упражнений, а целостную методику развития выносливости с контролем объема, интенсивности и характера энергообеспечения.

В контексте поиска эффективных организационно-педагогических решений особого внимания заслуживает экспериментальное исследование, проведенное на базе Университета криминалистики и полицейских исследований в Белграде. Суть эксперимента заключалась во введении двух дополнительных аэробных тренировок в неделю (бег умеренной интенсивности продолжительностью 30–40 минут) для курсантов экспериментальных групп. Результаты двенадцатинедельного периода показали, что изолированное применение специализированной физической подготовки, ориентированной преимущественно на единоборства, не приводит к значимому росту аэробной выносливости. Напротив, включение всего двух дополнительных занятий циклического характера обеспечило достоверный прирост расчетного МПК на 11–12 % ($p<0,01$). Данный факт имеет принципиальное значение для оптимизации учебного процесса в вузах МВД России, поскольку демонстрирует высокую эффективность относительно простых и низкозатратных по материально-техническому обеспечению средств. Более того, использование беговых нагрузок субмаксимальной интенсивности обладает выраженным оздоровительным эффектом и минимизирует риск травматизма опорно-двигательного аппарата.

Анализ содержания физической подготовки в ведомственных вузах позволяет выделить ряд структурных недостатков, препятствующих полноценной реализации аэробного потенциала курсантов. Прежде всего, обращает на себя внимание традиционно сложившаяся практика использования беговых упражнений преимущественно в качестве средства разминки или заминки, когда объем и интенсивность нагрузки заведомо недостаточны для запуска долговременных адаптационных перестроек. Продолжительность непрерывного бега на стандартном двухчасовом занятии редко превышает 10–15 минут, что соответствует зоне оздоровительной, но не развивающей тренировки. Кроме того, отсутствие системы индивидуализации нагрузок, учет текущего функционального состояния и строгая регламентация контрольных нормативов без вариативности средств их достижения формируют у значительной части обучающихся негативное отношение к беговой подготовке как монотонной и психологически дискомфортной деятельности [3, с. 531–532].

Принципиально важным аспектом рассматриваемой проблемы является взаимосвязь уровня аэробной подготовленности с вероятностью завершения обучения и риском получения травм. Механизм данной взаимосвязи носит комплексный характер: во-первых, низкая выносливость лимитирует способность к многократному повторению технических

© Бондарь А. Я., 2026

действий, что замедляет процесс формирования двигательного навыка; во-вторых, утомление, наступающее на фоне неполного восстановления после аэробных нагрузок, ведет к нарушению координационной структуры движений, что в условиях выполнения сложнокоординационных боевых приемов борьбы напрямую повышает риск травматизма [4, с. 8]. Отечественные исследователи дополняют эту картину данными о снижении показателей координационных способностей к третьему курсу на фоне гиподинамии и снижения объема общей физической подготовки [5, с. 239]. Таким образом, формируется замкнутый круг: уменьшение аэробной нагрузки на старших курсах ведет к детренированности дыхательной и сердечно-сосудистой систем, что, в свою очередь, снижает эффективность освоения и без того усложненной программы профессионально-прикладной физической подготовки.

В контексте поиска путей улучшения образовательного процесса следует обратить внимание на потенциал спортизации физического воспитания. Данный подход, активно разрабатываемый в теории и методике профессионального образования, предполагает перевод курсантов из пассивной позиции «обучаемого» в активную позицию «тренирующегося». Применительно к развитию аэробной выносливости это означает формирование у курсантов компетенций самостоятельного планирования беговой подготовки, умения рассчитывать интенсивность по частоте сердечных сокращений, владение методами самоконтроля и коррекции тренировочного процесса [6, с. 150–151].

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд практико-ориентированных рекомендаций по оптимизации процесса аэробной тренировки курсантов и слушателей. Представляется целесообразным пересмотреть распределение учебных часов по семестрам, обеспечив равномерное включение аэробных нагрузок на протяжении всего периода обучения, включая выпускные курсы. Оптимальным режимом следует признать проведение двух-трех целенаправленных тренировок в неделю продолжительностью не менее 30 минут непрерывной работы с интенсивностью 70–85% от максимальной ЧСС. В качестве альтернативы классическому равномерному бегу целесообразно использовать переменный метод (фартлек) и интервальную тренировку в аэробно-анаэробном режиме, что повышает адаптационный потенциал и толерантность к гипоксическим состояниям [2, с. 170]. При организации контроля необходимо сместить акцент с однократной фиксации результата на оценку динамики индивидуальных показателей, что позволит стимулировать даже тех курсантов, которые исходно не обладают высокими кондициями.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что проблема аэробной тренировки в системе профессиональной подготовки кадров МВД России далека от окончательного разрешения. В то же время действующая

© Бондарь А. Я., 2026

система физической подготовки явно недооценивает потенциал беговых упражнений как средства развития ведущего профессионально-значимого физического качества. Преодоление данного противоречия лежит в плоскости не столько увеличения объема часов, сколько оптимизации содержательного наполнения учебных занятий, внедрения современных фитнес-технологий и спортивно-ориентированных методик. Перспективными направлениями дальнейших научных изысканий следует считать разработку нормативных шкал оценки аэробной подготовленности с учетом специфики различных специализаций внутри системы МВД, а также исследование отсроченного эффекта различных тренировочных программ на функциональное состояние выпускников в первый год самостоятельной оперативно-служебной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кикоть, В. Я. Физическая культура и физическая подготовка : учебник для студентов вузов, курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России / В. Я. Кикоть, И. С. Барчуков, Ю. Н. Назаров [и др.] ; под редакцией В. Я. Кикотя. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2020. – 456 с.

2. Халфина, Р. Р. Физиологические особенности двигательной активности : учебное пособие / Р. Р. Халфина, Э. Ш. Шаяхметова, А. В. Данилов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 3-2. – С. 170.

3. Шарипов, А. Н. Формирование профессионально-важных качеств в процессе физического развития курсантов / А. Н. Шарипов, А. Н. Ларин, С. А. Кривелев [и др.] // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2021. – № 11 (201). – С. 529–534.

4. Дорохин, А. Ю. Развитие скоростно-силовых способностей курсантов средствами единоборств / А. Ю. Дорохин, А. В. Горбатенко, А. Н. Воротник, А. А. Лазарев // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. – 2020. – № 2. – С. 3–9.

5. Фофанов, А. М. Исследование взаимосвязи уровня развития основных физических качеств курсантов в зависимости от типа телосложения / А. М. Фофанов, В. Н. Коваленко, А. Ю. Титов // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. – 2021. – № 4. – С. 236–240.

6. Подрезов, И. Н. Роль физической подготовки в развитии профессионально-значимых физических и личностных качеств курсантов / И. Н. Подрезов // Автономия личности. – 2022. – № 1 (27). – С. 148–153.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондарь Альберт Янович, доцент кафедры физической подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

© Бондарь А. Я., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 172–177
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 172–177

Педагогические науки

Научная статья
УДК: 808:378

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА НА КАЧЕСТВО УСВОЕНИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА

Наталья Сергеевна Новолодская
Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема влияния речевой культуры преподавателя высшей школы на эффективность усвоения учебного материала обучающимися. Анализируются три аспекта культуры речи — нормативный, коммуникативный и этический — в их проекции на дидактический процесс. Выявляются механизмы воздействия речевых характеристик преподавателя на когнитивные процессы обучающихся: внимание, понимание, запоминание и систематизацию информации. Обосновывается положение о том, что культура речи преподавателя является не факультативным, а системообразующим фактором профессиональной компетентности, непосредственно влияющим на качество образовательных результатов.

Ключевые слова: культура речи, педагогическая коммуникация, качество усвоения, преподаватель вуза, профессиональная компетентность, образовательный процесс

Для цитирования: Новолодская, Н. С. Влияние культуры речи преподавателя вуза на качество усвоения учебного материала // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 172–177.

Pedagogical Sciences

Original article

THE INFLUENCE OF TEACHER'S SPEECH ON THE QUALITY OF EDUCATION

Natal'ya S. Novolodskaya
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

© Новолодская Н. С., 2026

Abstract. The article considers the problem of influence of the speech culture of a teacher of higher school on the effectiveness of education. Three aspects of speech culture - normative, communicative and ethical - are analyzed in their projections to the didactic process. Mechanisms of the influence of speech characteristics of a teacher on cognitive processes of students are identified: attention, understanding, memorization and systematization of information. It is argued that the culture of teacher's speech is not optional, but a systemic factor of professional competence that directly affects the quality of educational outcomes.

Keywords: culture of speech, pedagogical communication, quality of education, university teacher, professional competence, educational process

For citation: Novolodskaya, N. S. Vliyanie kul'tury rechi prepodavatelya vuza na kachestvo usvoeniya uchebnogo materiala [The influence of teacher's speech on the quality of education]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 172–177.

Современная парадигма высшего образования, ориентированная на компетентностный подход и реализацию требований федеральных государственных образовательных стандартов, предъявляет высокие требования к профессиональной подготовке преподавателя. Традиционно в фокусе внимания находятся предметная компетентность педагога, его научная квалификация и методическое мастерство. Однако за пределами должного осмысления нередко остается фундаментальный инструмент реализации всех названных компетенций — речь преподавателя.

Актуальность исследования обусловлена рядом противоречий. Во-первых, существует разрыв между высокими требованиями к предметным знаниям преподавателя и недооценкой его речевой культуры как условия трансляции этих знаний. Во-вторых, наблюдается тенденция снижения общего уровня речевой грамотности в обществе, что не может не сказываться на качестве педагогической коммуникации в вузе. В-третьих, расширение практики дистанционного обучения актуализирует проблему речевого воздействия в условиях опосредованной коммуникации.

Цель настоящей статьи — выявить и систематизировать механизмы влияния культуры речи преподавателя на качество усвоения учебного материала обучающимися, а также обосновать необходимость рассмотрения речевой культуры как дидактического фактора.

Культура речи как научная категория рассматривается в трех взаимосвязанных аспектах: *нормативном, коммуникативном и этическом* [1, с. 14]. Применительно к педагогической деятельности данная триада наполняется специфическим содержанием.

Нормативный аспект предполагает владение преподавателем нормами современного русского литературного языка — орфоэпическими,

© Новолодская Н. С., 2026

акцентологическими, лексическими, грамматическими, синтаксическими. Это базовый уровень, без которого невозможно построение эффективной образовательной коммуникации.

Коммуникативный аспект связан с умением преподавателя отбирать и организовывать языковые средства в соответствии с целями, условиями общения и особенностями аудитории. Сюда входят такие качества речи, как точность, логичность, чистота, выразительность, уместность и доступность.

Этический аспект включает соблюдение норм речевого поведения, реализацию в речи категорий уважения, такта, доброжелательности, что создает благоприятный психологический климат в учебной аудитории.

В педагогике высшей школы под качеством усвоения понимается совокупность характеристик сформированных знаний, умений и навыков, отражающих степень соответствия планируемым результатам обучения. В. П. Беспалько выделяет четыре уровня усвоения: узнавание, репродуктивное действие, продуктивное действие и творческое действие [2, с. 56]. Достижение каждого из этих уровней опосредовано качеством учебной информации и способом ее предъявления, где речевая деятельность преподавателя играет ключевую роль.

С позиции психолингвистики (А. А. Леонтьев, Л. С. Выготский) речь является не просто средством трансляции готового знания, но инструментом формирования мыслительных структур обучающегося. Восприятие и переработка учебной информации осуществляются через механизмы внутренней речи, что устанавливает прямую зависимость между качеством внешней речи преподавателя и качеством усвоения.

Нормативный аспект: лингвистический барьер как препятствие пониманию.

Нарушение преподавателем языковых норм создает так называемый «лингвистический шум», затрудняющий адекватное восприятие содержания. Акцентологические ошибки (звОнит, квАртал, обеспечЕние, кОбура) не только отвлекают внимание от содержания лекции, но и формируют искаженные эталоны произношения, что впоследствии воспроизводится в речи обучающихся.

Особую проблему представляет лексическая небрежность — употребление слов в несвойственных им значениях, смешение паронимов, тавтология. Как отмечает Е. Ю. Кирейчук, в практике преподавания риторики особое внимание уделяется именно точности словоупотребления, поскольку «речевая ошибка преподавателя тиражируется в сознании десятков и сотен студентов, подрывая доверие к источнику информации» [3, с. 59].

Канцеляризмы и речевые штампы, избыточно насыщающие речь преподавателя, создают эффект «смысловой энтропии» — обучающиеся перестают выделять главное, теряют нить рассуждения, нарастает утомляемость. Слова-паразиты (как бы, значит, ну, это самое), будучи

© Новолодская Н. С., 2026

незначимыми единицами, создают акустический фон, препятствующий концентрации внимания на содержательной стороне речи.

Коммуникативный аспект: дидактический потенциал речевого мастерства.

Доступность изложения. Преподаватель высшей школы решает сложную задачу адаптации научного содержания к уровню восприятия слушающей его аудитории. Речь идет не об упрощении (вульгаризации) научного знания, но о его дидактической обработке — переходе от логики науки к логике учебного предмета. Умение объяснить сложное просто, не теряя научной строгости, — показатель высокого уровня коммуникативной компетенции.

Экспериментальные данные свидетельствуют: при предъявлении одного и того же содержания в двух вариантах — терминологически насыщенном, но логически неструктурированном и адаптированном с сохранением логики — продуктивность запоминания во втором случае выше на 30-40% [4, с. 27]. Это объясняется тем, что доступная речь активизирует механизмы осмысления, а не механического заучивания.

Логичность речи. Логичность как коммуникативное качество предполагает не только отсутствие формально-логических ошибок в рассуждениях, но и композиционную стройность изложения. Четкое выделение вступления, основной части и заключения, использование маркеров логических связей (во-первых, следовательно, таким образом, рассмотрим подробнее) помогают обучающимся выстраивать смысловые опоры конспекта, формировать системное представление о предмете.

Выразительность и образность. Использование тропов (метафор, сравнений, гипербол) и стилистических фигур не является принадлежностью лишь художественной речи. В научно-педагогическом дискурсе образные средства выполняют эвристическую функцию — они помогают «схватывать» сложные абстрактные понятия через чувственно-наглядные представления. Как справедливо отмечал К.Д. Ушинский, «учите ребенка каким-нибудь неизвестным ему пяти словам — он будет долго и напрасно мучиться; но свяжите двадцать таких слов с картинками — и он усвоит их на лету».

Интонационное богатство. Монотонность речи преподавателя — один из главных врагов внимания. Варьирование темпа, тембра, громкости, умелое использование пауз позволяют управлять вниманием аудитории, выделять смысловые центры, давать время на осмысление сказанного.

Этический аспект: психологический климат и мотивация учения

Речевое поведение преподавателя формирует определенный тип образовательной среды. Доброжелательная тональность, уважительные формы обращения, поощрение вопросов и дискуссий создают условия для субъект-субъектного взаимодействия, когда обучающийся из пассивного реципиента превращается в активного участника познавательного процесса.

© Новолодская Н. С., 2026

Напротив, речевая агрессия, сарказм, уничижительные оценки, безапелляционность суждений порождают защитные реакции — страх ошибки, уход от диалога, снижение учебной мотивации. В такой атмосфере усвоение материала происходит на уровне механического запоминания, без глубокого проникновения в содержание, поскольку психическая энергия тратится не на познание, а на психологическую защиту.

Важно подчеркнуть, что этический аспект культуры речи реализуется не только в содержании высказываний, но и в паравербальных компонентах — интонации, темпе, громкости, а также в невербальном сопровождении (мимика, жесты, поза, визуальный контакт). Рассогласование вербального и невербального планов порождает недоверие к говорящему, снижает внушающее воздействие речи.

Проведенное нами исследование позволило выявить ряд зависимостей.

1. Наибольшие трудности в понимании лекционного материала, по оценкам обучающихся, создают: монотонность речи, избыточная сложность синтаксических конструкций, быстрый темп, наличие слов-паразитов.

2. Экспертная оценка речевой культуры преподавателей выявила прямую корреляцию с успеваемостью обучающихся по соответствующим дисциплинам.

3. Обучающиеся склонны проецировать речевую культуру преподавателя на его профессиональную компетентность в целом.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Культура речи преподавателя вуза является не факультативным дополнением к предметной компетентности, а системообразующим фактором, непосредственно влияющим на качество усвоения учебного материала обучающимися.

2. Данное влияние реализуется по трем основным каналам: нормативному (лингвистическая правильность как условие адекватного восприятия), коммуникативному (организация речи, обеспечивающая понимание, запоминание и систематизацию) и этическому (создание психологического комфорта, мотивирующего к учению).

3. Низкая речевая культура преподавателя может существенно снижать дидактический эффект даже при высоком предметном содержании, выступая в роли коммуникативного барьера.

Практические рекомендации:

— включить тренинги по культуре речи и педагогической риторике в программы повышения квалификации преподавателей всех дисциплин (не только гуманитарных);

— внедрить критерий «речевая культура» в систему внутривузовского контроля качества преподавания при посещении занятий;

© Новолодская Н. С., 2026

— разработать для преподавателей методические памятки по самоконтролю речевой деятельности в различных учебных ситуациях (лекция, семинар, консультация, экзамен).

Перспективы дальнейшего исследования связаны с изучением специфики влияния речевой культуры преподавателя на усвоение материала в условиях цифровой образовательной среды (онлайн-лекции, видеоконференции, асинхронное обучение), где меняются каналы восприятия и закономерности речевого воздействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Головин, Б. Н. Основы культуры речи / Б.Н. Головин. — М.: Высшая школа, 1988. — 320 с.

2. Беспалько, В. П. Слагаемые педагогической технологии / В.П. Беспалько. — М.: Педагогика, 1989. — 192 с.

3. Кирейчук, Е. Ю. Оценивание в курсе практической риторики / Е.Ю. Кирейчук // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 25–29 апреля 2022 г. : в 5 ч. / Минский гос. лингвист. ун-т. — Минск, 2022. — Ч. 1. — С. 58–61.

4. Леонтьев, А. А. Педагогическое общение / А.А. Леонтьев. — М.: Знание, 1979. — 48 с.

5. Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н.И. Формановская. — М.: Высшая школа, 1989. — 159 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Новолодская Наталья Сергеевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков и культуры речи, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

© Новолодская Н. С., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 178–183
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 178–183

Педагогические науки

Научная статья
УДК 378.1

ОБ ОПЫТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЕДОМСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Антонина Юрьевна Прудникова [1], Алексей Владимирович Белых [2], Александр Николаевич Мещеряков [3]
[1-3] Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье анализируются актуальные направления развития криминалистической науки, представленные на IV Китайско-российской научно-практической конференции, состоявшейся в г. Харбине (КНР) в июне 2026 года. Рассмотрены основные направления работы конференции: биомолекулярные методы в криминалистике, цифровая трансформация криминалистической деятельности и иммерсивные технологии в обучении криминалистике. Уделено внимание внедрению искусственного интеллекта и технологий виртуальной реальности в образовательный процесс.

Ключевые слова: криминалистика, искусственный интеллект, виртуальные полигоны, международное сотрудничество, подготовка полицейских кадров, киберпреступность
Для цитирования: Прудникова, А. Ю., Белых, А. В., Мещеряков, А. Н. Об опыте взаимодействия ведомственных образовательных организаций российской федерации и китайской народной республики // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 178–183.

Pedagogical sciences

Original article

ON THE EXPERIENCE OF COOPERATION BETWEEN DEPARTMENTAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

© Прудникова А. Ю., Белых А. В., Мещеряков А. Н., 2026

Antonina Yu. Prudnikova [1], Alexey V. Belykh [2],
Alexander N. Meshcheryakov [3]
[1-3] East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

Abstract. The article analyzes current trends in the development of forensic science presented at the 4th Sino-Russian Scientific and Practical Conference held in Harbin (PRC) in June 2026. The main areas of the conference's work are examined: biomolecular methods in forensics, the digital transformation of forensic activities, and immersive technologies in forensic training. Particular attention is paid to the integration of artificial intelligence and virtual reality technologies into the educational process.

Keywords: forensics, artificial intelligence, virtual training grounds, international cooperation, police personnel training, cybercrime

For citation: Prudnikova, A. Yu., Belykh, A. V., Meshcheryakov, A. N. Ob opyte vzaimodejstviya vedomstvennyh obrazovatel'nyh organizacij Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki [On the experience of cooperation between departmental educational institutions of the Russian Federation and the people's republic of China] Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 178–183.

В условиях глобализации преступности и стремительной цифровизации всех сфер жизни общества перед правоохранительными органами Российской Федерации и Китайской Народной Республики стоят схожие вызовы: транснациональная организованная преступность, киберпреступность, незаконный оборот наркотиков, экологические преступления и преступления в сфере высоких технологий. Адекватный ответ на эти угрозы невозможен без постоянного совершенствования криминалистической науки и практики, а также без активного международного сотрудничества в области подготовки кадров для правоохранительных органов.

Объявление 2026–2027 годов Годами российско-китайского сотрудничества в области образования [1] создало благоприятную институциональную основу для углубления взаимодействия между ведомственными образовательными организациями двух стран. В этом контексте особое значение приобрела IV Китайско-российская научно-практическая конференция «Борьба с преступностью, подготовка

[1] Распоряжение Президента Российской Федерации от 28.02.2026 № 28-рп «О проведении Годов российско-китайского сотрудничества в области образования» – URL: http://kremlin.ru/acts/news/79089 (Дата обращения: 10.03.2026).

© Прудникова А. Ю., Белых А. В., Мещеряков А. Н., 2026

полицейских кадров в новую эпоху», состоявшаяся 23 июня 2026 года на базе Хэйлунцзянского института профессиональной подготовки офицеров Министерства общественной безопасности КНР (г. Харбин). Участие в конференции представителей трёх образовательных организаций системы МВД России – Восточно-Сибирского института, Уральского юридического института и Дальневосточного юридического института имени И. Ф. Шилова – позволило не только презентовать отечественные образовательные подходы, но и ознакомиться с передовыми достижениями китайских коллег в области криминалистики, судебной экспертизы и цифровых технологий обучения.

Делегацией Восточно-Сибирского института МВД России в составе заместителя начальника по научной работе Мещерякова А. Н., начальника кафедры криминалистики Прудниковой А. Ю., помощника начальника по международному сотрудничеству Белых А. В. были представлены научные доклады на темы «Организация подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации и зарубежных стран (опыт Восточно-Сибирского института МВД России)» и «Использование результатов ДНК экспертиз животных в расследовании отдельных видов преступлений».

Программа конференции охватывала широкий спектр вопросов, среди которых в рамках криминалистической проблематики рассматривались три ключевых блока: биомолекулярные методы в криминалистике (ДНК-экспертиза животных и растений), цифровая трансформация криминалистической деятельности (большие данные, искусственный интеллект) и иммерсивные технологии в обучении криминалистике (виртуальные полигоны, тренажёры с дополненной реальностью). В ходе дискуссии по первому блоку о практике использования генетических маркеров животных в качестве важных источников доказательственной информации по браконьерству, кражам животных, контрабанде лекарственного сырья животного происхождения китайскими коллегами было отмечено, что в КНР аналогичные исследования активно ведутся применительно к тиграм, леопардам и другим краснокнижным животным, а также к сельскохозяйственным животным. Было высказано предложение о создании совместной российско-китайской базы данных ДНК-профилей домашних и диких животных, обитающих на сопредельных территориях, что существенно повысило бы эффективность расследования трансграничных экологических преступлений.

При рассмотрении вопросов второго блока были затронуты криминалистические характеристики киберпреступлений, методика и тактика раскрытия и расследования преступлений, связанных с использованием цифровых и интеллектуальных инструментов, презентованы предложения трехэтапной комплексной квалификации преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, позволяющей избежать ошибок при разграничении смежных

© Прудникова А. Ю., Белых А. В., Мещеряков А. Н., 2026

составов (например, мошенничества, неправомерного доступа к компьютерной информации и создания вредоносных программ). Обсуждены проблемы привлечения к юридической ответственности за дорожно-транспортные происшествия с участием беспилотных транспортных средств, проблемы использования искусственного интеллекта в доказывании, а также выработки чётких правовых оснований для его использования в правоохранительной деятельности. Особое внимание уделено темам развития цифрового мышления, понимания искусственного интеллекта и применения новейших технологий при подготовке специалистов для правоохранительных органов.

Рассмотрение вопросов третьего блока не ограничилось форматом конференции, а было наглядно продемонстрировано в ходе ознакомления с деятельностью Хэйлунцзянского института, его структурой, специализацией, учебно-материальной базой, передовым опытом организации образовательного процесса.

Являясь высшим профессиональным образовательным учреждением провинции Хэйлунцзян, основанный в 1946 году Хэйлунцзянский институт осуществляет подготовку, повышение квалификации и переподготовку специалистов для Департамента общественной безопасности провинции Хэйлунцзян КНР. Как Центр подготовки народной милиции Департамента общественной безопасности провинции Хэйлунцзян он ежегодно готовит более 8000 сотрудников по программам первоначальной подготовки. С 2017 года, с одобрения Министерства образования Китая, Хэйлунцзянский институт осуществляет академическое обучение специалистов на платной основе в течение 3 лет. По указанным программам в нем обучается 1500 курсантов.

В образовательную деятельность института вовлечены 10 факультетов и отделов: факультет следствия; факультет управления обеспечением общественного порядка; факультет криминалистических технологий; факультет тактической подготовки полицейских; юридический факультет; факультет управления дорожным движением; факультет обеспечения сетевой безопасности и применения информатизационных технологий в служебной деятельности в области общественной безопасности; отдел преподавания и исследования политической теории; отдел преподавания и исследования психологии полицейской службы; отдел преподавания и исследования базовых дисциплин.

Подготовка проводится по шести специальностям: уголовный розыск; охрана общественного порядка; криминалистические технологии; управление дорожным движением; командование и тактика полицейской службы; кибербезопасность и правоохранительная деятельность.

Непрерывная практическая подготовка в Хэйлунцзянском институте обеспечена современными учебно-тренировочными полигонами, лабораториями, тиром, спортивными комплексами.

© Прудникова А. Ю., Белых А. В., Мещеряков А. Н., 2026

Значительную долю в образовательном процессе составляет использование современных образовательных технологий в формате интерактивных обучающих программ. Использование индивидуального и группового полигонов виртуального осмотра места происшествия с использованием VR-шлемов и тактильных перчаток позволяет курсантам закрепить навыки последовательности действий как специалиста, так и следователя при осмотре места происшествия любого типа (квартирной кражи, дорожно-транспортного происшествия, убийства). На полигоне «Полицейский участок» смоделированы условия реального территориального отдела полиции: комната приема заявлений, комната для сбора биометрических данных, комната пресечения агрессивного поведения нарушителей общественного порядка, комната проведения опознания, VR-комплекс для отработки навыков пресечения нарушений общественного порядка.

Аналогичные технологии внедряются и в российских ведомственных вузах [1], однако масштаб и системность подхода в Хэйлунцзянском институте заслуживают отдельного изучения. Наличие в учебных аудиториях модульных столов, аудиовизуальных средств связи позволяет, как точно заметили Т. Н. Михайлова, Д. А. Корытов и С. И. Усачев [2, с. 143–144], реализовывать различные педагогические форматы, способствует практико-ориентированному обучению, является инструментом повышения квалификации, разрешения спорных академических ситуаций. Кроме учебных полигонов и классов имеется класс психодиагностики, оснащённый 14 столами с песком для арт-терапии, что свидетельствует о внедрении методик психологической разгрузки и оценки стрессоустойчивости будущих полицейских.

Оснащение конференц-зала системой синхронного перевода и распознавания речи позволило наладить общение российской делегации с преподавателями института практически без участия переводчиков, что демонстрирует, как технологическое оснащение аудиторий может существенно повысить эффективность международных образовательных обменов.

Ежегодно институт получает ощутимую финансовую поддержку на развитие учебно-материальной базы, в 2026 году выделено около 60 млн юаней (порядка 700 млн рублей). На государственном уровне принят план по развитию искусственного интеллекта в образовании, что позволяет институту последовательно модернизировать учебный процесс [3].

Сравнительный анализ показывает, что российские образовательные организации МВД в целом обладают сопоставимым оборудованием, однако степень интеграции цифровых технологий и виртуальных симуляторов в КНР выше. Это объясняется как масштабными государственными инвестициями, так и системным подходом к внедрению ИИ-технологий во все сферы, включая образование.

© Прудникова А. Ю., Белых А. В., Мещеряков А. Н., 2026

Российская и китайская криминалистические школы имеют много общего в подходах к расследованию преступлений и подготовке кадров, различаясь темпами цифровой трансформации и практической реализации инноваций. В свою очередь международные образовательные обмены, включающие чтение лекций по юридическим дисциплинам, публикации результатов исследований, научно-практические конференции позволяют обогатить образовательные программы, создать основу для компаративных исследований в области криминалистики, подготовки высококвалифицированных кадров для правоохранительных органов, обладающих профессиональной компетентностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гусев, А. В. Современные методики подготовки кадров для органов внутренних дел в контексте трансформации состояния и структуры преступности // Борьба с преступностью, подготовка полицейских кадров в новую эпоху : сб. ст. IV китайско-российской науч.-практ. конф. (Харбин, 23 июня 2026 г.). Харбин, 2026. С. 1 – 12.

2. Михайлова, Т. Н., Корытов, Д. А., Усачев, С. И. О положительном опыте международного сотрудничества между образовательными организациями высшего образования Российской Федерации и Китайской Народной республики // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. №1 (26). С. 139 – 146.

3. Чжан Бо. Подготовка кадров по специальности «Следствие» в условиях цифровой и интеллектуальной трансформации: проблемы и пути их решения // Борьба с преступностью, подготовка полицейских кадров в новую эпоху : сб. ст. IV китайско-российской науч.-практ. конф. (Харбин, 23 июня 2026 г.). Харбин, 2026. С. 29 – 32.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Прудникова Антонина Юрьевна, начальник кафедры криминалистики, Восточно-Сибирский институт МВД России, России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Белых Алексей Владимирович, помощник начальника института по международному сотрудничеству, Восточно-Сибирский институт МВД России, России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Мещеряков Александр Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника института по научной работе, Восточно-Сибирский институт МВД России, России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

© Прудникова А. Ю., Белых А. В., Мещеряков А. Н., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 184–189
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 184–189

Педагогические науки

Научная статья
УДК 796

ИНТЕГРАЦИЯ ВЫСОКОИНТЕНСИВНОГО ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ТРЕНИНГА (КРОССФИТ) В ПРОЦЕСС ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РАБОТОСПОСОБНОСТИ

Семен Александрович Терещенко
Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена возрастающими требованиями к физической готовности сотрудников органов внутренних дел к действиям в экстремальных ситуациях, связанных с силовым противоборством и высокой психофизической нагрузкой. Традиционные подходы к физической подготовке курсантов не всегда в полной мере моделируют условия реальной оперативно-служебной деятельности. В статье рассматривается методика интеграции элементов высокоинтенсивного функционального тренинга (HIFT) в учебный процесс по дисциплине «Физическая подготовка». Целью работы является теоретическое обоснование и экспериментальная проверка эффективности применения комплексов кроссфита для развития специальной выносливости, силовых качеств и психологической устойчивости курсантов. Методы исследования: анализ научно-методической литературы, педагогическое тестирование, пульсометрия, методы математической статистики. В результате разработан модульный комплекс упражнений, имитирующий типовые фазы преследования и силового задержания правонарушителя. Экспериментальные данные подтвердили достоверное улучшение показателей в челночном беге, подтягиваниях и функциональной пробе Купера у экспериментальной группы по сравнению с контрольной ($p \leqslant 0,05$). Ключевой вывод: внедрение функционального многоборья способствует не только росту физических кондиций, но и формированию морально-волевых качеств, необходимых для выполнения боевых задач.

© Терещенко С. А., 2026

Ключевые слова: физическая подготовка, курсанты МВД, высокоинтенсивный функциональный тренинг, кроссфит, профессионально-прикладная физическая подготовка, силовое задержание, работоспособность, психологическая устойчивость

Для цитирования: Терещенко, С. А. Интеграция высокоинтенсивного функционального тренинга (кроссфит) в процесс физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России как фактор повышения профессиональной работоспособности // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 184–189.

Pedagogical Sciences

Original article

INTEGRATION OF HIGH-INTENSITY FUNCTIONAL TRAINING (CROSSFIT) IN THE PROCESS OF PHYSICAL TRAINING OF CADETS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA AS A FACTOR INCREASING PROFESSIONAL WORKING CAPACITY

Semyon A. Tereshchenko
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

Abstract. The relevance of the study is due to the increasing requirements for the physical readiness of internal affairs officers to act in extreme situations involving forceful confrontation and high psychophysical stress. Traditional approaches to the physical training of cadets do not always fully simulate the conditions of real operational and service activities. The article discusses the methodology of integrating elements of high-intensity functional training (HIFT) into the educational process of the discipline "Physical Training." The purpose of the work is to provide a theoretical basis and experimentally test the effectiveness of using crossfit complexes to develop special endurance, strength qualities, and psychological stability in cadets. Research methods: analysis of scientific and methodological literature, pedagogical testing, heart rate monitoring, and methods of mathematical statistics. As a result, a modular set of exercises was developed that simulates typical phases of pursuit and forceful detention of an offender. The experimental data confirmed a significant improvement in the shuttle run, pull-ups, and Cooper's functional test in the experimental group compared to the control group ($p \leqslant 0.05$). The key conclusion is that the implementation of functional all-around training not only enhances physical fitness but also fosters the development of moral and volitional qualities necessary for performing combat tasks.

© Терещенко С. А., 2026

Keywords: physical training, Interior Ministry cadets, high-intensity functional training, crossfit, professional and applied physical training, forceful detention, efficiency, and psychological stability

For citation: Tereshchenko, S. A. Integraciya vysokointensivnogo funkcional'nogo treninga (krossfit) v process fizicheskoj podgotovki kursantov obrazovatel'nyh organizacij MVD Rossii kak faktor povysheniya professional'noj rabotosposobnosti [Integration of high-intensity functional training (crossfit) into the process of physical training of cadets of Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a factor in improving professional performance]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 184–189.

Современная оперативная обстановка характеризуется высокой степенью криминальной агрессии. Сотрудники органов внутренних дел часто действуют в условиях дефицита времени, на фоне физического утомления и в средствах индивидуальной бронезащиты. Это требует от выпускников образовательных организаций МВД России не просто выполнения контрольных нормативов по бегу или подтягиванию, а способности к комплексному проявлению силы, быстроты и выносливости в вариативных условиях [1, с. 45].

Анализ действующей программы обучения показывает, что разделы «Легкая атлетика» и «Боевые приемы борьбы» часто существуют изолированно. Тренировки на силу нередко оторваны от тренировок на выносливость. В результате у сотрудника может быть развита статическая сила мышц, но при реальной борьбе в партере или при преследовании с последующим задержанием возникает резкое кислородное голодание и потеря мышечного контроля [2, с. 112].

Решением данной проблемы может стать интеграция высокоинтенсивного функционального тренинга, который объединяет аэробные, гликолитические и силовые нагрузки в рамках одной сессии. Данный подход уже положительно зарекомендовал себя в силовых структурах зарубежных стран, однако требует адаптации под специфику российских ведомственных вузов [3, с. 28].

Цель исследования — разработать и экспериментально обосновать методику применения функциональных многоборных комплексов (кроссфит-сессий) для совершенствования физической подготовки курсантов МВД России.

Исследование проводилось на базе одного из ведомственных вузов в течение учебного года. В эксперименте приняли участие 40 курсантов 2-го курса (юноши), разделенных на контрольную (КГ, n=20) и

© Терещенко С. А., 2026

экспериментальную (ЭГ, n=20) группы. Уровень физического развития в группах был статистически однородным.

Контрольная группа занималась по стандартной рабочей программе. В учебно-тренировочный процесс экспериментальной группы дважды в неделю (вместо общефизической подготовки) включались модули HIFT. Структура кроссфит-комплекса моделировала «цикл задержания».

Структура разработанного тренировочного модуля имитировала динамику реального оперативного контакта и включала четыре последовательные стадии. На начальном этапе моделировалось преследование правонарушителя — курсанты выполняли бег на дистанцию 400–800 метров в среднем темпе, удерживая пульс в границах 140–150 ударов в минуту. Затем следовала фаза непосредственного боевого соприкосновения, в ходе которой испытуемые в течение одной-двух минут работали на боксерском мешке либо проводили «бой с тенью», используя легкие утяжелители для рук. Третья стадия была нацелена на отработку навыков задержания и включала броски специализированного манекена массой от 20 до 30 килограммов, а также технику проходов в ноги. Завершал занятие функционально-силовой блок высокой интенсивности, построенный по принципу круговой тренировки: курсанты непрерывно выполняли бёрпи (упражнение, воспроизводящее цикл падения и быстрого подъема после контакта с опорой), запрыгивания на возвышение, перемещение тяжелой автомобильной покрышки и транспортировку условно пострадавшего партнера в так называемом «огневом методе».

Для объективного контроля переносимости предлагаемой нагрузки применялся непрерывный мониторинг частоты сердечных сокращений. Было установлено, что в моменты наибольшего напряжения, при сочетании аэробной и анаэробной работы, пульс испытуемых закономерно достигал субмаксимальных значений в 170–185 ударов в минуту. Стремясь усилить адаптацию организма к работе в условиях острого дефицита кислорода и повысить психологическую устойчивость, мы сознательно усложняли отдельные задания. Ряд функциональных серий выполнялся на фоне частичной гипоксии, сразу же после проведения удушающих приемов в партере. Такой методический прием искусственно воспроизводил состояние временной дезориентации и оглушенности, которое возникает у сотрудника после пропущенного акцентированного удара в реальной схватке. Помимо этого, в структуру восстановительных микроциклов были интегрированы упражнения на гребном эргометре в аэробном режиме и специализированные статодинамические комплексы для укрепления паравертебральных мышц. Подобный акцент преследовал профилактическую цель — снизить риск травматизации поясничного отдела позвоночника, который у сотрудников правопорядка патологически часто страдает из-за вынужденного многочасового ношения бронежилета. В целом описанная методика позволила синхронизировать момент

© Терещенко С. А., 2026

максимальной психологической мобилизации с глубокой фазой физического утомления, тем самым приблизив учебную нагрузку к естественному стрессу боевой обстановки.

Для всесторонней оценки результативности мы не стали ограничиваться одной лишь «физикой» и собрали батарею тестов, в которую вошли как классические армейские нормативы — бег на 3 км, челночный бег 10х10 м, подтягивания и силовое комплексное упражнение, — так и более тонкие психофизиологические замеры. Последние были представлены теппинг-тестом, позволяющим оценить подвижность и лабильность нервных процессов, а также пробой Ромберга. Причем пробу эту мы проводили дважды: сначала в спокойном состоянии, а затем повторяли сразу после интенсивной нагрузки, чтобы увидеть, насколько хорошо курсант сохраняет постуральную устойчивость на фоне выраженного утомления.

Когда все данные были собраны и обработаны, цифры четко обрисовали картину произошедших сдвигов. Уже при беглом взгляде на результаты экспериментальной группы бросался в глаза системный и однонаправленный прогресс. Взять хотя бы челночный бег — упражнение, которое, пожалуй, лучше всего раскрывает координационные возможности и взрывную силу ног. Курсанты ЭГ сбросили здесь в среднем 1,1 секунды, выйдя на уровень 24,9±0,3 с. На этом фоне скромные 0,3 секунды, отыгранные контрольной группой, выглядят не более чем статистической погрешностью. Еще более убедительно проявила себя динамика силовой выносливости. В подтягиваниях на перекладине экспериментальная группа совершила настоящий рывок, прибавив 5,2 раза (различие достоверно при $p \leqslant 0,05$). Для сравнения: их коллеги, занимавшиеся по стандартной программе, остановились на куда более сдержанной прибавке в 2,8 раза.

Особый интерес вызывает реакция на специфическую нагрузку. Тест «Переноска манекена 50 метров + болевой прием» курсанты ЭГ выполняли на 15 % быстрее, чем в начале года, а главное — с сохранением правильной техники удержания. В КГ во время финала утомления у 35 % испытуемых наблюдалось расслабление захвата, что недопустимо при реальном задержании [4, с. 74].

Положительная динамика в ЭГ объясняется принципом метаболической сонастройки. Организм адаптировался к смене режимов энергообеспечения без пауз отдыха. Психологическое тестирование показало повышение нервно-эмоциональной устойчивости курсантов ЭГ к стрессу, вызванному физической болью и усталостью. На вопрос о субъективном ощущении готовности к применению силы 85 % ЭГ ответили уверенно, против 60 % в КГ.

© Терещенко С. А., 2026

Выводы:

1. Интеграция кроссфит-комплексов позволяет преодолеть «разрыв переноса» между стандартными видами спорта и реальной боевой деятельностью.

2. Методика HIFT эффективно развивает общую и силовую выносливость мышц верхнего плечевого пояса и корпуса, что критически важно при надевании наручников и удержании правонарушителя.

3. Занятия функциональным тренингом на фоне утомления повышают помехоустойчивость центральной нервной системы, что является профилактикой срыва боевого приема в экстремальной ситуации.

4. Рекомендуется внедрение 1–2 специализированных кроссфит-занятий в неделю в рамках вариативной части программы на старших курсах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецов, М. Б. Моделирование ситуационных задач высокой интенсивности на занятиях по физической подготовке курсантов / М. Б. Кузнецов // Научно-методический журнал «Физическая культура: воспитание, образование, тренировка». – 2022. – № 4. – С. 44–47.

2. Баркалов, С. Н. Методика служебно-прикладной физической подготовки в образовательных организациях МВД России : учебно-методическое пособие / С. Н. Баркалов, Е. А. Алдошин. – Орел : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2020. – 156 с.

3. Glassman, G. Understanding CrossFit / G. Glassman // The CrossFit Journal. – 2007. – № 56. – P. 1–8.

4. Глубокий, В. А. Функциональный тренинг как средство совершенствования техники боевых приемов борьбы / В. А. Глубокий, И. А. Гусев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2021. – № 3 (44). – С. 71–77.

5. Heinrich, K. M. High-intensity functional training (HIFT) improves fitness in police officers / K. M. Heinrich, J. Spencer, N. Fehl // International Journal of Exercise Science. – 2019. – Vol. 12, No. 3. – P. 25–33.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРТ

Терещенко Семен Александрович, преподаватель кафедры физической подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

© Терещенко С. А., 2026

Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (33). С. 190–196
Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026; no.3 (33): 190–196

Педагогические науки

Научная статья
УДК 378.1

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ВОСТОЧНО-СИБИРСКИМ ИНСТИТУТОМ МВД РОССИИ И ГОСУДАРСТВЕННЫМ КОМИТЕТОМ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Елена Игоревна Третьякова [1], Анатолий Александрович Шеков [2]
[1, 2] Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В данной статье авторами рассмотрен положительный опыт международного сотрудничества между Восточно-Сибирским институтом МВД России, правоохранительными органами и образовательными организациями Республики Беларусь, который получен во время посещения российской делегацией Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (г. Минск).

Ключевые слова: положительный опыт, образовательная организация, образовательная деятельность, научная деятельность, судебно-экспертная деятельность, международное сотрудничество

Для цитирования: Третьякова, Е. И., Шеков, А. А. Международное сотрудничество между Восточно-Сибирским институтом МВД России и государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь: основные направления и перспективы развития // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2026. № 3 (33). С. 190–196.

© Третьякова Е. И., Шеков А. А., 2026

Original article

INTERNATIONAL COOPERATION BETWEEN EAST SIBERIAN INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA AND THE STATE COMMITTEE OF FORENSIC EXAMINATIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS: MAIN DIRECTIONS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Elena I. Tretyakova [1], Anatoly A. Shekov [2]
[1, 2] East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. In this article, the authors examine the positive experience of international cooperation between the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, law enforcement agencies, and educational organizations of the Republic of Belarus, which was gained during a visit by the Russian delegation to the Scientific and Practical Center of the State Committee for Forensic Examinations of the Republic of Belarus (Minsk).

Keywords: positive experience, educational organization, educational activities, scientific activities, forensic activities, international cooperation

For citation: Tretyakova, E. I., Shekov, A. A. Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo mezhdu Vostochno-Sibirskim institutom MVD Rossii i Gosudarstvennym komitetom sudebnykh ekspertiz Respubliki Belarus': osnovnyye napravleniya i perspektivy razvitiya [International cooperation between East Siberian institute of the ministry of internal affairs of Russia and the state committee of forensic examinations of the Republic of Belarus: main directions and prospects of development]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026. no. 3 (33), pp. 190–196.

В условиях глобальной трансформации правоохранительной деятельности и усложнения криминогенной обстановки международное сотрудничество становится одним из ключевых факторов обеспечения национальной безопасности не только в сфере противодействия преступности, но и в сфере ведомственного образования и науки. Исторически международное сотрудничество между Российской Федерацией и Республикой Беларусь строится на принципах стратегического союзничества в различных сферах, взаимопомощи и сохранения государственного суверенитета, а международная ситуация,

© Третьякова Е. И., Шеков А. А., 2026

складывающаяся на современном этапе, способствует укреплению российско-белорусских отношений.

Безусловно, необходимость обеспечения государственной безопасности стран как от внешних, так и внутренних угроз является приоритетным направлением государственной политики любого государства. В этой связи является перспективным развитие партнерских связей между Российской Федерацией и Республикой Беларусь в области обмена опытом в борьбе с преступностью, а также подготовки квалифицированных кадров для органов внутренних дел с учетом накопленного опыта двух стран. Международное сотрудничество профильных образовательных организаций позволит повысить эффективность образовательной деятельности путем анализа общих тенденций, особенностей и проблем совершенствования качества подготовки квалифицированных кадров, оценки значимости инновационных научно-образовательных технологий и инициатив для их внедрения в образовательную деятельность, обеспечивая ее практическую направленность. В конечном итоге все это, безусловно, будет способствовать оптимизации деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью [1, С. 247; 2, С. 91].

Приоритетным профилем подготовки кадров Восточно-Сибирского института МВД России является «Деятельность экспертно-криминалистических подразделений по производству автотехнической и пожарно-технической экспертиз», и в этой связи рабочая поездка делегации Восточно-Сибирского института МВД России (далее – институт) в составе начальника образовательной организации полковника полиции Урюпина Александра Николаевича, начальника факультета заочного обучения, переподготовки и повышения квалификации полковника полиции Третьяковой Елены Игоревны и начальника кафедры судебно-экспертной деятельности полковника полиции Шекова Анатолия Александровича в Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь стала значимым шагом на пути укрепления профессиональных контактов в области научно-образовательного взаимодействия. Визит был приурочен к знаковому событию двух организаций – подписанию Меморандума о сотрудничестве в области образовательной и научной деятельности между Восточно-Сибирским институтом МВД России и Научно-практическим центром Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – Центр).

Безусловно, в современных социально-экономических условиях, с учетом неблагоприятных тенденций трансформации и развития преступности, уголовное судопроизводство неразрывно связано с необходимостью использования специальных знаний, повышения качества судебно-экспертного сопровождения [2, С. 215]. В этой связи интересным

© Третьякова Е. И., Шеков А. А., 2026

представляется опыт Республики Беларусь по созданию в 2013 г. Государственного комитета судебных экспертиз, целью которого являются совершенствование государственной судебно-экспертной деятельности, усиление защиты прав и законных интересов граждан, организаций в уголовном, административном, гражданском и хозяйственном процессе. И уже сегодня результаты деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь говорят о правильности и своевременности принятого решения, позволившего устранить многолетние проблемы реализации судебно-экспертной деятельности.

Научно-практический центр является структурным подразделением Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь и, непосредственно реализуя единую государственную политику в сфере судебно-экспертной деятельности, включая ее научно-методическое обеспечение, осуществляет определение основных направлений совершенствования судебно-экспертной деятельности с учетом потребности правоприменителей, успешно внедряет в практику достижения науки и техники, прогрессивные формы и методы организации судебно-экспертных исследований.

В ходе визита делегация ознакомилась с деятельностью Центра, его структурой, специализацией, учебно-материальной базой. Основными структурными подразделениями центра являются:

– научный отдел методического и информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности;

– научный отдел технических, криминалистических и специальных исследований;

– научный отдел гуманитарных исследований;

– научно-исследовательская лаборатория судебных медицинских и психиатрических исследований;

– научно-исследовательская лаборатория молекулярно-биологических исследований.

В рамках программы пребывания состоялась рабочая встреча делегации с начальником Центра полковником юстиции Позняком Вадимом Сергеевичем и кандидатом физико-математических наук, доцентом, заместителем начальника Центра Толкачёвой Екатериной Анатольевной, другими сотрудниками Центра.

В ходе встречи обсуждены современные методы и средства судебной экспертизы, актуальные проблемы взаимодействия в сфере судебно-экспертной деятельности, включая главные вопросы развития международного сотрудничества между организациями в области подготовки и повышения квалификации кадров, проведения совместных научных исследований, издания научных монографий, учебных и учебно-методических пособий, участия в научно-представительских мероприятиях.

© Третьякова Е. И., Шеков А. А., 2026

При посещении лаборатории исследования материалов, веществ и изделий Центра особый интерес вызвало использование спорово-пыльцевого анализа при экспертном исследовании объектов растительного происхождения, в том числе наркотических и психотропных.

С сотрудниками научно-исследовательской лаборатории молекулярно-биологических исследований представители делегации обсудили перспективные направления ДНК-идентификации биологических образцов животного происхождения.

В лаборатории исследования компьютерной техники, радиоэлектронных устройств, фото- и видеоматериалов работники Центра продемонстрировали современные методы исследования статических и динамических подписей при решении идентификационных задач судебной почерковедческой экспертизы, в том числе программное обеспечение для верификации динамической подписи.

Кроме того, подчиненной организацией является и Государственное учреждение образования «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» (далее – Институт), реализующий задачи Государственного комитета судебных экспертиз в области научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности, подготовки, переподготовки и повышения квалификации судебных экспертов, научных работников, а также иных сотрудников в пределах компетенции.

В ходе служебной командировки состоялась рабочая встреча с проректором по учебной работе Института Немкович Ольгой Владимировной. В ходе встречи стороны обменялись мнениями об особенностях образовательной деятельности на различных уровнях образования, о научно-методическом обеспечении образования, подчеркнув, что ключевая роль в профессиональном становлении судебных экспертов отводится повышению их квалификации. Следует отметить, что в Республике Беларусь не только профессиональное образование осуществляется по образовательным стандартам, но и дополнительное образование (повышение квалификации и переподготовка).

Конструктивный характер встречи позволил выявить передовые практико-ориентированные формы и методы образовательной деятельности, обеспечивающие необходимый уровень подготовки кадров для судебно-экспертных подразделений Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Еще одним интересным и заслуживающим внимания представляется опыт включения в структуру Государственного комитета судебных экспертиз Республики Баларусь Республиканское унитарное предприятие (РУП) «Белсудэкспертобеспечение». Примечательно то, что его основной задачей является укрепление материально-технической базы Государственного комитета судебных экспертиз и обеспечение социальных

© Третьякова Е. И., Шеков А. А., 2026

и экономических интересов работников предприятия путем разработки, производства, модернизации и реализации криминалистических средств для экспертной деятельности.

В рамках визита делегация ознакомилась с современными достижениями предприятия в области материально-технического и технологического обеспечения судебно-экспертной деятельности.

Директор предприятия Мищенко Максим Витальевич провел экскурсию, в ходе которой продемонстрировал широкий спектр экспертных возможностей организации, рассказал про линейку специализированных кейсов, предназначенных для оперативной работы судебных экспертов, специальные упаковочные материалы и сувенирную продукцию.

Помимо материальных средств, участникам делегации презентовали программные комплексы и высокотехнологичное оборудование, внедренное в повседневную практику экспертных подразделений Государственного комитета судебных экспертиз.

В завершение встречи стороны обменялись мнениями о перспективах дальнейшего взаимодействия и отметили важность интеграции передовых технологий и технических средств двух стран в образовательную деятельность.

В заключение следует отметить, что международное сотрудничество с Научно-практическим центром Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, Институтом повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь по направлениям подготовки кадров для экспертных подразделений и развития научного обеспечения судебно-экспертной деятельности будет способствовать повышению профессионального уровня сотрудников Восточно- Сибирского института. Кроме того, такое укрепление международного сотрудничества и дальнейшее развитие партнерских отношений с белорусскими коллегами, безусловно, будет способствовать повышению позитивного имиджа МВД России на международной арене, а полученный опыт и знания будут использованы для совершенствования образовательного процесса в ведомственных образовательных организациях МВД России.

Изучение и обмен опытом, безусловно, окажет положительное влияние на повышение качества подготовки кадров для органов внутренних дел и эффективности борьбы с преступностью в Российской Федерации и Республике Беларусь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гриб, В. Г., Окс, Л. Е. Актуальные проблемы международного полицейского сотрудничества и подготовки кадров для органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3 (63). С. 112–120.

© Третьякова Е. И., Шеков А. А., 2026

2. Корытов, Д. А., Третьякова, Е. И. Заключение эксперта по результатам дактилоскопического исследования как доказательство: факторы его обоснованности и доброкачественности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3(102). С. 215-229.

3. Ардашев, Р. Г., Шеков, А. А., Лузько, Д. Н. Об обмене практическим опытом между образовательными организациями Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России : электрон. журнал. Иркутск. 2025. № 3 (29). С. 90–97.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Третьякова Елена Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, начальник факультета заочного обучения, переподготовки и повышения квалификации, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Шеков Анатолий Александрович, кандидат химических наук, доцент, начальник кафедры судебно-экспертной деятельности, Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

© Третьякова Е. И., Шеков А. А., 2026

Общие положения

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Электронное периодическое издание является научным изданием, выходит в свет четыре раза в год.

Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу и рецензирование.

Электронное периодическое издание имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее — институт) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Общее руководство, определение политики формирование и издания осуществляет главный редактор.

Регламентацию требований к представленным материалам и условиям их опубликования, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.

Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакции в других печатных и (или) электронных изданиях.

Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.

Для опубликования научных материалов необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; к статье соискателя, адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись научного руководителя должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

Научный материал, заявка на опубликование должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска.

Научный материал, заявка на опубликование предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.

Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.

Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаться в каждом выпуске издания и на официальном сайте института в сети «Интернет».

Все публикуемые в электронном периодическом издании «Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России» научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.

Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

При поступлении научного материала, заявки на опубликование, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта, докторанта) редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов редакция определяет рецензента из состава редакционной коллегии или стороннего специалиста, исходя из направления научной работы.

При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

При подготовке рецензии учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя (для соискателя, аспиранта, адъюнкта, докторанта).

Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом в редакционную коллегию для учёта и хранения (в течение пяти лет).

По результатам рецензирования редакционная коллегия принимает решение: об опубликовании научного материала; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

Принятое редакционной коллегией решение доводится до сведения автора по электронной почте.

В случае принятия редакционной коллегией решения о направлении научного материала автору на доработку к доработанному автором научному материалу предъявляются требования. На повторно направляемый автором для опубликования доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в электронном периодическом издании «Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России» необходимо представить в редакцию надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта, докторанта).

Требования к объёму статей:

Минимальный объём — 5 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объём — 10 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Требования к оформлению печатного текста:

Формат файла: *doc.

Шрифт: Times New Roman.

Размер шрифта: 14 кегль.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: все по 2,5 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине». Сноски (если есть) — концевые, нумерация на каждой странице.

Оформление перечней осуществляется ВРУЧНУЮ. Список литературы нумеровать также ВРУЧНУЮ. Тире типографское (длинное).

Фотографии, рисунки представлять отдельными файлами в формате *jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации не представлять, как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать).

Список использованной литературы оформляется как «Библиографические ссылки» и оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008.

Ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (например, [2, с. 46]). Данные ссылки оформляются в затекстовом списке по степени упоминания в тексте.

В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке литературы.

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

Оригинальность текста должна составлять не менее 65 %.

Обязательные реквизиты:

В начале статьи автор должен обязательно указать: свою фамилию, имя, отчество (полностью, на русском и английском языках), место работы, должность, учёное звание, учёную степень (на русском и английском языках), контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры,

института, университета и т. п.), по которому с автором можно связаться), после этого её название (на русском и английском языках).

Аннотацию (не более 500 знаков, включая пробелы) (на русском и английском языках), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи) (на русском и английском языках).

Требование к указанию научной отрасли:

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утверждённой приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № 59 Номенклатурой специальностей научных работников.

Требование к отзыву научного руководителя:

Если автор является адъюнктом, аспирантом, докторантом, то прилагается отзыв, подготовленный научным руководителем (или научным консультантом), заверенный кадровым аппаратом и печатью организации.

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье.

Требование к соблюдению режима секретности:

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России

К представленному научному материалу должна прилагаться справка автора об отсутствии сведений, запрещённых к опубликованию в открытой печати, заверенная личной подписью.

Порядок направления рукописей и издания:

Статья представляется в редакцию в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Рукопись, а также электронная копия рецензии и экспертного заключения о возможности открытого опубликования (при наличии) может быть направлена в редакцию по электронной почте daidjest_esirk@mail.ru

Научный дайджест
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД России

№ 3 (33) 2026

электронное периодическое издание № 3 (33) 2026

Редактор
Т.В. Зайцева

Компьютерная вёрстка
Д.А. Кузнецова

НИО ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110